

ПАТРИЦИИ

ДАНИЛА КОМАСТРИ
МОНТАНАРИ

ШРАМ НА БЕДРЕ

Рим времен правления императора Клавдия. Патриции пируют на террасах дорогих вилл, ведут беседы у мраморных бассейнов, наблюдают за боями отважных гладиаторов... Но молодому сенатору Публию Аврелию Стацию скучно проводить жизнь в праздных развлечениях. Его увлекает исследование темной стороны человеческой души и причин, толкающих добропорядочных граждан на неблагоприятные поступки.

И судьба будто специально подбрасывает Аврелию задачи, для решения которых необходимо обладать логикой, наблюдательностью и проницательным умом.

Молодая невеста — одна из двух сестер-близняшек, найдена мертвой в купальне всего за несколько часов до бракосочетания. Вроде нет причин сомневаться, что причина несчастья — слабое здоровье девушки, но Публий Аврелий не верит в случайности и начинает расследование. Убийства и шантаж, постыдные тайны и темная магия жрецов Кибелы — кто знает, что преследует семью Арриания: злой рок или старые прегрешения?

ISBN 978-5-907338-13-5

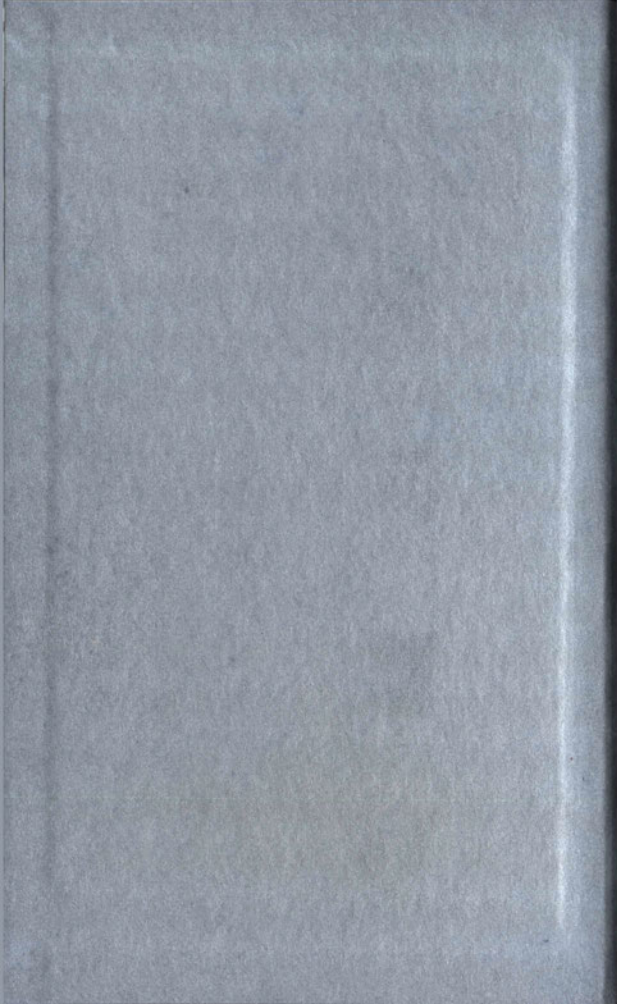

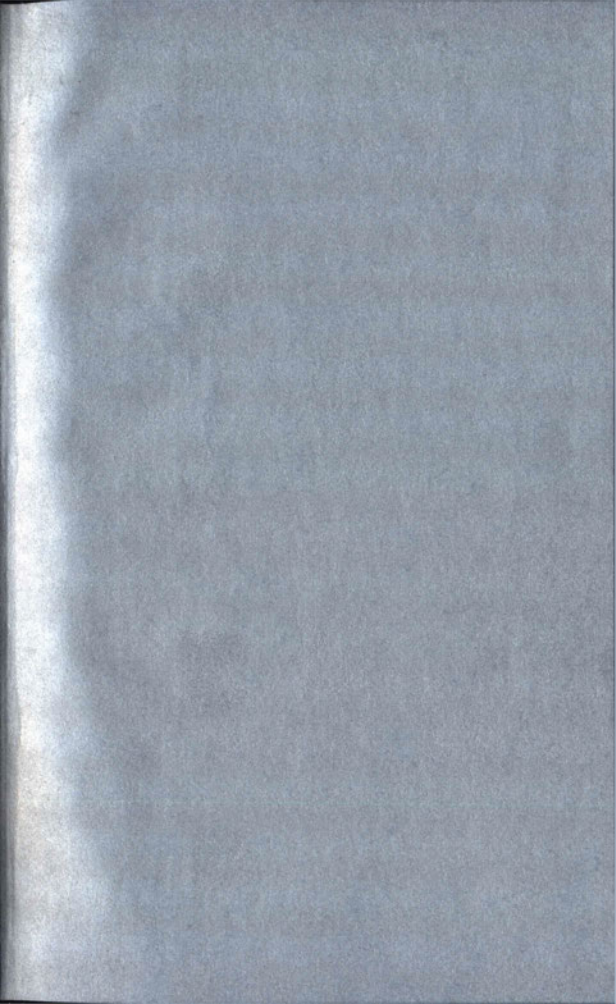
9 785907 338135 >

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labirint.ru

16+

Знак информационной продукции

П А Т Р И Ц И Й

АРКАДИЯ

ДАНИЛА КОМАСТРИ
МОНТАНАРИ
ШРАМ
НА БЕДРЕ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2021

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита=473.1)
М77

Danila Comastri Montanari
PARCE SEPULTO

Перевела с итальянского
Ирина Константинова

Художник
Людмила Котельникова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Настоящее издание выходит с разрешения
Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency

Монтанари Д. К.

М77 Шрам на бедре: [сборник] / Данила Комастри Монтанари; [пер. с итал. И. Константиновой]. — СПб.: Аркадия, 2021. — 352 с. — (Серия «Патриций»).

ISBN 978-5-907338-13-5

Две дочери Ритора Арриания — близняшки Камилла и Лучилла, похожи как две капли воды. Только ближайšie служанки да старенькая бабушка знают о единственном различии: шраме на бедре, последствии случайной травмы, о которой не говорили даже отцу. И вот теперь Камилла мертва. Но действительно ли это она? Или одна сестра выдает себя за другую? Сенатору Публию Аврелию Стацию придется проявить недюжинную выдержку и использовать все свое обаяние, чтобы раскрыть тайну. А также разобратъся с чередой других несчастий, которые преследуют семью почтенного Арриания.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита=473.1)

ISBN 978-5-907338-13-5

© Danila Comastri Montanari, 1996
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, составление,
оформление. ООО «Издательство
Аркадия», 2021

ШРАМ НА БЕДРЕ

Не тронь усопшего.

Вергилий, Энеида, II, 41

РИМ, 798 ГОД AB URBE CONDITA¹
(45 ГОД НОВОЙ ЭРЫ)

I

ЗА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ
ДО НОЯБРЬСКИХ КАЛЕНД²

Удобно расположившись на ложе в таблинуме³, сенатор Публий Аврелий Стаций потягивал тёплое фалернское, время от времени кивая в знак согласия. Помпония не умолкала уже почти целый час, и теперь патриций был полностью в курсе всех скандалов, случившихся в городе, особенно тех, что касались легкомысленной императрицы Валерии Мессалины.

¹ От основания Города (*лат.*), то есть Рима. Официальная дата его основания — 21 апреля 753 года до н. э. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Календами назывался первый день месяца, когда появлялась новая луна.

³ Tablinum (*лат.*) — комната, служившая хозяину дома кабинетом.

Внимание Аврелия, убаюканное непрерывным говором подруги, незаметно перешло на иные, гораздо более приятные темы: он вспоминал старинные керамические сосуды из своей коллекции, трактат Колумеллы о садах, изящество куртизанки Цинции.

— ...Моя дочь! — громко воскликнула пышнотелая матрона. От неожиданности Аврелий вздрогнул и опрокинул чашу. — Иногда кажется, что ты совсем не слушаешь меня, — хмурясь, упрекнула его Помпония, а раб поспешил вытереть со стола пролитое вино.

«Возможно ли, чтобы Помпония вновь родила... — удивился патриций. — Нет, — исключил он, — хотя она и старается всячески скрыть это, всё-таки давно перешагнула детородный возраст».

— Лучилле почти двадцать три года, — объяснила подруга.

«Наверное, какая-то ошибка молодости, — решил ошеломлённый сенатор, — ошибка, о которой добрый Тит Сервилий, муж Помпонии, остался в неведении...»

— Она выходит замуж через пять дней. К сожалению, Тит в Лукании и не сможет присутствовать на свадьбе. Я надеялась, что ты придёшь вместо него.

— Но в таком случае Сервилий... — в изумлении заговорил Аврелий.

— Он удочерил её ещё до отъезда! Это дочь моей покойной двоюродной сестры Кальпурнии — да избавят её боги от мучений в царстве Аида! — а отец — Лучо Аррианий, учитель риторики, — уточнила Помпония. — Их единственный

сын скончался ещё прежде, чем надел мужскую тогу. Не имея наследника, Аррианий хочет усыновить Оттавия, своего лучшего ученика, и женить на своей дочери, чтобы он продолжил его род. Таким образом, дети станут братом и сестрой. И для того, чтобы стало возможно бракосочетание, необходимо, чтобы кто-то в свою очередь удочерил Лучиллу. Мы сразу же предложили свои услуги, разве не великолепно?

Аврелий не мог не согласиться.

— Как приёмная мать невесты, — продолжала Помпония, — я устраиваю всё торжество: церемониал на старинный манер со свадебными хорами. Лучилла под вуалью, повсюду лепестки роз и, естественно, званый ужин! Подруги уже пришли, чтобы помочь ей выбрать куклу, которую она положит на алтарь.

Матрона утёрла невольную слезу. Древняя традиция требовала, чтобы невеста во время свадьбы рассталась со своей любимой игрушкой в знак прощания с детством.

— Мы отказались от прялки и веретена, потому что они уже совсем вышли из моды, но Оттавий поднимет Лучиллу на руки и внесёт в спальню.

Патриций кивнул. Он знал поверье, по которому, если невеста, не приведи бог, споткнётся на пороге спальни, то это станет недобрым предзнаменованием для будущей жизни супругов.

— Можешь рассчитывать на меня, — заверил Аврелий.

Девушка, о которой можно позаботиться, это как раз то, что требуется Помпонии. С тех пор,

как несколько лет назад во время войны с парфянами погиб её сын, матрона одарила морем любви целую стаю юных девиц, но это тем не менее не смогло полностью исчерпать её нерастраченные материнские чувства.

Тут из атриума донёлся женский голос, и стало ясно, что пришла гостья.

— Это, наверное, она. Я вас познакомлю! — обрадовалась Помпония, а раб-привратник торжественно сообщил:

— Лучилла Арриания!

В дверях появилась необыкновенной красоты девушка: миндалевидные, почти восточного типа глаза скромно опущены, как и полагается молодой незамужней женщине в присутствии важного мужчины; тонкая шея, изящно изогнутые брови, на мочке уха крохотная родинка, пухлая нижняя губа выражает некоторое недовольство.

Девушка робко улыбалась.

— Она очаровательна! — в восторге шепнул Аврелий.

— Ах, дочь моя, ты произвела сильное впечатление на сенатора Стация, а ведь ему очень трудно угодить в том, что касается женской красоты! — с невероятной гордостью проговорила Помпония. — Однако ты, Аврелий, и думать не смей ни о чём таком! Лучилла выходит замуж, и за очень достойного молодого человека. Ты счастлива, сокровище моё?

— Я люблю Оттавия с детства, тётушка Помпония.

— Мама! — поправила её матрона, а патриций с удовольствием слушал этот разговор.

Брак по любви — кто бы мог подумать!

Граждане Рима связывали себя узами брака по многим хорошим причинам: делёж наследства, необходимость политической поддержки, упрочение семейных союзов, но крайнее редко при этом имело место искреннее чувство.

Поэтому считалось само собой разумеющимся, что супруги, похвально потрудившись над продолжением рода, обретали одного или нескольких отпрысков, а затем жили отдельно, каждый своей собственной жизнью, ища на стороне чувство, которое не смог дать супружеский союз.

Аврелий сам женился в двадцать лет, но вскоре по взаимному согласию развёлся, чем положил конец бурному сосуществованию мало подходящих друг другу людей.

— Я с таким трудом нашла парикмахершу, которая умеет украшать тутулус⁴.. Теперь женщины чаще всего отправляются замуж в том же виде, в каком ходят на рынок за покупками. Не стало больше никакой торжественности, величественных церемоний, — причитала Помпония, которая всегда и во всем придерживалась самых современных взглядов, но, может быть, именно благодаря этому нередко сожалела о наиболее впечатляющих моментах древних обычаев. — А самой волнующей была старинная традиция бракосочетания «кум ману», когда невеста обращалась к мужу со словами: «Где будешь ты, Гай, там буду и я, Гая!» Так в прежние времена жена давала мужу обет верности.

⁴ Свадебная причёска в виде высокого конуса, повторяющая причёску этрусских женщин.

— И становилась его абсолютно бесправной рабыней, оставаясь несовершеннолетней на всю жизнь! — возразил Аврелий. — Не уверяй меня, будто именно ты, Помпония, оплакиваешь те времена!

Патриций, со своей стороны, был очень рад, что родился не тогда, когда женщин запирали в домах, чтобы они пряли там шерсть. Теперь, к счастью, римлянки, во всяком случае наиболее состоятельные, пользовались свободами, и даже чересчур многими, если послушать моралистов. Для женщин из бедного сословия и рабов, напротив, всё складывалось иначе: изнурительный труд, рождение одного за другим множества детей и рано или поздно смерть после длительной агонии, которыми завершались особенно трудные роды.

— Я вовсе не хочу, чтобы вернулись прежние времена! Я считаю, что традиции становятся интересными, только когда к ним перестают относиться всерьёз... Ах, но мы наскучили Лучилле. Ну, как дела, дорогая? У тебя дома всё готово?

— Да, мама, — ответила Лучилла. — Ждём вас на рассвете. Так до свадьбы сенатор сможет стать свидетелем усыновления Оттавия моим... его... — Девушка слегка запуталась во всех этих формальных переменах родственных связей.

— Ах, была бы жива бедная Кальпурния, — вздохнула матрона, а девушка решила, наконец, обратиться к уважаемому гостю:

— Благодарю тебя, сенатор, за честь, которую оказываешь нам, согласившись присутствовать на свадьбе, несмотря на то что я выхожу замуж за небогатого человека.

— Но обладающего блестящим талантом, как мне говорят, что гораздо важнее социального статуса, — улыбнулся Аврелий.

Лучилла покраснела от гордости, весьма обрадовавшись добрым словам сенатора о её будущем муже.

— Останетесь поесть? Я прикажу быстренько приготовить небольшой ужин... — предложила Помпония.

Аврелий испугался: «небольшой ужин» у матроны означал по меньшей мере восемь или десять перемен, и не самых лёгких для желудка.

— Я в самом деле не могу, — спасла его Лучилла. — Мне нужно сейчас же вернуться домой и заняться последними приготовлениями. Кстати, не видели Наннион? Она куда-то пропала.

— Эта глупая служанка не очень-то тебе помогает! Я найду более подходящую, ведь теперь тебе придётся заниматься домашним хозяйством! — весело пообещала Помпония и, красуясь в сандалиях на высокой платформе, проводила к двери новую дочь.

В атриуме они встретили Наннион, не сводившую глаз с Кастора, секретаря Аврелия. Любезный вольноотпущенник, видя, какое произвёл впечатление, уже готов был решительно атаковать наивную служанку, но вовремя заметил краем глаза в конце коридора её госпожу.

Поспешно оставив свою жертву в покое, он склонился в почтительном поклоне, безупречном, но в то же время без малейшего намёка на смирение.

— Аве⁵, госпожа!

Помпония снисходительно взглянула на него.

Она питала слабость к хитрому слуге Публия Аврелия, хорошо зная, как он умеет выручать хозяина из щекотливых затруднений.

— Ты здесь, наконец-то! — сказала Лучилла, обращаясь к Наннион.

Служанка поспешила отнять ладонь, спокойно лежавшую в цепкой руке Кастора.

— Я провожу твою дочь, Помпония, — предложил Аврелий. — Уже темнеет, как бы не встретился ей какой-нибудь недобрый человек.

Римские улицы были небезопасны с наступлением темноты, особенно для богатой и красивой женщины: за каждым углом могли притаиться в засаде воры и налётчики, не говоря уже о бандитских шайках, всегда готовых напасть на одинокую девушку.

— Не хотела бы я, чтобы твоё сопровождение оказалось для Лучиллы опаснее, чем путешествие в одиночку! — проворчала Помпония, хорошо знавшая склонность Аврелия к любовным приключениям.

Матрона, однако, напрасно беспокоилась. Патриций, хоть и оценил красоту девушки, не увлёкся ею. Лучилле чего-то недоставало: крупницы лукавства, может быть, капельки агрессивности или того зёрнышка безрассудства, которое способно вскружить голову такому мужчине, как он. Поэтому он без труда пообещал подруге, что доставит невесту живой и невредимой в отеческий дом.

⁵ Ave (лат.) — традиционное приветствие в Древнем Риме.

II

ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО НОЯБРЬСКИХ КАЛЕНД

В то роковое утро ещё до восхода солнца великолепный паланкин с матовыми стёклами и занавесками из тончайшего полотна медленно несли по мощёным улицам Рима восемь могучих, чернокожих нубийцев.

Рабы-глашатаи шли впереди паланкина, за ним шествовал Кастор в роскошном синтезисе⁶ из гардероба хозяина, и далее следовала толпа слуг.

Верный секретарь нёс на красной подушке свадебный подарок — инкрустированную слоновой костью шкатулку, в которой находилось десять алебастровых египетских баночек с кремом, источавших густой аромат мирры и розы. Чтобы сохранить его, баночки держали в подземном леднике среди кусков льда, куда Аврелий отправлял для охлаждения свою цервезию⁷.

— Ну, вот и приехали, наконец, — зевнув, произнёс сонный патриций, стараясь окончательно проснуться после раннего побуждения.

В этот предрассветный час большая часть Рима уже была на ногах и трудилась. Лавочки у ворот города открывались, а торговцы, для которых они служили ещё и домом, распахивали

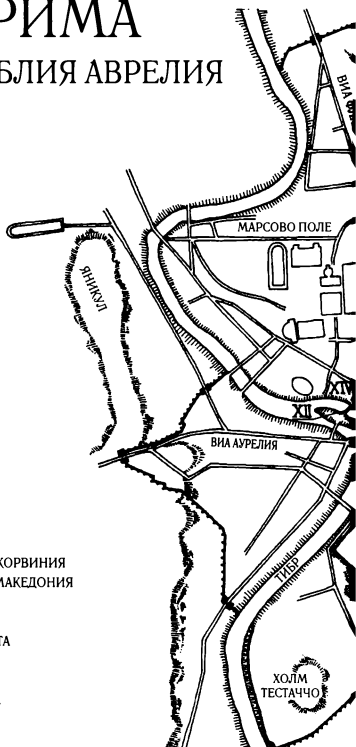
⁶ Греческое мужское платье, которое надевали специально для торжественного ужина.

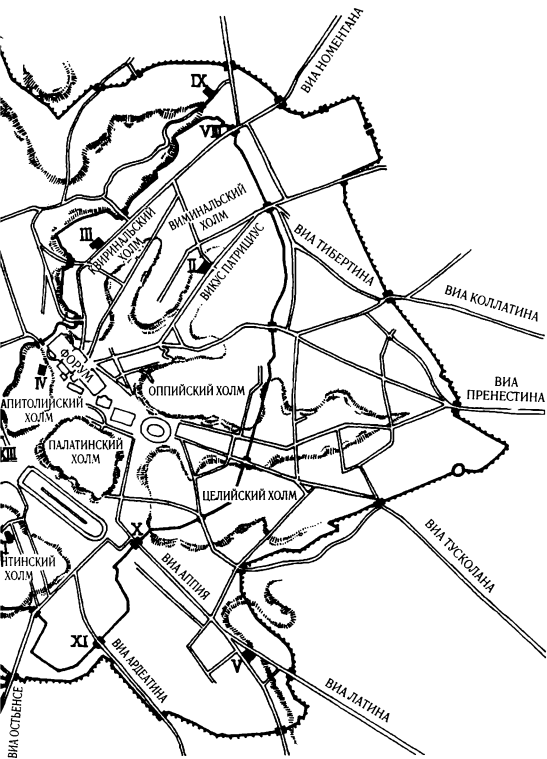
⁷ Напиток, весьма похожий по вкусу и составу на современное пиво.

ПЛАН РИМА

ВРЕМЕН ПУБЛИЯ АВРЕЛИЯ

- I ШКОЛА АРРИАНИЯ
- II ДОМ АВРЕЛИЯ
- III ДОМ ИРЕНЕИ
- IV МЕНЯЛЬНАЯ ЛАВКА КОРВИНИЯ
- V МЕСТО ПРОМЫСЛА МАКЕДОНИЯ
- VI ДОМ АРРИАНИЯ
- VII ПИРАМИДА ЦЕСТИЯ
- VIII КОЛЛИНСКИЕ ВОРОТА
- IX ДОМ ПАНЕЦИЯ
- X КАПЕНСКИЕ ВОРОТА
- XI НЕВИЙСКИЕ ВОРОТА
- XII МОСТ ФАБРИЦИЯ
- XII МОСТ ЭМИЛИЯ
- XIV ТЕАТР МАРЦЕЛЛИЯ

деревянные ставни, быстро удаляя все следы ночлега: соломенные тюфяки засовывались на антресоли, узкие кожаные раскладушки превращались в небольшие скамейки для первых покупателей, которые вскоре появятся. Столы, отмытые от остатков вчерашнего ужина, как по волшебству превращались в прилавки, доверху заполненные товарами вдобавок к тем, что висели на верёвках, натянутых с одной стороны улицы на другую.

Аврелия, известного полуночника, Парису пришлось буквально силой стащить с кровати. Заботливый управляющий был единственным из слуг, кто умел оставаться глухим к сонным ругательствам хозяина.

Понадобилось добрых два часа, чтобы искупаться, побриться и выбрать тунику, не говоря уже о времени, какого требует сложнейшее облачение в тогу, все складки которой должны быть уложены как нельзя лучше.

В таком вот безупречном виде, с пурпурной лентой — латиклавой — на самом виду, как и положено сенатору, Аврелий и вышел из паланкина перед домом Арриания.

— Аве, Аврелий! — встретил его хозяин, предлагая в знак приветствия хлеб и соль.

— Сенатор Стаций! — воскликнул красивый юноша атлетического сложения с влажными чёрными глазами и пожал ему руку уверенным жестом, не слишком заискивающим, но и не слишком нахальным, что очень понравилось патрицию. — Я слышал о твоей великолепной библиотеке...

— Оттавий, ну неужели и в день свадьбы нельзя обойтись без разговоров о библиотеке? — прервала его Помпония, подходя в этот момент в окружении целой толпы служанок. — А где же невеста?

— Ещё готовится. Если пожелаете проследовать за мной, можем перейти к усыновлению, — предложил Аррианий, с удовольствием потирая руки.

Аврелий не спеша прошёл в таблинум, смирившись с тем, что его ждёт смертельная скука. Есть что-то раздражающее в этом учителе риторики, подумал он, что-то приторное и елейное в его нарочитой вежливости, казавшейся фальшивой, подобно вопросам — риторическим, кстати сказать, — на которые уже известны ответы.

Спустя два часа, потраченных на выслушивание Арриания и невероятно говорливой Помпонии, сенатор задался вопросом, когда же, наконец, начнётся брачная церемония. Но, увы, он ещё не знал о визите учеников.

Неожиданно из атриума донёсся какой-то громкий шум, учитель риторики поспешил изобразить на своём лице приличествующую случаю широкую улыбку, и Аврелия, который по неосторожности оказался рядом с ним, окружила целая толпа школьников в тогах с красной, как и у него, каймой в знак святости отрочества⁸.

⁸ Praetextae (лат.) — претекста, у римлян верхняя одежда, отороченная красным, как знак отличия благородных детей (обоего пола) до совершеннолетия; также одежда верховных властителей — с более широкою обшивкой.

Священного, однако, у этой шайки мальчишек имелось очень мало, во всяком случае, если судить по тому, с каким исступлением они набросились на Аврелия без всякого почтения к его сенаторским знакам отличия. Начищенные до блеска невысокие сапоги с полулуниями они бесцеремонно затоптали, а безупречная тога, которую тянули во все стороны липкие руки, в один миг утратила красоту своей драпировки.

Один из мальчишек прыгнул на сенатора прямо с бюста Гомера, а другой раскачивался над ним, повиснув на шторе таблинума; третий, с густыми кудрями, ниспадавшими на лицо, прихрамывая, выбирался из кухни с украденными там сладостями.

Аврелий отважно держался некоторое время, но потом после очередного удара решил осторожно ретироваться во внутренний дворик, где надеялся как-нибудь исправить ущерб, нанесённый его изысканному сенаторскому одеянию.

Вскоре, более или менее приведя себя в порядок, он принялся искать надёжное место, где можно было бы переждать это нашествие.

— Да, это, конечно, не дворец, — услышал он за спиной чей-то мягкий голос. Очевидно, кто-то имел в виду стены, нуждавшиеся в срочной штукатурке, и сдвинутые черепицы на крыше.

Патриций обернулся и вытаращил глаза, сражённый чарующим миражом: между обшарпанных колонн стояла невеста — стройная фигурка, обтянутая белоснежной туникой с золотой ото-

рочкой. И вдобавок — о чудо какого-то великодушного бога! — в её изящных жестах, в гордом пожатии плечами, в смеющихся глазах вспыхнула вдруг та колдовская искра, какой не было у неё тогда, в доме Помпонии.

Сенатор даже издал возглас удивления, а девушка откинула назад голову с густой копной чёрных волос, которые вопреки всем приличиям мягкими локонами закрывали уши, украшенные золотыми полулуниями. Только императрица, легкомысленная Мессалина, смела представлять на публике с такой причёской!

Увидев, как изумился сенатор, девушка рассмеялась. Звонкий смех её походил на звучание кимвалов. Этот был звук самой жизни, которую не в силах были обуздать тесные рамки приличий.

— Лучилла? — проговорил Аврелий, не веря своим глазам. Когда он видел её первый раз, она была сама скромность, теперь же смотрела на него из-под тёмных ресниц прямо и с веселой дерзостью.

— Ты ошибаешься, я — Камилла! — засмеялась женщина. — Не удивляйся! Все попадают в эту ловушку, потому что мы с Лучиллой абсолютные близнецы и никто не может различить нас!

— Богиня Афродита пожелала сделать нам, смертным, двойной подарок! — в восхищении воскликнул патриций.

Почему же Помпония ничего не сказала ему об этом? Он был уверен, что коварная матрона промолчала нарочно.

— А ты, наверное, сенатор Стаций, друг тётушки... Иди сюда, познакомлю тебя с моим мужем, — шепнула девушка с лёгкой гримаской, которая подчеркнула надутую нижнюю губку.

Когда они направились к входу в таблинум и Камилла шла рядом, даже никак не касаясь его, патриций вдруг почувствовал, как в нём пробуждается жгучий интерес, какой Лучилла при всей своей необыкновенной красоте никогда не могла бы в нём пробудить.

Камилла отступила чуть в сторону, пропуская его, сенатор вошёл комнату и до крайности изумился. Мужчина сидел за мраморным столом к нему спиной, но Аврелию хватило быстрого взгляда, чтобы узнать его: продолговатая голова, лысина, плохо скрытая стараниями парикмахера, покатые плечи, длинные, волосатые, как у обезьяны, руки.

— Элий Корвиний! — в потрясении воскликнул он, и человек быстро обернулся.

— Аве, Аврелий, дорогой мой, рад, что ты здесь. Давно не виделись.

— С тех пор, как ты пытался навязать мне фальшивые векселя, — вспомнил сенатор, которому уже не раз приходилось избегать обмана хитрого банкира.

— Я надеялся отыгаться за твою негласную конкуренцию в Цизальпинской Галлии, — оправдался Корвиний. — Из-за тебя мне пришлось закрыть филиал в Мантуе.

— Что же удивляться, что твои клиенты покинули тебя, Элий. Ты ведь одалживал деньги под баснословный процент...

— Я не занимаюсь благотворительностью, сенатор Стаций. Я работаю для того, чтобы получить доход. Ты же, благодаря латифундиям, унаследованным от предков, можешь себе позволить быть честным. Я же моментально обанкрочусь, если стану довольствоваться жалкими двенадцатью процентами годовых за те деньги, которые одалживаю.

— Это процент, установленный законом.

— Закон, закон! Если создают столько ограничений свободной инициативе, то скажи-ка мне, что дальше-то будет с экономикой? Ах, где те прекрасные времена, когда банкиры держали в кулаке всю страну, открывая и закрывая свои биржи! Теперь всё наоборот, прощайте головокружительные сделки, ведь у нас отняли даже право на откуп налогов и передали его имперским чиновникам! И сегодня нам приходится довольствоваться крохами: обменный курс, кое-какие кредиты... Так или иначе, тебя всё это мало интересует. Мне известно, что ты поручил управление своим имуществом какому-то вольноотпущеннику!

— Да, очень толковому человеку, Парису. Я считаю, что имею больше, чем трачу, и не собираюсь копить деньги за счёт некоторых невезучих бедняков!

— Вы, аристократы, все одинаковы! Разве не знаешь, сенатор Стаций, что деньги должны умножаться, постоянно воспроизводить сами себя?

— Но твои ставки отвратительны. Если слишком перегружать осла, рискуешь вскоре увидеть, как он сдохнет под своей ношей.

Корвиний усмехнулся:

— Ослов в империи сколько угодно, и века не хватит, чтобы все подошли! Постарайся лучше не ставить мне больше палки в колёса, иначе останешься ни с чем. Видел, что у тебя получилось в Иберии⁹? Ты не смог открыть там ни одной конторы!

— Да, это верно, все мои конторы были полностью уничтожены какими-то загадочными пожарами...

— Не повезло, дорогой коллега. Что же касается честности, то ты ведь не станешь уверять меня, будто твоя дружба с императором Клавдием никак не повлияла на тот исключительный обменный курс в Нумидии¹⁰, какой тебе удалось установить недавно!

— Ты удивишься, но это действительно так. Просто я предложил правильное решение, и мне очень жаль, что тебя исключили из этого дела. Знаю, что ты потратил немалую сумму, чтобы побудить министра Палланте помочь тебе.

— Ну что же, мы квиты. Поэтому давай пожмём руки и не будем больше портить друг другу нервы. Мы ведь здесь для того, чтобы отпраздновать свадьбу.

— Кстати, поздравляю, у тебя прекрасная жена, — сказал сенатор, указывая на Камиллу, которая, как верная супруга, молча и скромно стояла в стороне.

— Прекрасная? Знал бы ты, во что она мне обходится... Но это было хорошее вложение

⁹ Ныне Испания.

¹⁰ Примерно эту же территорию сегодня занимает Тунис.

денег. Репутация много значит в нашем ремесле, и ты, конечно, понимаешь, что люди всегда готовы довериться человеку, у которого много слуг, роскошные виллы и жена-транжира. С другой стороны, нельзя сказать, что они неправы. Знаешь ли ты хоть одного человека, который доверил бы свои деньги бедняку?

Патриций искоса взглянул на Камиллу, смущённый откровенным тоном, каким банкир говорил о супруге. Женщина и глазом не моргнула. Но Аврелию показалось, будто в её взгляде мелькнуло что-то вроде злорадного удовлетворения.

Однако длилось это не дольше мгновения, а потом её лицо вновь осветилось широкой улыбкой, и красавица Камилла протянула руку пожилому мужу.

— «Божественная Сапфо¹¹, фиалкокудрая, сладкоулыбающаяся, чистая... — воспевал её Алкей!» — неожиданно громко процитировал Аррианий.

Аврелий не слушал его, устав от бесконечных декламаций, он сосредоточил свои мысли и взгляды на прекрасной Камилле, которая спокойно сидела рядом.

— «Представляя её, прекраснейшую, в твоей торжественной процессии в Митилене», — ответил Аррианию Оттавий.

¹¹ Сапфо (Сафо) — древнегреческая поэтесса VII—VI вв. до н. э. Жила на острове Лесбос. Возглавляла кружок знатных девушек, которых обучала музыке, песням и танцам.

— А на самом деле Сапфо была совсем не-красива! — возразил ему громкий голос из глубины комнаты. Высокого роста женщина с густыми каштановыми волосами, собранными на греческий манер высоко на голове, вошла в комнату, распространяя вокруг себя терпкий аромат нарда¹².

Помпония при виде вновь прибывшей не сдержала досадливой гримасы, а Панецкий, директор школы, напротив, с почтением поспешил ей навстречу. Аврелий обратил на него внимание ещё раньше, в атриуме, когда увидел его рядом с Оттавием в толпе учеников — тощий, сухопарый мужчина лет тридцати пяти, одетый с необыкновенной, почти маниакальной тщательностью. Пряди светлых волос, свисающие на лоб, худые, идеально выбритые щёки, ухоженные ногти — всё говорило об изысканной элегантности, которую кто-то, возможно, мог бы счесть излишней для человека его положения. Он конечно образованный и состоятельный, но всё же вольноотпущенник.

Между тем учитель риторики поспешил льстиво встретить новую гостью.

— Юния Иренея! Не ожидал, что почтишь меня своим визитом! Сенатор Стаций, позволь представить тебе...

— Знаменитого математика и филолога Иренею? — подхватил Аврелий. — Нет нужды: её слава давно облетела всю империю.

¹² Восточное ароматическое вещество, добываемое из травянистого растения семейства валериановых, очень ценившееся в древности.

Не без важности склонив голову, женщина показала, что ей приятна такая оценка, и патриций заметил, что она внимательно рассматривает его.

— В прошлом Юния гостила у нас в Риме и даже обучала моих дочерей, — с законной гордостью объяснил Аррианий.

— Ну, может быть, Сапфо и не была красивой, — пробормотал тем временем Оттавий, пытаясь вновь привлечь внимание к своим словам, — и всё же её скромное очарование...

— Скромное очарование? Божественная лесбиянка была известной злокой и питала слабость к роскошной одежде и восточным драгоценностям, — перечеркнула тему учёная дама, заставив замолчать растерявшегося юношу. — Вижу здесь только одну из моих учениц, — сказала женщина, сразу же ставшая центром внимания. — Кто же это? Мне никогда не удавалось толком различить их.

— Я — Камилла, моя сестра пока в ванной, но скоро ею займётся парикмахер.

Услышав это, Помпония возликовала: значит, будет тутулус — причёска новобрачной, которая ей так нравилась.

— Выходит, Оттавий решил жениться на математичке, а не на поэтессе! — довольно бестактно заключила учёная дама.

— Ну что ты, Иренея! — пришла ей на помощь Камилла. — Я давно уже не пишу стихи. И моя сестра тоже больше не проводит дни за решением математических задач.

— Жаль! Вы обе были такие талантливые. С другой стороны, когда наступают годы расцвета

женственности, многие девушки забывают про образование и искусство в пользу других, более легкомысленных занятий. Вот почему у нас так мало женщин в литературе и науке...

— А ты, Иреня, — уточнил Панецкий, — пример замечательного исключения.

— Потому что у меня нет мужа, которому нужно угождать, и детей, которых нужно растить, мне даже не приходится вести неравную борьбу со временем, чтобы сохранить чуть подольше молодость-однодневку.

Аврелий внимательнее посмотрел на неё: эту женщину с её высокими скулами и резкими чертами лица и в самом деле нельзя было назвать красивой. Но было в ней всё же какое-то своеобразие, что-то необычное, что делало её невероятно привлекательной.

— Бывает такой тип молодости, которая не знает возраста, — с убеждением шепнул он ей, постаравшись, чтобы этого не слышала тщательно следившая за собой Помпония, которая могла обидеться на такие слова.

— Безусловно, брак подрезает крылья творческому духу женщин, — заговорила Помпония, — я сама, прежде чем выйти замуж за моего Тита Сервилия, развлекалась сочинительством.

— И что же это было? Саффические строфы, анакреонтическая лирика? — слишком поспешно и вежливо поинтересовалась Иреня.

— Кулинарные рецепты в стихах, — с гордостью объяснила пышнотелая матрона. — Помню рецепт про устриц...

— Трудно заниматься одами и ямбами после свадьбы, — прервала её Камилла. — Я сама при том, что у меня много рабов и служанок, не нахожу теперь для этого времени. Забота о муже целиком поглощает меня. Кстати, вот возвращается его ненаглядный Николай. Если хотите жить спокойно с вашим мужем, — улыбнулась она, — никогда не выходите замуж за банкира: первоочередное внимание он всегда будет уделять своему секретарю!

Элий Корвиний и в самом деле задержался в дверях, отдавая распоряжения хваткому юноше, который выглядел скорее героем арены, нежели счетоводом, — уж очень выпирала из-под коротких рукавов туники мощная мускулатура.

Аврелий постарался скрыть недовольство. Он знал от Помпони, что Камилле пришлось выйти замуж за старого банкира в семнадцать лет, оказавшись разменной монетой в какой-то сделке.

— Как поживает Испулла? — поинтересовалась тем временем Юния Иренея.

— Моя мама просит извинить её, но она не сможет присутствовать на церемонии, — произнёс Аррианий. — Она стара и больна, а с тех пор как у неё отнялись ноги и её носят на руках домашние рабы, она предпочитает не покидать больше свою спальню.

В этот момент из небольших водяных часов, стоявших на колонне, зазвучали серебряные колокольчики, которые наигрывали незатейливую мелодию, и все обернулись, с восхищением рассматривая это чудо техники.

От продажи одной только этой вещицы, прикинул Аврелий, хозяин дома мог бы получить столько денег, сколько нужно, чтобы починить крышу и оштукатурить колонны во дворе.

— Четыре часа, давайте приготовимся, — предложил Оттавий.

— Лучилла должна быть уже одета, я велела Наннион предупредить её... Но куда подевалась эта глупая рабыня? Только что бездельничала в коридоре с каким-то странным слугой, разодетым, словно принц, — с неодобрением произнесла Камилла, уходя.

Аврелий поспешил следом за ней.

— Пойду с тобой. Хочу убедиться, что Кастор не натворил чего-нибудь...

Нетрудно будет завоевать её, нескромно размышлял он, красивая молодая женщина при таком муже, как Элий Корвиний, конечно же, только и ждёт достойного мужчину, готового развлечь её...

И всё же, едва Камилла взглянула на него, патриций понял, сколь ошибочно было такое суждение: её глаза излучали холод и вежливое отчуждение, адресуемое обычно досаждающим прилипалам.

— Благодарю за готовность помочь, сенатор, но я вполне в состоянии сама разобраться со слугами. Мне почти двадцать три года, и вот уже пять лет я управляю семьёй в сто человек. Но раз уж ты здесь, призови к порядку своего секретаря.

— Ты права, было бы неразумно оставлять девушку в руках хитрого грека. Кастор убеждён, что обладает неотразимым обаянием!

— Не он один. Многие мужчины переоценивают себя, — сухо произнесла Камилла, обратив на него такой выразительный взгляд, что у патриция не повернулся язык ответить шуткой, которую уже приготовил, чтобы сразить её.

И как раз в эту минуту Кастор, великолепный в своём праздничном облачении, появился из вестибюля, с довольным видом поглаживая остроконечную бородку. Наннион с восхищением смотрела на него: слуга, несомненно, имел большой успех, чем хозяин...

— Наннион, ты здесь? — упрекнула Камилла. — Помоги Лучилле, вместо того чтобы болтать с этим типом!

— Хозяйка всё ещё в ванной, — пролепетала рабыня, отрывая на мгновение взгляд от своего торжествующего завоевателя.

— Странно, — удивилась Камилла, нахмурившись.

— Она велела не беспокоить её, — спокойно ответила Наннион, как бы желая подчеркнуть, что приказ есть приказ, а хорошая рабыня всегда повинуетя, не споря.

— Но прошёл уже почти целый час, как я разговаривала с ней... Боги небесные, а вдруг ей стало плохо? — проговорила Камилла и поспешила в ванную. Дверь в раздевалку оказалась заперта, возле неё дремала служанка с чистым полотенцем.

— Туда нельзя, хозяйка...

— Пропусти меня, глупая! — оттолкнула её Камилла, хватаясь за ручку двери. — Боги Олимпа, она заперлась изнутри! Сделайте что-нибудь, скорее!

Аврелий тут же воспользовался отличным случаем продемонстрировать своё бесстрашие и со всей силы толкнул створку плечом. Но то ли она оказалась особенно крепкой, а может, чересчур велико было желание показать себя молодцом, только в результате этого отважного поступка он ощутил лишь острую боль в левом плече. А дверь так и не открылась.

— Лучилла! Лучилла! — звала сестра, но не получала ответа.

— Позволь, господин! — Кастор неслышно подошёл к хозяину, держа в руках что-то похожее на гвоздь.

— Не стоит, она не поддаётся, — сказал Аврелий, смирившись.

— С женщинами и дверями силовые приёмы не помогают. Позволь, я попробую, — сказал грек, вставляя в замочную скважину какую-то металлическую штуку. — Это подходит к любому замку. Называется отмычка. Я всегда ношу её при себе, она бывает полезна в самых разных обстоятельствах.

Мгновение спустя задвижка поддалась. Камилла бросилась в раздевалку, следом за ней Наннион, и оттуда они поспешили в кальдариум, из которого тянуло плотным и горячим паром.

Аврелий оценил возможную обиду, какую может нанести девичьей скромности ворвавшийся в ванную мужчина, но решил не задумываться над этим. Он быстро пересёк раздевалку и оказался рядом с Камиллой как раз в тот момент, когда она смотрела на мраморную ванну в середине комнаты.

— Её нет здесь... — ошеломлённо пробормотала женщина, глядя на пустую ванну.

Аврелий осмотрелся и сквозь густой пар рассмотрел на каменном сиденье подушку, белую простыню, рядом колокольчик, подвеску из обсидиана, нефритовую брошь и черепаховый гребень, на котором блестела выведенная золотом надпись «Лучилла».

На полке в боевом порядке было выставлено всё женское косметическое вооружение: разные баночки, бальзамарии — сосуды для хранения парфюмерных масел, костяные палочки, ракушки с чёрным порошком для подкрашивания глаз.

Но нигде не было и следов невесты.

Патриций присмотрелся внимательнее и увидел в густом, молочного цвета тумане узкий проход в другое, смежное помещение.

— Что это? — спросил он.

— Там лечебные грязи. Моя сестра редко ими пользуется...

Как раз в этот момент Наннион с беспечным любопытством молодости заглянула в эту комнату, и Аврелий поспешил следом за ней. Света в это небольшое помещение проникало совсем мало, лишь через узкую щель под потолком.

Возле ванны была ступенька, обозначавшая понижение пола. И на ней лежало что-то бесформенное, какая-то страшная тёмная масса... Наннион закричала от ужаса, Камилла мягко осела на пол.

На фоне серого гранита чётко виднелась безжизненная, облепленная вонючей грязью чёрная рука с белым пальцем, поднятым кверху, словно

для того, чтобы на него надели обручальное кольцо в знак бракосочетания с нечистым подземным богом.

— Что говорит Иппаркий? — спросил Аврелий, входя в таблинум своего дома.

Всего через несколько часов после смерти Лучиллы патриций передал своему личному врачу немного лечебной грязи, которую собрал с тела девушки.

— Ему потребуется несколько дней, чтобы исследовать, господин, — ответил Кастор. — Нелегко понять, содержится ли в этом веществе что-нибудь постороннее.

— Боюсь, он что-то обнаружит. Это странное несчастье вызывает у меня большие подозрения, — проговорил сенатор.

Аврелий хорошо знал асфальтит — жирную чёрную смолу из пустыни, которую называли также каменным маслом, потому что она выступала на поверхность непосредственно из земли.

Целые залежи этой смолы находились к югу от Иерихона, недалеко от того места, где согласно еврейским мифам развращённый город был разрушен божественной яростью, а чересчур любопытная женщина превращена в соляную статую.

Побывав в этих жарких местах, Аврелий и сам захотел применить эту чудесную смолу но её неприятный запах отбил всякую охоту и заставил довольствоваться более традиционной глиной.

Асфальтит между тем настолько широко употребляли в лечебных и эстетических целях, что на южных берегах Мёртвого моря в Иудее

веками существовали предприятия, которые продавали по всему миру бальзамы, мази и соли для ванн. Та же Клеопатра пользовалась им для ухода за своим телом, и с тех пор, насколько слышал Аврелий, никто никогда не жаловался на них.

— Думаю, ей просто стало плохо, — заметил грек. — Иногда грязевые ванны перегружают сердце.

— Почему же она не позвала служанку, не позвонила в колокольчик, он же был под рукой?

— Может, не успела или не дотянулась до него. Приступ случился неожиданно, потому что ещё за час до этого она превосходно себя чувствовала, во всяком случае, если послушать её сестру. И если, конечно, Камилла не лжёт... — Нет, служанка, которая принесла ей сухое полотенце, видела её со спины возле ванны.

— Над чем же ты задумался, господин? Девушка была в комнате одна, а снаружи её сторожила служанка.

— Эта служанка подошла всего несколько минут назад. Что же касается запертой двери, ты сам показал мне, как трудно было справиться с нею. Чтобы закрыться изнутри, нужно вручную задвинуть засов, и это сделала сама Лучилла, не желая, видимо, чтобы кто-то побеспокоил её, пока она принимает ванну. Никто, однако, не помнит, куда делся ключ, который отодвигает эту задвижку снаружи, потому что никто никогда им не пользовался. Вот и пришлось вмешаться тебе со своей отмычкой.

— Ну и что? — удивился Кастор, не понимая, куда клонит господин.

— Час назад, когда выходила служанка с полотенцем, дверь была открыта. Чтобы закрыть дверь изнутри, Лучилле нужно было не только выйти из калдарума, но и выйти в раздевалку. И если, как подтверждают и сестра и служанка, она вставала из ванны, на полу в этих помещениях должны были остаться мокрые следы. Но пол был совершенно сухой.

— Ну, она же могла быть в тапочках...

— В комнате не было никакой обуви, ни уличной, ни домашней.

— Она могла аккуратно вытереть ноги...

— Асфальтит липнет к влажной коже, да и зачем вытирать, если она снова собиралась войти в ванну.

— Бедняга, её так все любили: кому могло прийти в голову убить её?

— Но почему ты думаешь, что хотели убить именно её? Она никогда не принимала грязевых ванн, а вот Аррианий лечился грязью от псориаза, иногда и Камилла применяла их, желая сделать кожу гладкой.

— По-твоему, выходит, речь идёт не о несчастном случае и жертвой должен был стать кто-то другой... Слишком уж ты нафантазировал, господин! Стареешь, и теперь тебе всюду мерещатся убийства. Когда развлекался с красивыми женщинами, не был таким подозрительным.

— Мне только что исполнилось сорок лет, Кастор. Лучший возраст для мужчины, и на прошлой неделе я был у Цинции, — возразил задетый за живое Аврелий.

— У Цинции, у куртизанки! — воскликнул Кастор с явным презрением. — Ты же любитель трудных побед, патрон! Вот, например, Камилла: породистая самка с железным характером, как раз такой тип, какой тебе нравится. Вдобавок и муж у неё что-то вроде старой обезьяны. Или теперь предпочитаешь спокойные радости от искусства и философии?..

— Хватит! — с раздражением прервал его Аврелий. — Это всё тебя не касается!

— Думаешь? — грек с сомнением посмотрел на него.

— Похоже, у тебя есть какая-то личная заинтересованность в этом деле, Кастор. Может быть, маленькая Наннион?

— Нет, Элий Корвиний, — спокойно ответил вольноотпущенник. — У меня был один приятель в Александрии, славный малый, Кирилл, который работал менялой недалеко от порта. Бедняга как-то раз случайно предложил одному важному клиенту не совсем хорошо отчеканенную монету...

— Неужели твой приятель пытался всучить фальшивые деньги этой лисе Корвинию! — воскликнул Аврелий. — Надо полагать, банкир немедленно донёс на него.

— О нет! Угрожая, что обратится в суд, Корвиний заставил Кирилла работать на него. Ну, а когда обман вскрылся, кто, по-твоему, расплатился за него? Конечно, не Корвиний, он заявил, что понятия ни о чём не имеет. А об этом парне, слабом здоровьем, с тех пор я больше ничего

не слышал... Не все выживают в суровых тюремных условиях.

— Так значит, ты хочешь, чтобы я...

— Ты всё время повторяешь, что Корвиний — акула, не так ли? И уже много лет пытаешься помешать ему обманывать людей, но все тщетно. Сейчас у тебя в колчане сразу две стрелы: его красавица жена и странная смерть... К тому же эта девушка тебе очень нравится, не отрицай!

Роль мстителя за неудачливого менялу понравилась Аврелию, которому требовался лишь какой-то повод, чтобы отправиться к Камилле.

Женщина и в самом деле, как ему показалась, была вполне расположена к нему, а эта её внешняя холодность, несомненно, объяснялась всего лишь тем, что при знакомстве им не удалось пообщаться. Она вела бы себя совершенно по-другому, если бы только удалось увидеться с нею наедине.

— Ты убедил меня, Кастор. Сейчас напишу письмо, отнесёшь в дом Камиллы и вручишь ей лично, — решительно приказал патриций, берясь за папирус и чернила. — И постарайся при этом развязать язык служанкам. Мне нужно знать, как она одевается, какими пользуется духами и, самое главное, с какими мужчинами встречается. Да, постарайся разговорить и эту глупышку Наннион, кто знает... А я отправляюсь навестить Помпонию.

— Бедная женщина! Надо бы, конечно, как-то отвлечь её от страданий, господин. Если бы Помпония могла направить свою неистощимую

энергию на поиски настоящего виновника, вместо того чтобы проклинать судьбу...

«Да, — подумал Аврелий, — мужчины всегда предпочитают видеть перед собой конкретно-го виновника, а не мириться со слепой судьбой. Наказывая преступника, им кажется, будто они создают видимость той справедливости, которую природа и случай, похоже, и знать не желают. Парка¹³ с завязанными глазами, когда перерезает нить жизни, не видит ни молодых, ни старых, ни добрых, ни злых. Если её краткий час настал, Лучилла в любом случае умерла бы, так зачем же рыться в её секретах?»

*Parce sepulto*¹⁴. Не тронь усопшего — гласит латинская поговорка. Это верно, лучше оставить в покое тех, кто упокоился с миром.

Помпония была безутешна:

— Так умереть, в день свадьбы, из-за того только, что вздумалось принять грязевую ванну... Не могу поверить в это!

— Я тоже, — вырвалось у Аврелия.

Матрона сразу же подняла голову, утирая глаза траурной вуалью.

¹³ Парки — три богини судьбы в древнеримской мифологии. Соответствовали мойрам в древнегреческой мифологии. Нона тянет пряжу, прядя нить человеческой жизни, Децима наматывает кудель на веретено, распределяя судьбу, Морта перерезает нить, заканчивая жизнь человека.

¹⁴ *Parce sepulto* (лат.) — с этими словами дух Полидора обращается к Энею (Вергилий. «Энеида», VI, 853). Слова эти обычно повторяют, когда хотят побудить людей не говорить плохо о мёртвых.

— Не думаешь ли ты, что это может быть... — прошептала она.

Слово «убийство» не прозвучало. В этом не было никакой необходимости: оно читалось в сдвинутых бровях Помпонии, в суровой складке возле губ Аврелия.

— Честно говоря, я не уверен, что здесь что-то не так... — попытался уйти от ответа патриций, но матрона уже всполошилась:

— Я готова! — вскочила она подобно легионеру перед своим центурионом. Лечение, подсказанное Кастором, приносило свои плоды.

— Тогда, прежде всего, расскажи мне все, что знаешь о семье Арриания.

— Это нетрудно. Он сын Испуллы Камиллины из старинной семьи всадников¹⁵. Отец, знатный гражданин Перузии¹⁶, ещё ребёнком отправил его учиться в Рим, и очень скоро юноша стал лучшим знатоком грамматики в Городе. Двадцать лет тому назад, открыв первую школу, он брал в неё только взрослых и образованных молодых людей, которые принесли ему много славы и очень мало денег. После нескольких довольно трудных лет ему пришлось посчитаться с требованиями рынка и открыть начальные курсы. Это была удачная идея. Ты ведь знаешь, что сегодня аристократы неохотно отправляют своих детей в общественные школы и предпо-

¹⁵ Всадники — одно из привилегированных сословий в Древнем Риме. Первоначально — в царскую эпоху и в раннереспубликанский период — это была сражавшаяся в конном строю патрицианская знать.

¹⁶ Ныне Перуджа в Умбрии.

читают нанимать наставников, которые готовы уехать с детьми подальше от Города. Аррианий, напротив, обратился к *homines novi*¹⁷, провинциальным чиновникам, купцам, которые хотят обеспечить своим детям уверенное будущее в имперской администрации. Приняв на работу учителей — почти все они были рабами или вольноотпущенниками, — он поручил управление умелому эфесянину¹⁸, некоему Панецию, с ним ты тоже знаком. Естественно, что, кроме начального образования, дети получали в школе и квадривиум¹⁹ — высшее образование, а кто хотел продолжить обучение, мог посещать лекции по риторике, которые читали лучшие преподаватели, в том числе и сам Аррианий. Так или иначе, именно начальное образование позволило школе встать на ноги. Недавно даже открыли интернаты и классы только для девочек, что я совершенно не одобряю. В Риме мальчики и девочки всегда учились вместе, а теперь некоторые родители требуют, чтобы девочки не общались со сверстниками-мальчиками.

— Наверное, из опасения, что в будущем их дочери не захотят выходить замуж за пожилых, состоятельных мужчин, которым уже сейчас прочит им семья, — заметил Аврелий, думая о Камилле.

¹⁷ Новый слой купцов и предпринимателей, которые противопоставили власть денег гегемонии аристократического класса латифундистов.

¹⁸ Житель малоазиатского города Эфес.

¹⁹ *Quadrivium* (лат.) — высшее образование. Хотя этот термин задокументирован только после I века н. э.

— О нет, тут ты ошибаешься! — возразила Помпония. — Каждая римская девушка прекрасно понимает, что вдовство сделает её совершенно независимой, так что муж в годах — желанная партия, потому что сильно сокращает ожидание свободы!

— Но каким образом удалось Аррианию собрать столько денег, чтобы оплачивать всех этих литераторов, счетоводов, юристов?

— Поначалу он вёл занятия на открытом воздухе возле Портика Ливии, это получалось недорого. Но всё же, чтобы расширить школу и снять помещение возле театра Марцелла, ему понадобилась финансовая поддержка Корвиния. Вот почему он не мог отказать банкиру, когда тот захотел жениться на его дочери.

— Что я тебе говорил? Старик и молоденькая девушка... — вспыхнул Аврелий. — Но почему именно Камилла? Ведь сёстры были совершенно одинаковыми близнецами...

— Нет, тут всё гораздо сложнее. Отец Арриания, умирая, оставил немалую сумму как приданое для дочери сына. Он же не мог предвидеть, бедняга, что дочерей окажется две и родятся они через несколько минут одна после другой!

— Твой двоюродный брат не позаботился о младшей?

— Нет, потому что в то время, когда был подписан брачный контракт между Камиллой и Корвинием, ещё жив был сын Арриания, его наследник, кому и должно было перейти состояние отца, ему, а не Лучилле.

Таким образом, Корвиний обеспечил себе хорошую сделку: достаточно было дожждаться, пока девочка повзрослеет, чтобы завладеть её приданым.

— Камилла, прекрасная Камилла, оказалась гарантией возвращения долга! — возмутился Аврелий.

— Свадьба состоялась пять лет назад, когда девочка закончила школу. Говорят, у неё был очень большой поэтический дар.

— Да, мне говорила это и Юния Иренея.

— А, эта! — с недовольством отозвалась Помпония. — Ещё бы, она же любит, чтобы её ученицы проводили время с ней, а не с молодыми людьми!

— На что ты намекаешь? — удивился Аврелий. Конечно, не впервые знаменитые преподавательницы оказывали чрезмерное внимание молодым ученицам...

— Я ничего не знаю, — осторожно возразила матрона. — Но я не удивилась бы... Ты видел, насколько она непривлекательна? К тому же держится как мужчина!

Патриций не разделял враждебность Помпонии по отношению к знаменитой учёной даме не только потому, что Иренея в самом деле вызывала его восхищение как учёный. Она не казалась ему такой уж некрасивой или мужеподобной и вполне могла понравиться и как женщина, если бы желание обрести её уважение не заставило умерить смелую фантазию в отношении неё.

Поэтому он поспешил сменить тему разговора:

— А теперь расскажи о Панеции.

— Я незнакома с ним, — неохотно признала такой серьёзный пробел самая знаменитая сплетница в Городе. — Сервилий, однако, встречался с ним несколько раз на каких-то литературных чтениях...

— Я не знал, что твой муж интересуется литературой.

— Зимой он часто ужинал у Фронтея, — объяснила матрона.

— А, у того строителя, который богатыми угощениями привлекает к себе гурманов, чтобы они слушали, как он декламирует свою дидактическую поэму! — уточнил Аврелий, который хорошо знал вошедшее в поговорку чревоугодие Сервилия.

— Да, именно у него. Похоже, однако, что Панеций пользуется отличной репутацией в образованных кругах. Единственное, что ему ставят в упрёк, — это некоторое ханжество.

— Странно, — удивился Аврелий. — Теперь уже наша религия превратилась в какое-то скопление суеверных церемоний, слегка приправленных греческой мифологией. Никто по-настоящему в неё не верит.

— Я говорю не об официальных ритуалах: Панеций — фригиец из Эфеса, преданный почитатель богини Кибелы. Но всё это нисколько не мешает ему со строгостью и знанием дела руководить школой настолько хорошо, что мой двоюродный брат во многом именно ему обязан своей удачей. Теперь, однако, положение может измениться: Аррианий не скрывает, что

собирается назначить своим преемником Оттавия, поэтому я сомневаюсь, что Панеций ещё долго проработает на своей должности...

Аврелий поразмыслил: если бы сейчас умер сам учитель риторики, то Оттавий оказался бы не у дел и как зять, и как приёмный сын, и всё это было бы на пользу эфесянину.

— А что скажешь о браке Камиллы? Тебе ведь известны все его закулисные стороны, — полюбопытствовал он, рассчитывая услышать хотя бы пару пикантных эпизодов.

Но Помпония безутешно развела руками.

— Ничего? Не может быть! — простонал патриций.

— Уж мне-то ты можешь поверить! Нет в Городе такой любовной интрижки, о которой я не знала бы. Могу сообщить тебе, где и с кем провела ночь Мессалина! — с законной гордостью заявила матрона.

Аврелий согласился: даже императорский двор не был защищён от светской сети соглядатаев Помпонии, на которую работала целая толпа служанок и парикмахеров, обладавших тончайшим слухом и улавливавших малейший скандал.

— А вот с Камиллой полный мрак, — с огорчением продолжала матрона. — Выходит из дома только в сопровождении служанок и бывает только в самых респектабельных местах. С тех пор, как вышла замуж за Элия, реже бывает и в храме Кибелы, куда до свадьбы часто ходила с Панецием и сестрой.

— Боги небесные, это что же получается — безупречная, совершенно идеальная супруга! — вырвалось у Аврелия. Наверное, единственная в своём роде, какая ещё осталась в Городе, и надо же, чтобы именно она привлекла теперь его внимание!

— Однако... — нерешительно заговорила Помпония.

— Что? Слушаю тебя! — с надеждой отзывался патриций.

— До того, как она вышла замуж за Элия Корвиния, говорили, будто она очень увлечена Оттавием. С тех пор, между прочим, она ни разу не встречалась наедине ни с ним, ни с каким-либо другим мужчиной — её верность мужу абсолютна.

«Посмотрим», — пообещал себе Аврелий, отказываясь верить, что столь прекрасная женщина может быть столь же целомудренной. Это было бы просто оскорблением Афродите, которая одарила её такой красотой! «Жаль, что не верю богов! — подумал он. — Стоило бы принести в дар Венере голубку». А кстати, о богах, Камилла ведь была почитательницей Кибелы, и, может быть, короткий визит в храм...

III

ЗА ТРИ ДНЯ ДО НОЯБРЬСКИХ КАЛЕНД

— В храм богини Кибелы, Великой Матери Земли? — робко переспросил Кастор.

— Да, в старинный храм на Палатинском холме, тот, который римляне возвели, послушавшись предсказания сибиллы.

— Не пойду туда! — заявил вольноотпущенник, и патриций рассердился: обычная история — Кастор набивает цену.

— Почему вдруг? Святилище открыто для всех, там бывают люди разных, даже самых низких сословий, а раз в году в нём проводится празднество Мегаленси²⁰, в котором участвуют матроны лучших семейств.

Грек колебался.

— Скажи, а ты, случайно, не боишься тех священников, которых называют галлами?²¹ Я знаю, что некоторые из них добровольно лишают себя мужских половых признаков, чтобы походить на Аттиса²², но именно поэтому в Риме

²⁰ Согласно «Книгам сивилл», древний символ культа богини — тёмного цвета камень (вероятно, метеорит), был торжественно перевезён особым посольством из её храма в Пессинунте. День, когда это произошло — 12 апреля, соблюдался впоследствии как праздник Мегаленсия.

²¹ *Galla* (лат.) — оскропленные священники богини Кибелы.

²² Аттис — в древнегреческой мифологии юноша необычайной красоты, родом из Фригии, возлюбленный Кибелы. В приступе безумия отсек себе половые органы.

служат только чужеземные священники. С другой стороны, этот культ существует ещё со времени Пунических войн²³ и с тех пор ни с одним верующим ещё не случилось ничего плохого. Многие римские граждане проходят ритуал посвящения богине, кроме кастрации, запрещённой законом! Недавно к тому же император Клавдий сделал этот культ официальным, включив праздник Аттиса в календарь, поэтому нет никакой причины, чтобы отказываться. Соберись, я дам тебе два сестерция.

— Нет! — категорически заявил слуга.

— Шесть! — увеличил ставку патриций, уверенный, что жадный секретарь не устоит перед щедрым предложением. Алчный грек мгновенно перевёл предложенное вознаграждение в количество кувшинов вина: двадцать дрянного или пять отличного, должным образом выдержанного фалернского.

Хозяин между тем, коварно желая ввести его в искушение, принялся пить из кувшина сетинское.

— Не пойду, — решительно отказался Кастор, и на лице его отразилось глубокое огорчение. — С Великой Богиней не шутят!

²³ Пунические войны — три войны между Древним Римом и Карфагеном (от «пуны», то есть финикийцы, лат. *punicus* или *roenicus*), продолжавшиеся с перерывами в 264—146 годах до н. э. В войнах победил Рим и тем самым укрепил своё положение в Западном Средиземноморье. Карфаген был уничтожен.

Аврелий насторожился: это не походило на обычный отказ, с помощью которого слуга тянул из него деньги...

— Кастор, ты веришь в богов не больше чем я. Мы же с тобой всегда смеялись над этим!

Вольноотпущенник хмуро взглянул на него.

— Да, это так. Боги Олимпа если и существуют, то они просто шутники, которые проводят время в ссорах, опиваются нектаром и брюхатят смертных женщин. Но Великая Мать — совсем другое дело... Её тысячелетиями почитают в самых далёких уголках земли. Её изображают на повозке, в которую запряжены львы, или верхом на быке, или в виде примитивной женской фигуры с огромными грудями и животом. В Индии у Кибелы много рук и корона из черепов, в Троаде²⁴ она Диана с тысячами сисек. У неё много разных имён: Астарта, Кибела, Изида, Хатор, Афродита, Кали, Дурга, но это всё она — Великая Богиня... Начало всех начал!

Аврелий замер от удивления: есть, выходит, что-то такое, что скептик-грек боялся или даже уважал?

— Ты удивляешь меня, Кастор, я не ожидал, что ты такой боязливый!

— Ох, не то чтобы я верил во все эти небылицы, господин, — ответил вольноотпущенник. — Просто сегодня я не в форме, и потом, знаешь,

²⁴ Троада — древнее название полуострова на северо-западе Малой Азии, который вдаётся в Эгейское море к югу от Мраморного моря и Дарданелл.

говорят, что богиня карает тех, кто обидит её, поражая главное мужское достоинство, и на что мне тогда несколько твоих кувшинов вина, если вдруг...

— Глупый трус! — вскипел Аврелий. — Тебе плевать на щедрую награду из страха перед какой-то непонятной восточной богиней! Не волнуйся, я один отправлюсь в этот храм!

И, намеренно избегая взгляда озабоченного Кастора, велел немедленно подать свой паланкин.

— Подумать только, в начале девятого века существования Рима приходится выслушивать такие вещи... будто мы всё ещё во времена дикой эллинистической архаики! — проворчал патриций, когда нубийцы двинулись в путь.

Паланкин спустился по викус Патрициус и, протиснувшись по узким улочкам центра, довольно быстро оказался у подножия Палатинского холма. Аврелий отпустил носильщиков и стал подниматься на холм, смешавшись с тесной толпой служителей, направлявшихся во дворец.

Недалеко от императорской резиденции возвышался дважды разрушенный и восстановленный храм.

На вершине крутой лестницы из белого мрамора высилось изображение матроны Клавдии Квинты, которую в древности богиня Кибела одарила своими милостями.

Божественный Август лично руководил последней реставрацией, оплачивая из своих средств

новые капители и колонны из пеперина²⁵. В нише, где обычно устанавливали статую бога, которому посвящен храм, было пусто. Аврелий вошёл в распахнутую дверь. Никак фресок, лишь одна-единственная очень древняя священная статуя.

Несколько простёршихся ниц верующих, словно в трансе, твердили молитвы, вторя ритму, который задавал с помощью кимвалов священник во фригийском одеянии.

Подальше, возле алтаря, другие служители в длинных женских одеждах непрерывно били в тимпаны, а от жаровен, на которые верующие бросали ладан, поднимался густой, сладковатый дым.

Аврелий почувствовал, что у него закружилась голова. Он вспомнил нескончаемые песнопения и кровавые церемонии, во время которых священники, пребывавшие в опьянении после длительных, изнурительных постов и дурманных зелий, напрочь лишавших их рассудка, без сожаления оскотпляли себя.

Днём крови называли адепты день весеннего равноденствия, когда в исступлении они бичевали и ранили себя острыми глиняными осколками и в неистовом экстазе окропляли красным соком жизни алтарь богини, моля о воскрешении после смерти...

«Безумцы!» — с огорчением подумал патриций, и тут ему показалось, будто стены

²⁵ Пеперин — род вулканического туфа; пепельного или зеленовато-серого цвета с включением фрагментов базальта и известняка.

храма стали вдруг исчезать, превращаясь в кривые стволы какого-то мрачного леса.

— Рощи фригийской богини, где вновь звучат кимвалы, где грохочут тимпаны, где флейтист играет на изогнутом тростнике, и менады²⁶, увенчанные венками из плюща, кивают головой... — услышал Аврелий и с изумлением узнал свой собственный голос, цитирующий стихи Катулла²⁷, написанные в память о жертвоприношении Аттиса, молодого пастуха. Обезумев после предательства Богини, он осклопил себя под святой сосной, оставшись навеки преданным божественной возлюбленной.

С тех пор священники, посвятившие себя её таинствам, следовали его примеру, праздновали мистическое соединение с Матерью и хоронили свой отрезанный острым кремнием член глубоко в земле, чтобы оплодотворить её.

«Что же это за богиня, которая требует от своих приверженцев так жестоко изувечить себя, принося ей в жертву целостность своего тела и надежду иметь потомство», — задавался вопросом Аврелий, а тем временем неотступный ритм и ароматные курения, одурманивая его, ослабляли волю.

— Нет! — вздрогнув, воскликнул сенатор и чудовищным усилием изгнал из сознания это видение — кроны деревьев, тянувшиеся к нему,

²⁶ Вакханки.

²⁷ Гай Валерий Катулл (ок. 87 до н. э. — ок. 54 до н. э.) — главный представитель римской поэзии в эпоху Цицерона и Цезаря. Автор 116 стихотворений, а также мистической поэмы «Аттис» о культе Великой Матери Кибелы.

пугающий лесной мрак и завораживающую, мучительную музыку, подобную пению сирен...

Он открыл глаза и заставил себя вернуться в реальность: увидел в темноте алтарь, на который проливалась кровь жертвенных животных, а за ним другой алтарь — серебристую статую и чёрный камень, тот самый, который римляне привезли с Востока более двухсот лет назад, уверяя, будто он упал с неба.

«И это всё? — удивился он, подойдя ближе. — Обычный камень?»

Верующие приближались к камню, с волнением прикасались к нему и поглаживали. Какая-то женщина обняла его и стала визгливо, что есть мочи выкрикивать молитвы, обратив лицо не к светлому небу, а к сокровенной плодородной земле.

— Да, Богиня дарит жизнь, сенатор, но она же приносит и смерть! — произнёс голос за его спиной. — Страшная и милостивая Мать, жестокая и в то же время милосердная: такой она и должна быть, потому что нет жизни без смерти.

Аврелий взгляделся в полумрак и с трудом узнал в верующем вольноотпущенника Панеция. В плаще паломника с дешёвой петасо²⁸ на голове, он вовсе не походил на того невозмутимого, элегантного учёного, с которым его познакомил Аррианий. Что общего могло быть у этого фанатика с одним из лучших преподавателей школы риторики?

²⁸ Petaso (лат.) — шляпа для защиты от солнца с широкими и гибкими полями, какую носили в Древней Греции.

— Горе тому, кто предаст Кибелу! Лучилла умерла в грязи, глаза и рот заполнены землёй... — причитал вольноотпущенник. — Умри, и будешь жить вечно: Мать убивает и воскрешает!

— Что такое ты говоришь? — воскликнул Аврелий, хватая его за руку. — Что тебе известно о Лучилле?

— Вопросы, вопросы... нужно верить, а не пытаться понять! Если пришёл сюда как верующий, не бойся приблизиться к камню и прикоснуться к нему: он древний и священный, он существовал до возникновения мира. Знай, однако, что Великая Богиня не в нём, не в этой пустой статуе: Богиня повсюду! — прикрыв лицо краем плаща, Панеций испустил долгий, похожий на рыдание вопль, бросился к алтарю и простёрся перед ним ниц.

Аврелий взглянул на камень, намереваясь подойти к нему. Шагнул и тотчас невольно остановился, словно кто-то оттолкнул его с невидимой силой, которая исходила, однако, не снаружи, а из него самого: не разумный, рациональный страх, какой охватывает человека перед вражеским мечом, а слепая паника, какая завладевает всем твоим существом при встрече с чем-то неведомым.

Не отрывая взгляда от чёрной статуи, патриций стал пятиться назад, двигаясь на ощупь, словно отвоёвывая проход, который отделял сумрачную тьму святилища от солнечной вселенной разума.

Там, снаружи, находился великий Рим, могучий и огромный, спокойный и сияющий. И для Рима какой-то камень оставался просто камнем.

Когда Аврелий вернулся из храма, Кастор протянул ему свиток с нетронутой сургучной печатью.

— Это что же означает: ты не смог вручить его? — спросил недовольный Аврелий, забирая у вольноотпущенника послание, предназначенное Камилле.

— Привратник сказал, что вся почта проходит только через хозяина, а поскольку ты просил его жену о любовном свидании, я решил, что не стоит настаивать.

— Выходит, этот гадкий Корвиний держит бедную Камиллу под строжайшим контролем!

— Ну, не совсем, господин. Это она сама так распорядилась.

— Не может быть! — не поверил Аврелий. — Ни одна женщина в здравом уме не станет сама себя запирасть в тюрьме!

— Возможно, эта матрона и в самом деле образец целомудрия. Так или иначе, не падай духом. Разве ты не убедился однажды в добродетели одной весталки-девственницы? — грек притворился, будто ободряет хозяина, но ясно было — он просто радуется, что тот наконец-то попал впросак.

— Ну, раз уж в храм Кибелы мне пришлось идти одному, поможешь разобраться с мошенником Корвинием, — заявил Аврелий, откладывая на время любовные неурядицы. — Тут у меня список его *taberna argentaria*.²⁹ — Предста-

²⁹ *Taberna argentaria* (лат.) — в Древнем Риме меняльная лавка, вексельная контора, аналог современного банковского отделения.

вишься как купец, которому срочно понадобится наличность.

— А зачем, господин? Мы и так знаем его немислимые расценки.

— Ты прав. Тогда притворись провинциалом, приехавшим сюда по делам, которому нужны деньги, чтобы защититься от местных чиновников.

— Но ты ведь не станешь давать ему настоящие деньги! — удивился Кастор. — Они растают тут же, словно снег на солнце!

— Монеты будут фальшивые, — успокоил его патриций.

— Bravo! Но я вовсе не хочу оказаться в Мамертине!³⁰ — возразил вольноотпущенник.

— Только если бы ты менял деньги. А ты просто оставишь запечатанный мешочек на хранение, чтобы проверить, поддастся ли нуммулариус³¹ Корвиния искушению вскрыть его. Если меняла окажется петухом, тогда легко будет ошипать его, и ты приступишь к более сложному плану.

— А если этот умник сам следит за своей конторой и будет на месте? Он ведь меня узнает и сразу поймёт, что за мной стоишь ты!

³⁰ Мамертинская тюрьма, или Туллианум — древнейшая сохранившаяся римская тюрьма, недалеко от Капитолийского холма, в северной части Римского форума. По преданию, здесь провели свои последние дни апостолы Пётр и Павел.

³¹ Nummularius (лат.) — человек в меняльной лавке, который следил за качеством монеты.

— Но ты же мастер переодеваться, Кастор. Смотри, в Египте ты делал это уже несколько раз, и в Иудее... Я придумал: выдашь себя за кельта! Наверное, в моём гардеробе найдётся что-нибудь подходящее... — сказал Аврелий, роясь в сундуке, и вскоре достал из него какую-то странную вещь.

— Неужели ты хочешь, чтобы я надел это? — испугался Кастор.

— Попробуй! Это называется браке³², — пояснил Аврелий. — На севере это носят зимой. Я сам однажды их надевал, когда служил в Лютеции³³.

— Но как этим проклятым кельтам удаётся влезть в них? — проворчал Кастор, корчась от усилий надеть браке. Наконец, после нескольких неудачных попыток, ноги его оказались заплёкнатыми, и вольноотпущенник затянул на поясе верёвку, которая служила ремнём.

— Тебе очень идёт! — поздравил патриций. — А теперь спрячь голову под кукуллус³⁴, иначе левантийская стрижка сразу выдаст тебя.

— Но если посмотреть сзади, я похож на женоподобного... — попытался возразить грек. — И потом, они щекочут! — добавил он, потирая голень.

— Да, они и впрямь довольно неудобны, — согласился Аврелий.

³² Врасе (*лат.*) — браке, длинные брюки, которые носили галлы и другие северные народы.

³³ Лютеция — главный город галльского племени паризиев на острове реки Секваны, ныне — Париж.

³⁴ Cucullus (*лат.*) — капюшон.

— Ничего удивительно, что варвары не знают философии: разве кто-нибудь сможет выдать глубокую мысль, постоянно почёсываясь, — заметил Кастор, смирившись со своей судьбой.

— Наберись терпения. Уже через несколько часов сможешь вернуться к своей удобной тунике, — утешил его хозяин.

— Кстати, по поводу туники... У Камиллы их штук тридцать — муслиновые, шерстяные и даже шёлковые.

— И это весь результат твоего расследования, Кастор? Меня интересует, не что носит Камилла, а для кого она это носит. Отказываюсь верить, будто вся эта красота предназначена старому Корвинию.

— И всё же это именно так, во всяком случае, так утверждают её служанки, — с сожалением ответил грек.

— Не верю! — упрямо возразил сенатор.

— Господин, ну хоть раз ты всё-таки должен признать, что остался ни с чем, — коварно улыбнулся грек. — Я спрашивал даже у Наннион, но её очень трудно понять. Она говорит, и даже очень много, но как-то неопределённо и всё время пере-скакивает с одного на другое. Она сказала, что её подарили Лучилле ещё ребёнком, а Камилле досталась Лорида, и все четыре девочки выросли вместе.

— Вот и хорошо, значит, ещё одна девушка может знать всё о близнецах. Эта Лорида, конечно, отправилась вслед за Камиллой в дом её мужа. Попробуй найти её.

— Всего-то, мой господин и хозяин? — рассердился Кастор. — Боишься, видимо, что

я погибну от безделья? За один день я должен переодеться кельтом, всучить фальшивые деньги ловкому меняле и отыскать рабыню, которая пропала неизвестно где!

— Да ладно, Кастор! При твоих-то способностях это сущие пустяки, — польстил ему патриций, позвеневав монетами.

Грек поспешно распрощался, не преминув существенно облегчить кошелёк хозяина.

Оставшись один, Аврелий отправился в комнату, что рядом с библиотекой. Это было его тайное убежище, где, размышляя над книгами мудрецов, он старался уйти от безумия этого мира, когда оно казалось уже невыносимым.

Сейчас он как никогда чувствовал необходимость в этом, поскольку его всё ещё терзал стыд за свою нелепую слабость во время ритуала Кибелы: его, эпикурейца, взволновало это представление для простаков...

Кастрированные жрецы на самом деле прекрасно знали, как воздействовать на впечатлительных людей. Даже такой образованный и осторожный человек, как Панеций, подвергся их влиянию...

Но с сенатором Стацием больше не случится ничего подобного, пообещал он сам себе.

Он сел за стол и зажёл масляную лампу. Глядя на герму³⁵ Эпикура, который, казалось, с иронией смотрел на него из угла, он почувствовал, что

³⁵ Герма — особый вид скульптуры в виде четырёхгранной колонны примерно с человеческий рост, увенчанной изображением головы или бюстом. В Древней Элладе гермы служили путевыми столбами и межевыми знаками.

нужно срочно навести порядок во вселенной собственного разума, который способен укротить смятение и страх.

И всё же слова греческих мудрецов проплывали у него перед глазами, лишённые всякого смысла. И тогда он отложил в сторону философский том, прошёл в библиотеку и вскоре вернулся оттуда с поэмой об Аттикусе.

IV

НАКАНУНЕ НОЯБРЬСКИХ КАЛЕНД

На другой день, в третьем часу, Публий Аврелий спокойно отправился к базилике Юлия³⁶ и, направляясь в школу Арриания, свернул на кливиус Аргентариус, чтобы не столкнуться со сборищем адвокатов, прокуроров и просителей, что толпились возле здания.

Робкое осеннее солнце с трудом пробивалось сквозь облака, но сенатор всё равно накинул на голову капюшон. Он заметил в толпе двух или трёх клиентов, которые давно уже осаждали его с разными просьбами, и понадеялся, что в таком виде его не узнают и он избежит их назойливого внимания.

— Смотри-ка, это сенатор Стаций! — услышал он чей-то возглас за спиной. — Я едва узнал его в этом капюшоне...

Притворившись глухим, патриций поспешил к храму Сатурна, где надеялся найти укрытие в галерее, если успеет свернуть на кливиус Капитолино.

Краем глаза он заметил группу клиентов, которые преследовали его, можно сказать, по пятам, и с каждым шагом их прибывало, так что теперь его уже упрямо нагоняла небольшая толпа. Видя, что дело плохо, сенатор ловким приёмом

³⁶ Базилика Юлия — здание на Римском форуме, место собраний римского сената, где также проходили судебные процессы.

срезал путь на Рупе Тарпеа и взбежал по лестнице «Сто ступеней».

— О милостивый Гермес, мы потеряли его! — услышал он чей-то огорчённый возглас.

— Но ведь он только что был тут! Мне так нужно было выпросить у него один пустячок...

— И не говори! Я уже несколько месяцев ищу его, чтобы вручить прошение...

Спрятавшись за пинией на выступе скалы, Аврелий затаил дыхание: если его увидят в такой позе, мало что останется от его сенаторского величия и репутации щедрого человека, какой он всегда славился.

— Бесполезно, он убежал! — обозлился раздосадованный сыщик. Один за другим прекратили преследование и остальные.

Когда же скрылся последний из них, Аврелий осторожно вышел из своего укрытия и спустился к театру Марцелла.

Там, между мраморными колоннами храма Аполлона Целителя и портиком Октавии, должны были находиться классы Арриания.

Выйдя из-под большой арки, Аврелий увидел орущую под ритмичные удары медников толпу и в ней группу учащихся, которые усиливали всеобщий гвалт и шум, громко декламируя стихи известного поэта.

Расположившись у портика в довольно неудобных позах, ученики иногда умолкали, склонившись над своими навощёнными дощечками, которые заменяли им дорогостоящий папирус, и что-то записывали на них стилусом.

Грамматик³⁷ диктовал им с кафедры стих за стихом, а учащиеся старались запомнить их или с трудом записать на дощечки под строгим взглядом учителя.

— «Не изведаете наслаждений и даров Венеры?» — услышал Аврелий, и ему почудилось, будто он увидел впереди служителей Кибелы, направлявших на себя священный кинжал, чтобы навсегда отказаться от любви и потомства.

— О каком стихе идёт речь, бездельники? — прогремел строгий грамматик, глядя на учеников, униженно опустивших головы. — Невежды, глупцы, неучи, не знаете «Энеиду»? Книга четвёртая, стих тридцать два.

— Тридцать три, — невольно поправил Аврелий, и все глаза обратились к нему. Грамматик метнул на него убийственный взгляд и открыл было рот, чтобы возмутиться.

— Это верно, смотрите сюда! — воскликнул один ученик, показывая свиток со стихами Вергилия, и все ребята рассмеялись. Старик злобно посмотрел на Аврелия и закричал, тщетно пытаясь восстановить порядок.

Воспользовавшись сумятицей, Аврелий удалился и стал искать Панеция. Он думал найти его возле лавок, приспособленных под школьные классы.

Многие дети обоего пола сидели всё утро в этих каморках, поскольку родители из-за непогоды попросили Арриания вести занятия с самыми

³⁷ Грамматик — преподаватель языка и грамматики.

маленькими детьми в помещении, а не на открытом воздухе.

Сенатор не без труда протиснулся сквозь толпу лохматых детишек в претекстах и разноцветных лентах, с буллами³⁸ на шее, но сколько ни осматривался, так и не смог нигде найти эфесянина.

— Не могу заплатить тебе больше, Марций, — услышал он в этот момент. — Твои методы допотопны, они давно устарели, и четыре года, чтобы обучить детей письму, это слишком много.

Узнав голос Оттавия, жениха покойной Лучиллы, любопытный патриций незаметно приблизился к нему.

— Я работаю почти задаром, лишь бы не умереть с голоду. Любой ремесленник зарабатывает больше меня! — в гневе закричал нотариус³⁹. — Если бы мог начать всё сначала, то предпочёл бы варить свинцовые трубы, как мой отец, вместо того чтобы терять время на учёбу!

— А я что должен сказать? — эхом отозвался калькулятор⁴⁰, размахивая счётами. — Спустя двадцать лет преподавания обнаруживаю теперь, что глубоко ошибся, когда выбрал профессию!

Оттавий, не обращая внимания на протесты, раздавал указания направо и налево тоном человека, который ожидает, что его распоряжения

³⁸ *Bulla* (лат.) — круглая, полая подвеска с амулетом, которую дети, рождённые свободными, носили от рождения до совершеннолетия, после чего надевали мужскую тогу.

³⁹ *Notarius* (лат.) — учитель быстрого письма, аналогичного современной стенографии.

⁴⁰ *Calculator* (лат.) — учитель арифметики.

будут немедленно исполнены. Однако он не учёл укоренившуюся косность своих подчинённых...

— Повесили таблички с алфавитом? — громко вопрошал молодой человек. — Все должны быть на виду, более того, наверное, лучше прикрепить их к тогам детей, чтобы они учились складывать слова на ходу...

— Оттавий, что это ты ещё придумал? — с волнением прервал его учитель. — Ты в самом деле хочешь, чтобы мы обучали их греческой грамматике на латыни?

— Да, Бибеций. Здесь лишь у немногих детей была дома кормилица-гречанка, и если вести урок на языке, которого они не знают, они ничего не поймут.

— Но, но... это неслыханно! — запричитал строгий грамматик.

Патриций улыбнулся. «Да, Помпония не ошиблась, предположив, будто Оттавий хочет руководить школой совершенно новыми способами. И, похоже, ему предстоит немало хлопот», — подумал он, наблюдая за преподавателями. Их лица явно говорили о намерении противостоять любому новшеству.

— Вижу, ты полон оригинальных идей, — заметил Аврелий, выходя из укрытия. — Теперь остаётся только обрести достаточно власти, чтобы утвердить их, — добавил он не без насмешки.

— Сенатор, поверь, мне действительно нужна эта власть, — со вздохом ответил молодой человек. — Мы живём в эпоху расцвета империи, а наша школа осталась во временах Пунических войн — всё те же повторяющиеся методы, всё

те же авторы, которых нужно учить наизусть, старый Энний, тот же Андроник... Мне пришлось воевать даже за то, чтобы ввести в программу Вергилия. Слишком современный, возражали они мне! Да, мне предстоит большая работа...

Тут какой-то тощий невысокий человек с неприятным лицом встрял между ними и с волнением произнёс:

— Уважаемый учитель, мой долг сообщить тебе, что один ученик, некий Манлий, вот уже несколько дней не приходит в школу. С Панецием я ещё не говорил. Его несколько не беспокоит отсутствие учеников на занятиях, он... — человек явно хотел заручиться благоволением будущего хозяина.

— Наверное, он заболел, Тертуллий, — ответил Оттавий.

— Да нет, уважаемый учитель. Вчера я проходил мимо рынка, и он бросил в меня кипарисовую шишку! Прошу разрешения как следует применить ферулу чтобы вразумить этого негодника! — И он помахал в воздухе тростью, которой наказывали неисправимых учеников.

— Будь осторожен. Чтобы дети исправлялись, их можно унижить, но нельзя доставлять им физическую боль, — ответил Оттавий.

— Тертуллий отличный литератор⁴¹, но слишком строгий, — сказал он потом Аврелию, как бы извиняясь. — Мы с ним думаем по-разному. Я лично вовсе не убеждён, что непременно нужно страдать, если хочешь чему-то научиться. Более

⁴¹ Litterator (лат.) — преподаватель литературы.

того, я считаю, что в тепле и без палки дети лучше занимаются. Уж я-то знаю кое-что об этом, потому что мне пришлось учить греческий на морозе, притом что пальцы у меня коченели. Но здесь очень скоро у школьников появится гардероб и уборная, и на переменах рабы будут разносить завтраки. Моя школа станет образцом для всего Рима!

Аврелий заметил, что, увлечённо говоря о своей идее, Оттавий невольно выделил слово «моя».

«А что же Панеций, — задался вопросом патриций, — что будет с ним?» И представил, как того отстранят от дела со всеми почестями, лишь бы держался подальше от новой восходящей звезды...

— Это похвально, что ты так усердно заботишься о процветании и финансовых благах твоего приёмного отца, — с откровенным сарказмом заметил патриций.

Оттавий побледнел: для молодого человека, горящего жаждой преобразований, этот намёк на ничтожную выгоду прозвучал как смертельное оскорбление.

— Я — сын Арриания, — заявил он, обозлившись. — И за многое ему благодарен, не встретить я его...

— То был бы сейчас самое большее скромным учителем в какой-нибудь провинциальной школе, как тот нотариус, которому ты отказал в прибавке жалованья, — завершил коварный сенатор.

Молодой человек, всё такой же бледный, с трудом сдерживал негодование.

— Ты ошибаешься, Аврелий, думая, будто для меня самое важное — деньги, — ответил он изменившимся голосом. — Главное для меня — репутация учёного и право каждого, кто этого заслуживает, получать образование. Культура — пока ещё привилегия немногих избранных, и зачастую, чтобы приобрести знания, приходится идти в услужение к тем, кто всегда обладал ею. Я слышал, как ты поправил Тушо. Ох, не сомневаюсь, что тебе легко было указать на неточность старого грамматика и выглядеть великим знатоком, высмеивающим его перед учениками. У тебя была няня-гречанка, учившая говорить, а вечером перед сном наставник читал тебе «Илиаду» ... Мои скромные попытки создать хорошую школу кажутся смешными утончённому сенатору Стацию. Но для меня, выросшего в небольшом селении, где не было ни одной библиотеки, для меня, жадного до книг и поэзии, школа была всем. И сейчас у меня есть, наконец, возможность разделить с другими то, что я сумел получить ценой стольких жертв! И если кто-то, вроде Марция, претендует на одну из них, — он страстным жестом указал на кафедру, — ради того лишь, чтобы получить четыре асса и оставить их потом в купоне⁴², то пусть лучше стоит в очереди в приёмной какого-нибудь знатного человека и целует ему руку в обмен на спортулу!

— Ну, успокойся, юноша, ты принимаешь всё слишком близко к сердцу, — снисходительно проговорил патриций.

⁴² Сауропа (лат.) — таверна.

Оттавий покраснел, потом постепенно гнев его обернулся глубоким огорчением.

— Не веришь мне, — сказал он. — Считаешь тщеславным и незрелым... Это верно, я ещё только начинаю, однако хорошо знаю, что должен делать. С высоты своей родословной и с претензией на мудрость ты, наверное, полагаешь наивной горячность, с какой я отстаиваю свои принципы. Моя непримиримость, конечно, заставляет улыбнуться такого человека, как ты, который может себе позволить шутить по поводу более серьёзных вещей...

Патриций слушал с любопытством, не зная, негодовать или хвалить его за такой пыл. Было что-то верное в том, что утверждал этот юноша, и не всякий способен подобным тоном разговаривать с аристократом, который в силах помочь его карьере или, наоборот, загубить её на корню.

— Ты разочаровал меня, знаменитый сенатор, — сурово продолжал Оттавий. — Мне так хотелось познакомиться с тобой после того, что я слышал о тебе от Ремния, Музония, Клувия. Они говорили, что ты жадный до знаний, вдумчивый читатель, интересующийся всеми науками, и я предвкушал удовольствие от встречи с тобой. — Аврелий был невольно польщён. — Однако меня предупреждали о твоём высокомерии, и теперь, познакомившись с тобой, я понимаю, что хотели этим сказать!

Сенатор молча выслушал это замечание. В сущности, это хорошо, что кто-то отваживается хотя бы иногда высказать всё, что думает о нём. И Оттавий, столь далёкий от елейного

лицемерия Арриания, наверное, больше всего подходил для того, чтобы произнести эти слова.

— Смелее, я уверен, это ещё не всё, — ответил Аврелий, стоически ожидая худшего. — Столь суровые судьи, конечно, называли меня ещё и пьяницей и распутником...

— О да! — улыбнулся молодой человек. — Представляешь, мне даже посоветовали не подпускать тебя к Лучилле... — с пылом продолжал он, но вдруг осёкся и воскликнул: — Боги мои, я так увлёкся разговором, что даже забыл, что она умерла! — и замолчал, потемнев лицом.

Аврелий опустил руку ему на плечо, пока тот прочищал горло и приходил в себя. При виде горя Оттавия патриций вдруг почувствовал себя ненужным и усталым.

Именно они, эти молодые люди со своим сумасшедшими мечтами, движут миром, а не такие, как он, считающие себя слишком зрелыми, чтобы ещё питать какие-то иллюзии...

— Приходи как-нибудь посмотреть на мою библиотеку, — неожиданно пригласил он Оттавия и удалился, не попрощавшись.

Покинув школу, Аврелий направился на форум Олиторио, где смешался с толпой, которая растекалась от лавки к лавке и заглядывала в термополиум⁴³, чтобы наскоро перекусить в середине дня.

⁴³ Thermpolium (лат.) — нечто вроде столовой самообслуживания, где на прилавки выставляли большие глиняные чаши с горячими супами. Подобных заведений было много как в Риме, так и в других крупных городах.

Когда сенатор проходил мимо стойки, возле которой толпилось особенно много народу, ему показалось, будто он узнал человека, склонившегося над чашей с разбавленным водой вином.

Это оказался тот самый Марций, которому Оттавий недавно сделал выговор. Аврелий тоже встал в очередь и, получив чашу отвратительного вина, постарался оказаться возле неудачливого нотариуса.

— Два асса за эту пакость! — посетовал Аврелий, желая завязать разговор. Но учитель недоверчиво посмотрел на него: он не только помнил, что этот незнакомец долго разговаривал с Оттавием, но сразу же верно оценил стоимость его дорогого плаща из коричневой шерсти. Что делал этот тип в жалкой таверне?

— Что скажешь о школе Арриания? — льстиво продолжил патриций. — У меня двое детей, мальчик и девочка, которых пора отправить в школу...

— А зачем такому, как ты, отдавать детей в общественную школу? — удивился нотариус.

— Ну, ведь давно прошли времена, когда Катон Цензор сам воспитывал, растил и даже купал своих детей, — возразил Аврелий.

— Ты ведь можешь позволить себе частного наставника, — с презрением заметил Марций, указывая на обувь и одежду сенатора.

— Дело не только в деньгах. Мои дети бунтари по характеру и не стали бы уважать простых рабов. К тому же многие из этих греческих педагогов имеют... странные предпочтения.

— Ну, если ты об этом, то в школе они тоже не будут в безопасности! Посмотри на Оттавия. Когда он приехал в Рим, у него была только штопаная тога. Но благодаря смазливой физиономии он быстро сделал карьеру...

Аврелий насторожился, притворившись, будто ошарашен такой новостью.

— Давай договоримся: я ничего не утверждаю, это лишь слухи, — сразу же отступил Марций и, допив своё вино, быстро ушёл.

Покидая термополиум, патриций задался вопросом, что за тяжёлая ноша вынудила этого недовольного старого учителя отвести душу. Надо постараться побольше разузнать об Оттавии.

Выйдя на улицу, он хотел было взять общественные носилки, чтобы вернуться домой, как вдруг его внимание привлёк мальчик, сидевший на невысокой ограде возле прилавка с овощами. Его тоненькая правая ножка, обутая в старый, слишком большой сапожок, была короче левой, свисала и постукивала по стене.

Откинув упавшие на глаза волосы, мальчик нацелился рогаткой в муху, сидевшую в этот момент на гряде луковиц, сощурился и выстрелил. Ягодка бузины со свистом пролетела мимо.

— На твоём месте я бы взял кипарисовую шишку, — посоветовал сенатор, узнав мальчика, который воровал сладости в доме Арриания.

Мальчик взглянул на него, не зная, как быть. Потом взял свою капсу⁴⁴, лежавшую рядом, и прыгнул на дорогу.

⁴⁴ Capsa (лат.) — футляр для рукописных свитков.

Аврелий успел ухватить его за шиворот.

— Слишком торопишься, молодой человек! Спорю, что ты тот самый Манлий, которого с палкой в руке повсюду ищет Тертуллий. Почему ты не в школе?

Мальчишка пожал плечами.

— Я не сделал упражнение по греческому, и учитель побил бы меня, — признался он, состроив рожицу и теребя буллу.

— А что, так уж сильно бьют учителя?

— Не все. Тертуллий самый злобный. Он свободный человек и недоволен, что приходится заниматься таким низким делом. Вот и отводит душу на школьниках... Но только на таких, как я, которые ничего не стоят. Видел бы ты, как он обращается с молодыми господами, которые приходят в школу в сопровождении папас!

— Папас?

— Ну да, наставник, педагог, учитель! Нянька, говорим мы, чтобы посмеяться над молодыми господами: папас будит их, одевает, моет, покупает завтрак и присутствует на уроках вместе с ними, сидит рядом на парте, чтобы помочь выполнить задание.

— А тебе, выходит, некому помочь? Твой отец, твоя мать... — хотел было узнать Аврелий, но сразу пожалел об этом. Изношенная, старая капса и потрёпанные свитки в ней говорили лучше всяких слов.

— Мой отец старьёвщик. Он целый день возит свою тележку и к вечеру еле держится на ногах от усталости. И потом, он не умеет писать даже по латыни, не то что по-гречески. Однако

он хочет, чтобы я ходил в школу, и гробит своё здоровье, лишь бы и дальше платить этим проклятым учителям.

— Он прав, — согласился патриций. — Сегодня совершенно необходимо иметь хотя бы начальное образование, чтобы найти приличную работу.

— Ты как мой отец — только и умеешь, что читать мораль, но в школу-то хожу я, и Тертуллий бьёт меня, а не тебя или его! — возразил Манлий. — Пока жива была мама, всё было по-другому: она слушала, как я готовил уроки, хотя и не понимала ничего, и всегда клала мне в капсу какую-нибудь сладость, чтобы поел в полдень. А теперь у меня с собой только кусок хлеба, но и он не радуется, потому что я думаю о Квартилле... — Мальчик говорил торопливо, без остановки, словно эти мысли уже давно рвались наружу, только некому было высказать их. — Квартилла — моя сестра. Она не растёт, при нынешней кормилице от девочки остались кожа да кости. Говорят, долго не протянет, — мрачно произнёс он. — А мама умерла, когда родила её...

У мальчика навернулись на глаза слёзы, но он тут же, как взрослый, взял себя в руки и перестал плакать.

Аврелий положил руку ему на плечо и, стараясь выглядеть не слишком навязчивым, предложил:

— Знаешь, раз уж ты всё равно пропустил урок, что, если мы перекусим где-нибудь поблизости?

Вскоре, получив блины с мёдом и хорошую порцию сосисок под соусом, мальчик в полной мере оценил странное предложение патриция.

— Послушай, Манлий, хочешь поработать на меня? Нужно всего-то внимательно смотреть и слушать. Мне важно знать всё, что происходит в школе. За это буду давать тебе два асса в день. И помогу делать уроки, если хочешь. Конечно, чтобы служить моим разведчиком, придётся каждый день ходить в школу...

Манлий с сомнением посмотрел на него:

— А ты, может, тоже учитель?

— Нет, но я владею греческим языком.

— Неужели? Знаешь, Тертуллий ведь такой придиричивый...

— Полагаю, что справлюсь, — заверил Аврелий, который выучил язык Эллады ещё раньше латинского.

Мальчик, однако, не спешил соглашаться.

— Интересно, а зачем тебе это? Ты не внушаешь доверия, — проговорил он, сощурившись и хитро глядя на Аврелия. — Я не дурак. Я видел тебя в доме Арриания, на тебе была такая же тога, как моя, с красной полосой. Такие носят только дети и магистраты. Ну, а поскольку с буллой, судя по всему, ты расстался уже давно, то, наверное, очень важный человек...

— Ну да, — вздохнул Аврелий. — Поэтому и не могу сам бывать там, где хотел бы. И мне нужен человек, который собирал бы для меня сведения... А кроме того, я, возможно, мог бы найти хорошую кормилицу для твоей сестры... — добавил

он, чтобы уж окончательно перетянуть собеседника на свою сторону.

Манлий с подозрением посмотрел на него, но блинчики с мёдом, которые добавил ему в тарелку Аврелий, сделали своё дело — недоверие ушло.

Договор был заключён.

Когда патриций вернулся домой, Парис заговорил с ним печальным голосом осуждённого, который только что увидел виселицу из окна своей темницы.

Вечно унылый, постоянно жаловавшийся на здоровье управляющий шёл по атриуму, неся уйму мазей, лосьонов и настоек, и старался выпытать у лекаря последние советы.

— Что с ним на этот раз? — спросил Аврелий румяного Иппаркия. Парис уже страдал диспепсией, запором, астмой, бессонницей и спазмами в желудке.

— Ничего особенного. Просто он глубоко убеждён, что болен, и, чтобы почувствовал себя лучше, ему нужно дать какое-нибудь безвредное средство, — спокойно объяснил врачеватель и выставил патрицию весьма солидный счёт.

Аврелий, желая поскорее закончить разговор, оплатил его, не задумываясь, и тотчас поинтересовался:

— Ну а что же с той грязью?

— Не знаю, что ты думал найти в ней, сенатор, но это была всего лишь смола из Иудеи, лучшего качества и без всяких добавок.

Патриций с недоверием посмотрел на него. Значит, промахнулся. В сущности, его подозрения были вызваны лишь отсутствием мокрых следов на полу, Лучилла могла ведь закрыть задвижку и после того, как вытерлась... Кастор прав: теперь ему всюду мерещились преступления.

— Ну, если нет других вопросов... — сказал Иппаркий и откланялся, и Аврелий притворился, будто не знает, что прежде чем уйти, он заглянет к Ортензию, чтобы получить в подарок вазу с медовым инжиром для лечения своего не проходящего кашля.

— Подожди! — задержал его патриций. Учитывая огромный счёт, он решил в полной мере воспользоваться его консультацией.

— Если нет речи о каком-то заболевании, возможно ли, чтобы этой девушке, скажем так, помогли умереть?

— Ты хочешь сказать — могли ли её убить? Конечно!

— А как?

— Ну, достаточно было крепко сдавить сонную артерию.

— Нет. У Лучиллы на шее не было никаких следов, во всяком случае подобного характера.

— А что скажешь об уколе в голову — от уха до уха?

— Нет, не получится. На голове и на волосах не было следов крови.

— Ну, ещё её могли утопить или задушить. Или же ввести какой-нибудь яд без запаха.

Бесполезно гадать, сенатор Стаций. Пока не осматрю труп, могу делать только самые общие заключения, — заверил Иппаркий, разводя руками.

— Ладно, иди. Да, кстати, по пути домой загляни в Субуру и осмотри там одну новорождённую.

Врач, уже привыкший к причудам Аврелия, взглянул на него без удивления. Разве тот не отправлял его однажды осмотреть гладиатора... Впрочем, у каждого свои тараканы в голове, но сенатор Стаций, в отличие от других, оплачивал своих звонкой монетой.

Едва удалился Иппаркий, как в комнату влетела взволнованная Помпония:

— Её нельзя кремировать! Лучилла не хотела этого, она почитала Кибелу и...

— И она! — удивился Аврелий.

— А также Изиду, Артемиду и целый сонм других богинь! Сейчас очень многие молодые люди увлечены этими экзотическими культами.

— Это верно. С тех пор как люди перестали верить в богов Олимпа, они только и делают, что ищут, кем бы их заменить, — рассердился сенатор, который, как эпикуреец, не верил ни в римских, ни в каких-либо иных богов.

— Бедняжка хотела, чтобы её похоронили, — продолжала матрона. — В трудную минуту она просила об этом отца и сказала также, что оставила что-то вроде нравственного завещания. Это теперь в большой моде у молодёжи.

— Отчего же ты не сказала мне об этом раньше? Такой документ, наверное, многое объясняет!

— Мы ничего не нашли. Возможно, она сама уничтожила его, когда преодолела депрессию. С другой стороны, это не единственное, чего не достаёт из вещей Лучиллы. Пропали нефритовая булавка и черепаховый гребень. Но, так или иначе, я не об этом хочу поговорить с тобой...

Матрона осторожно осмотрелась и шёпотом поинтересовалась:

— Мы тут одни?

— Совершенно одни, если не считать сотни рабов, шести поваров, двух массажисток, десяти вольноотпущенников и управляющего.

— Я хочу кое-что сообщить тебе, — драматическим тоном произнесла Помпония.

Аврелий возвёл очи горе.

— Молю тебя всеми нимфами! Надеюсь, это не будет рассказ о последнем любовном приключении Мессалины!

Но у Помпонии в колчане имелись совсем другие стрелы:

— Позавчера, когда ты расспрашивал меня об Арриании... Ну, я не хотела тебе говорить, хотя, с другой стороны, в наши дни это стало обычным делом, и ты, как человек широких взглядов... Однако из уважения к моей бедной племяннице, да избавит её Аид от мучений...

— Ближе к сути! — призвал патриций.

— Короче, несколько лет назад в школе произошёл скандал: один ученик обвинил Арриания в том, что он делал ему непристойные предложения. Мой племянник решительно всё отвергал, утверждая, что юноша просто хотел отомстить ему за обиду, но передал его семье

некую сумму при условии, что они снимут обвинения.

— Ты считаешь, обвинение было правдой? Если у человека чиста совесть, то вряд ли он готов платить, — заметил Аврелий. Слова того учителя, Марция, были, видимо, небезосновательны и продиктованы не только обидой...

— По правде говоря, я с трудом верю в это, — ответила матрона. — Тот юноша был вольноотпущенником, и было бы очень глупо со стороны такого известного ратора, как Аррианий, — независимо от того, были у него такие намерения или нет — обращаться с таким предложением к римскому гражданину, когда в его распоряжении сколько угодно юных сговорчивых рабов.

— Ну да! Что допустимо с рабами, то становится преступлением, если в дело втянут свободный гражданин, подросток. Красная полоска на его тоге как раз и показывает, что юноши эти столь же священны, как и высокие магистраты: никто не смеет поднимать на них руку или порочить...

— Во всяком случае, этот ученик отказался от предложенных денег и настаивал на своём. Школьные учителя дружно встали на защиту Арриания, и адвокат охарактеризовал мальчика как бунтаря, едва ли не преступника, способного на разные ухищрения и даже на шантаж. Короче, семье пришлось отказаться от обвинения, даже не дождавшись решения суда. С тех пор больше никаких разговоров об этом не было.

— Не знаешь ли, Панеций работал в школе, когда разразился этот скандал?

— Работал, а почему спрашиваешь об этом?

— Так, из любопытства. В любом случае не знаю, стоит ли продолжать расследование. Мой врач говорит, что в асфальтите нет никаких следов отравы.

— Это ещё ничего не значит! Лучилла была убита другим способом! — воскликнула матрона вопреки всякой логике. — Надеюсь, ты не перестанешь заниматься этой историей, верно? Пообещай, что продолжишь, сделай это ради меня!

— Хорошо, Помпония, — успокоил её Аврелий, которому нужен был только хороший повод, чтобы двигаться дальше. — А ты узнала что-нибудь о Камилле? — как можно равнодушно спросил он.

— Нет ещё, но если она сделает хотя бы один неверный шаг, мы первые об этом узнаем. Одна из моих шпионок дружит с её любимой служанкой.

— С Лоридой?

— Нет, этой рабыни у неё больше нет. Перед свадьбой Камилла дала ей вольную.

— Знаешь, где её найти? Вольноотпущенники нередко остаются неподалёку от своих бывших хозяев.

— Но не Лорида. Она просто исчезла. Камилла долго искала её, но напрасно. Наверное, уехала из Рима. Спроси сам у Камиллы, когда будешь на поминках.

— Если Корвиний позволит...

— А ты разве не знаешь? Он завтра уезжает в Капую. На целую неделю.

— Великолепно! — обрадовался Аврелий и даже забыл на мгновение, что встретит очаровательную Камиллу не в добром расположении духа, а на печальных поминках.

— Кастор! — прогремел сенатор, как только матрона ушла.

Грек, который ещё немного и уговорил бы новую смотрительницу гардероба заглянуть к нему в комнату, выругался сквозь зубы и, сделав хорошую мину при плохой игре, поспешил на помощь своему господину и хозяину:

— Что случилось, господин, варвары осаждают город?

— Отправляйся в дом Арриания и осмотри тело Лучиллы, прежде чем её похоронят. Обрати внимание, нет ли следов, даже еле заметных, на шее или на лице и вообще признаков удушья.

— Будет сделано, хозяин, — безропотно ответил грек. Он так старался, столько потратил усилий, чтобы уговорить эту смотрительницу гардероба...

— И как только сможешь, сходи к меняле Корвиния и заberi мешочек с деньгами. Двух дней хранения вполне достаточно.

— Что-нибудь ещё, господин?

— Да, найди мне кормилицу.

— Кого? — переспросил грек, не веря своим ушам.

— Кормилицу, Кастор, кормилицу, няню для грудной девочки.

— Я не знаю, где найти такую женщину, господин. Меня давно уже отлучили от груди!

— Не для меня, старый козёл, она нужна ребёнку! Грудному ребёнку!

«Боги! — воскликнул про себя Кастор. — Если без конца прыгать из одной кровати в другую, ещё и не такое может случиться...»

— Поздравляю! — воскликнул грек, широко улыбаясь.

— Иппаркий осмотрит девочку без ведома её отца и сообщит тебе всё, что надо, — невозмутимо продолжал Аврелий.

Кастор ушёл, качая головой, не в силах понять, что происходит. Хозяин явно перегибал палку со своими поручениями: где он теперь — о боги Олимпа! — найдёт кормилицу?

И вдруг вспомнил, что одна подруга новой смотрительницы гардероба недавно родила. Это задание может, в сущности, получиться очень даже выгодным: женщины, как известно, всегда тают, когда встречают мужчину, любящего детей.

V

НОЯБРЬСКИЕ КАЛЕНДЫ

На другой день проходило заседание Сената, и Аврелий в шерстяной тоге с латиклавом долгих четыре часа в нетерпении сидел на своём сенаторском месте, притворяясь, будто слушает нудную, нескончаемую дискуссию.

Конечно, прежде такой человек, как он, с жаром включился бы в политическую борьбу, но сейчас эти вялые обсуждения приводили его в отчаяние. Он хорошо понимал, что центр власти находится там, наверху, на Палатинском холме, а не в Курии, которая обладала ею только формально.

Он нередко задавался вопросом, почему сенаторы так упорно затягивали обсуждение каждого вопроса, притом что все решения давно уже приняты Цезарем и его двором, состоящим из влиятельнейших вольноотпущенников...

Но ничего не поделаешь: тоскуя о славном прошлом, когда они были властелинами мира, члены высокого собрания изо всех сил продолжали обсуждать отдельные важные проблемы, придираясь к мелочам по поводу и без.

Ёрзая в своём неудобном кресле, Аврелий скукал во время этих долгих разговоров. Из-за вынужденной неподвижности и незначительности обсуждаемых вопросов, он мысленно уносился к другим пределам и, хотя уже обещал себе поставить точку в деле о смерти Лучиллы, всё-таки она ещё оставалась тем берегом, к которому неизменно прибывало его мысли.

Кастор, отправленный на разведку, не принёс никаких новостей. Когда он пришёл к Аррианию, тело девушки уже перенесли в семейный колумбарий, и даже если оно хранило какой-то секрет, то теперь он уже навсегда был захоронен в могиле.

Оглушительные аплодисменты оторвали Аврелия от размышлений: сенаторы, как всегда единодушно, готовились одобрить декрет, предложенный императором.

— А ты что же не голосуешь, Стаций? — спросил его хмурый коллега, и Аврелий лениво похлопал в ладоши, даже не задумавшись, что же он одобряет.

На улице было холодно, и сенаторы спешили закутаться в тяжёлые шерстяные тоги, укрывая обнажённые руки. Решив сократить путь и оторваться от толпы, Аврелий прошёл через Форум Цезаря, по ту сторону которого его ожидали паланкин и носильщики.

В глубине площади недалеко от храма Венеры Прародительницы Аврелий прибавил шагу: это была территория Элия Корвиния, того...

— Дорогой мой! — услышал он и почувствовал, как кто-то ухватил его за плащ. Обернувшись, он лицом к лицу столкнулся с банкиром, чья морщинистая физиономия осклабилась в приветливой гримасе голодной акулы, ищущей жертву.

— Какими судьбами в этих краях, благородный Стаций? Ах да, вы же, сенаторы, всегда заняты важными обязанностями! Но если бы ты мог уделить мне немного времени... Знаешь,

по-моему, бессмысленно продолжать эту глупую войну. В сущности, у нас с тобой ведь одинаковый интерес, а деловые люди всегда могут найти общий язык.

— Могут, но только если играют по одним правилам.

— Правила, нормы, предписания... Да у тебя это просто пунктик какой-то! Послушай, а почему бы нам с тобой не договорится о ставках? Я мог бы снизить до двадцати шести, двадцати семи процентов. Если и ты поднимешь свою ставку, то все наши мелкие конкуренты приспособятся к ней.

— Никто не может так изменить ставку, не нарушив при этом закон.

— Закон, не закон... Кто хочет взять деньги в долг, должен как-то выкручиваться. И я мог бы замолвить за тебя словечко в Испании. Или сам скажи, что бы то хотел получить взамен...

— Ничто из того, что у тебя есть, меня не интересует, Корвиний.

Ни один мускул не дрогнул на лице банкира, все ещё сохранявшего приятную улыбку, но маленькие, глубоко сидящие глаза хитро и злобно сверкнули.

— Ты так уж уверен в этом? — спросил он, по-обезьяньи схватив Аврелия за тогу. Потом с вызовом посмотрел на него и ушёл, не попрощавшись.

Сенатор сделал знак носильщикам, чтобы поторопились — дома он ожидал визита и уже опаздывал на встречу.

Вскоре патриций сидел со своим гостем в столовой домуса.

— Оттавий приехал в Рим совсем ещё совсем молодым человеком. Он хотел записаться в кватривиум, однако был совершенно без средств, и ему пришлось работать, чтобы не умереть с голоду. У его семьи есть поля в Бруццио, но они приносят ничтожный доход, и родители, дав ему для начала всё, что могли, пожелали удачи и сказали, что если он в самом деле хочет учиться, то пусть сам всё и оплачивает. — Рассказывая это, Манлий одновременно набивал рот сладостями. — И тогда он стал обхаживать учителей, оказывать им разные мелкие услуги, и в конце концов его взяли на работу мойщиком посуды. Он также чистил уборные, присматривал за учениками на переменах и в то же время тайком слушал уроки. Однажды Аррианий, проводя опрос, заметил, как он прячется под лестницей, собираясь подсказать кому-то ответ. И не рассердился, а отнёсся к нему со вниманием, и они подружились.

Манлий говорил торопливо, не переставая уплетать булочки с изюмом, которые Ортензий заботливо подкладывал на тарелку.

— Молодец! — похвалил мальчика патриций. — Вот тебе два асса, которые я обещал, и ещё пара полезных вещей.

— Мне? — Манлий открыл рот от удивления при виде новёхонькой капсы и пучка заострённых гусиных перьев.

— Да, тебе, — подтвердил Аврелий. — Я убеждён, что хорошие вещи вызывают

желание учиться. Тут ещё и чернила. Чёрная китайская тушь для текстов и красный сурик для заголовков.

— Вот это да! — воскликнул изумлённый мальчик. — Красного сурика нет даже у этого зануды Африя! Вот завтра будет разговоров! А ты напиши на капсе своё имя. Пусть все знают, что это ты подарил мне! Вот напиши: «*Aurelius Manlio*» — Аврелий Манлию.

Сенатор обмакнул перо в чернила и начал выводить своё имя: «Аврел...» И, не дописав окончание, вдруг остановился.

— О боги Олимпа! — воскликнул он. — «Аврелий Манлию» ... Ну конечно! Имя получателя стоит в дательном падеже, а имя дарителя остаётся в именительном! В таком случае надпись на черепаховом гребне означает, что Лучилла — даритель, а не получатель подарка!

Патриций вскочил: совершенно необходимо как можно скорее найти этот гребень.

VI

ЗА ТРИ ДНЯ ДО НОЯБРЬСКИХ НОН⁴⁵

Аврелий полагал, что после таких поспешных похорон поминки тоже будут скромными. Но Аррианий не поскупился на расходы, и среди пришедших проститься присутствовали все самые известные преподаватели Рима.

Ни Панеция, ни Корвиния, однако, не было. Банкир прислал вместо себя своего вернейшего помощника Николая, который сопровождал Камиллу с тупым усердием сторожевой собаки. Девушка была одета в простую серую тунику, копна тёмных густых волос уложена узлом на затылке.

Строгая причёска несколько не скрывала лица, казалось, наоборот — только подчёркивала его совершенные черты: Аврелий любовался чистейшей линией профиля, изящной шеей. Уши были украшены, несмотря на траур, золотыми полулуниями.

Настроение у патриция было ужасное: крепкого сложения охранник не давал обменяться ни словом с Камиллой, и каждая попытка

⁴⁵ Но́ны — определённый день, от которого происходил отсчёт внутри месяцев по древнеримскому календарю. Но́нами назывались 7-й день марта, мая, июля, октября и 5-й день остальных месяцев. Ноны следовали за календами, а после них шли иды, тем самым дни нон служили для счёта дней внутри месяца. Так как месяцы у римлян не имели порядковой нумерации дней, то опорными для счёта дней считались три главных дня: календы, ноны и иды.

встретиться с красавицей хотя бы взглядом сразу же пресекалась скромностью, с какой она опускала глаза.

Разговоры вокруг велись формальные и нудные, и если учесть, что поминки всегда гасили отменный аппетит сенатора, понятно, что он почти ничего не ел, а только слушал скучный панегирик исключительным добродетелям покойной.

«Даже самые недостойные граждане, — подумал он, — испустив последний вздох, становятся верхом совершенства...»

— Она с детства была такой живой, непосредственной... — вспоминала математик Юния Иренея.

— Но когда подросла, стала разумнее... — уточнил Аррианий.

— Лучилла оказалась бы даром богов для любого мужчины... — добавила Помпония, хлюпая носом.

— Она была бы для меня прекрасной женой, — посетовал Оттавий, несостоявшийся супруг. — И она любила меня...

— И ты даже не представляешь как, — еле слышно произнесла Камилла, и за столом наступило неловкое молчание.

«Если и правда, что она одно время вздыхала по Оттавию, то в последнее время её чувство, должно быть, сильно охладело», — подумал Аврелий.

Нередко хрупкая любовь, столкнувшись с непредвиденными препятствиями, улетучивается раньше времени из-за разочарования, и тот

из любящих, кто ожидал от своего избранника большего и, возможно, чересчур многого, начинает вдруг замечать его недостатки или даже убожество.

Если отношения молодых людей сложились именно так, то можно было не сомневаться, кто отказался первым: конечно, не Камилла с этой волевой складкой у рта! Кроме того, женщина, которой пренебрегли, обычно стремится приписать вину за то, что её бросили, более удачливой сопернице и нередко начинает ненавидеть её...

Поминки подходили к концу, и настал самый подходящий момент, чтобы привести в исполнение задуманное.

— Прошу прощения, я не совсем хорошо себя чувствую... — извинился Аврелий, держась за живот.

Ванная комната находилась как раз рядом с туалетом. Конечно, было маловероятно, что гребень всё ещё там, но всё-таки стоило заглянуть.

Войдя в ванную, патриций с огорчением увидел, что помещение вымыто и приведено в порядок: на деревянных скамьях не было мягких шерстяных подушек.

Аврелий стал соображать: куда могла деть гребень аккуратная рабыня? Конечно, отнесла в комнату хозяйки и положила в какую-нибудь шкатулку или сундук.

Он тихо приоткрыл дверь, осмотрел пустой коридор, быстро проскользнул в атриум, куда выходили двери нескольких жалких и неприглядных

семейных комнат, и попытался угадать, в какой из них жила Лучилла.

Комната девушки должна была находиться во внутреннем дворе, и, чтобы попасть в него, Аврелию следовало пройти мимо двери в столовую.

Тут он услышал чьи-то шаги и увидел двух слуг, которые направлялись туда с серебряными блюдами, полными фруктов и сладостей для достойного завершения поминок.

В тот самый момент, когда рабы входили в столовую и заслонили собою дверь, так что оттуда не виден был коридор, Аврелий прошёл во двор и открыл первую же попавшуюся дверь.

Войдя в помещение, он сощурился, чтобы привыкнуть к полумраку, и осмотрелся: окрашенная кровать, резной сундук, столик из розового дерева... И на скамье небольшая шкатулка, та самая, которую он сам преподнёс Лучилле в качестве свадебного подарка.

Может быть, черепаховый гребень лежит там, среди духов... Патриций открыл шкатулку и пошарил между алебастровых баночек: вот он! Чтобы увидеть надпись на ручке гребня, света было недостаточно, и он приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы рассмотреть её. «Лучилла», — прочитал он крохотные позолоченные буквочки.

Тут гребень выскользнул у него из рук, и на другой его стороне он увидел: «Лучилла Камилле». Он не ошибся: гребень принадлежал не покойной, а её сестре!

— С каких это пор сенатор хозяйничает в чужих комнатах? — неожиданно прозвучал низкий

властный голос, и Аврелий обернулся, устыдившись, словно застигнутый врасплох мальчишка. — Высокий магистрат проникает в мой дом, как вор... — продолжал звучать голос.

Аврелий осмотрелся, чтобы понять, откуда исходит этот более чем справедливый упрёк, и стал спешно придумывать какое-нибудь убедительное объяснение своему появлению тут, как вдруг заметил лёгкое колыхание занавеси и вытянувшуюся из-за неё костлявую, морщинистую руку с набухшими голубыми венами.

Патриций нерешительно шагнул вперёд, но прежде, чем отодвинуть занавес, помедлил в ожидании, что согнутый палец на этой руке поманит его.

Пройдя дальше, он увидел в полумраке лежащую на диване женщину и её сморщенные руки, выползавшие из вороха тканей, словно паучьи лапы, готовые ухватить невидимую муху.

— Я уже давно не встаю, молодой человек, однако глаза у меня ещё хорошо видят, — сказала старуха, — точно так же, как и хорошо слышат уши, на твою беду. Не бойся, покажи, что ты там прячешь!

Прошёл уже не один год с тех пор, как сенатора Публия Аврелия Стация последний раз называли молодым человеком, и ещё больше — с того времени, когда кто-то смел что-то приказывать ему.

И всё же, учитывая почтенный возраст матроны и её строгий, сердитый взгляд, высокий патриций почувствовал необходимость подчиниться.

— Курия, наверное, и в самом деле погибает, если принимает в ряды сенаторов такого, как

ты, несчастного, опустившегося до воровства! — прохрипела старая женщина, рассматривая гребень, и Аврелий с досадой почувствовал, что краснеет.

— Слушай, давай по-честному, молодой человек! Объясни, зачем ты это сделал, и лучше, если расскажешь всё как есть. Я старая, но ещё в здравом уме, хотя всем кажется, что наоборот.

Аврелий позволял себе прибегать ко лжи, когда было необходимо, более того, он вообще нередко использовал обман, чтобы достичь важных для себя целей. Но посмотрев на бодрую старуху, он тут же позабыл придуманную небылицу, с помощью которой хотел обмануть её: эта гордая матрона заслуживала правды.

— Мне нужно знать, кому принадлежал этот гребень, Испулла Камиллина, я заметил его в ванной, когда... — он замолчал, побоявшись растревожить собеседницу.

— Когда нашёл тело этой бедняжки, — завершил его мысль слегка надтреснутый старческий голос. — Я могу ответить на твой вопрос. Это гребень моей внучки Камиллы. У Лучиллы был точно такой же. Сёстры близнецы сделали друг другу подарки в день рождения, когда им исполнилось по тринадцать лет.

— Камилла, наверное, оставила его, когда уехала в дом своего мужа. Такой богатый банкир, как Корвиний, конечно, не стал бы скупиться на более дорогие украшения, — осмелился заметить Аврелий, хотя в глубине души рассматривал другое предположение.

— Конечно. Старики, которые покупают себе молодую жену за немалые деньги, стараются переодеть её с ног до головы, — заметила старуха, скривившись.

— Корвиний тебе не по душе, — заключил патриций.

— Да нет, он не хуже других. Но чтобы молодую девушку в расцвете сил продали мужчине, который ей в дедушки годится...

— Так принято, — проговорил Аврелий, вспоминая рассказы Помпонии.

— Со мной тоже так было, и не скажу, что это доставило мне удовольствие.

— Твой сын Аррианий был чем-то обязан банкиру, — заговорил патриций.

— А ведь и в самом деле правильно про тебя говорят, что ты вечно суёшь нос не в свои дела! Я слышала о тебе, Публий Аврелий. Домашние обсуждают при мне всё, не таясь, думая, будто я впала в детство...

— Мне бы в старости такую светлую голову, как у тебя, Испулла! — засмеялся Аврелий, и дряхлой матроне, похоже, понравилось его искреннее восхищение.

— Вижу, ты совсем не глуп, молодой человек, напрасно я плохо подумала о тебе. Так скажи мне всё-таки, зачем ты лезешь в наши дела? У тебя вызывает сомнение болезнь, которая сразила Лучиллу?

— Вообще-то да, — признался патриций, растерявшись от такой прямоты.

— Ты не один, кто так думает, но никто не решается говорить об этом вслух.

— Даже ты?

— А кто станет слушать столетнюю старуху, которую уже давно ждут берега Стикса?⁴⁶ Решили бы, что я брежу... Будь у меня побольше сил, я потребовала бы проверить грязь.

— Я уже сделал это, Испулла... — На мгновение в тусклых глазах старухи вспыхнул немой вопрос и даже испуг. — Врач не нашёл там ничего странного, — успокоил её патриций.

— А ведь существуют яды, каких ты даже представить себе не можешь, — прикованная к кровати немощная старуха повернула тощую шею и потянулась к сенатору. — Жуткие настои, которые убивают медленно, порошок, вызывающий язвы, и страшные мази, способные заставить плоть гнить! Рим уже в руках чужеземцев, которые привносят в город свою варварскую вонь. Этот эфесянин, например... Не доверяй Панецию, Аврелий! Что он делал возле комнаты Лучиллы ещё до рассвета? Они долго разговаривали на пороге, и Оттавий был очень сердит, а потом взволнованно спорил о чём-то с моей внучкой, когда она пошла в ванную комнату... И вскоре её нашли мёртвой!

Аврелий представил себе Панеция и жестокие ритуалы Великой Матери.

— Испулла, ты должна помочь мне! — попросил он. — Мне нужен союзник в этой семье.

— Против кого? Против моих же близких, может быть, или против нового самозванного внука? Против чужака, который свил гнездо

⁴⁶ Стикс — в греческой мифологии река, через которую лодочник Харон перевозит усопших в загробный мир.

в этом доме, тайком проникнув в него, и изгнал из слабого сердца моего сына самых дорогих и любимых людей? Оттавий втёрся сюда как паразит, подобно омеле, которая высасывает сок из деревьев, прицепившись к ним. И все в торговле, все его любят: девочки, Аррианий, ученики... так или иначе, сейчас говорить об этом поздно! Лучилле уже не поможешь, теперь остаётся только сказать *parce sepulto* — прости, усопшая, и оставить её в покое, — покачала головой старая матрона.

— А если бы мне удалось доказать, что её убили? — настаивал на своём Аврелий.

Старуха со злобой сжала бескровные губы.

— Тогда я бы потребовала суда. Лучилла с самого детства отличалась обострённым чувством справедливости. Она была очень строга и к самой себе, и ко всем окружающим. Помню, ей было десять лет, она играла с какой-то острой палочкой и нечаянно ударила ею сестру в бедро, так она тут же заявила, что заслуживает наказания. Мы с Кальпурнией замучились объяснять ей, что не стоит ничего говорить отцу. Аррианий при его боязни крови собрал бы всех врачей в Риме из-за этой, в общем-то, совсем неопасной ранки. А Камилла, как всегда уступчивая, заливала огонь водой, уверяя, что у неё ничего не болит и неважно, останется шрам или нет. «Ты слишком добра, — сказала ей тогда Лучилла, — я на твоём месте непременно настояла бы, чтобы меня наказали!» Хорошо помню её твёрдый взгляд, когда она произносила эти слова. Именно поэтому, если бы открылось что-то подозрительное

в связи с её смертью, я не стала бы скрывать этого от тебя, сенатор. Да будет угодно богам, чтобы это оказалось не так. Столько траура уже было в этой семье! А теперь возвращайся, откуда пришёл, Публий Аврелий, или подумают, что тебе в самом деле стало плохо.

— Вале⁴⁷, Испулла, и пусть боги даруют тебе ещё много лет жизни, — пожелал патриций, уходя.

— А зачем, сенатор? Нет ничего хуже для старого человека, чем пережить молодого, — возразила матрона, и Аврелий понял, что она говорит о себе.

Собравшиеся на поминки начали расходиться. Патриций воспринял это как освобождение и спустился в триклиний, стараясь не наступать на объедки, повсюду валявшиеся на полу.

Камилла тоже поднялась. Аврелий полюбился её природным изяществом и тут же рассердился, представив это гибкое, прекрасное тело в кровати жалкого и скарёдного старика, которого волнует только звон сестерциев. Когда же он заметил, что и она посматривает на него, то захотел было подойти к ней, но Аррианий остановил его. И прежде, чем он придумал какой-то предлог, чтобы задержаться, Камиллу скрыла могучая спина Николая.

Аврелию не оставалось ничего другого, как последовать за хозяином дома в его кабинет.

⁴⁷ Vale (лат.) — пожелание при прощании: «Береги себя!»

Энергично потеряв руки и прочистив горло, Аррианий, наконец, заговорил:

— Это несчастье было ужасным, но я стараюсь не показывать своё горе: *hodie mihi, cras tibi* — сегодня мне, завтра тебе. И всё же это ещё не самое худшее. Несчастный случай породил вопросы и сомнения, конечно необоснованные. Но ты хорошо знаешь, что, когда начинают ходить разные слухи, люди верят, что нет дыма без огня, и постепенно *gutta cavat lapidem* — капля точит даже самый крепкий камень!

Аврелий, который терпеть не мог разного рода поговорки и пословицы, с трудом сдерживал себя, сидя на стуле с высокой спинкой.

Горе Арриания выглядело каким-то искусственным, литературным, словно ритор развивал одну из своих скучных тем, которыми учителя угнетают студентов, изучающих искусство красноречия.

— Самые страшные беды закаляют душу, — нанёс очередной удар неумолимый Аррианий. — Но только в том случае, если траур не сопровождается сплетнями. Я уже сам пытался пролить свет на это печальное событие, но это не моя профессия и, как говорят в таких случаях, каждый сверчок, знай свой шесток Ты, сенатор Стаций, — объяснил он разозлённому патрицию, — успешно провёл несколько расследований, и за последнее из них — несколько месяцев тому назад — Цезарь даже публично выразил тебе благодарность. Если бы стало известно, что ты официально занимаешься расследованием этого дела, слухи вскоре прекратились бы.

Аврелий понял, что Аррианию важно не столько установить истину, сколько положить конец болтовне. И то небольшое уважение, какое он питал к ритору, испарилось.

— Ты подозреваешь кого-то из своих. Оттавия или Панеция, может быть?

— Ни в коем случае! — поспешил ответить он. — Но здесь было столько народу в то утро, что, если кому-то хотелось досадить мне... Конечно, непросто было проникнуть в ванную комнату, но, как утверждает Вергилий, *audentes fortuna iuvat* — удача помогает отважным.

Среди многих добродетелей Аврелию особенно не хватало двух — смирения и терпения. Не в силах выдержать очередную поговорку, патриций вспылал:

— Кончай, Аррианый! Ты ведь позвал меня сюда не для того, чтобы пичкать этими поговорками, поэтому давай ближе к делу, скажи прямо, что за всем этим кроется!

Ритор взглянул на него, не скрывая укора: возможно ли, чтобы аристократ высокого ранга не знал правил приличия? Ну да, они все одинаковы: наглые, невоспитанные, считают себя солью земли только потому, что их предки сражались вместе со Сципионом в битве при Заме!⁴⁸

И что за грубая манера выражаться у этого странного патриция. Словно у legionera или продавца рыбы на рынке. Подумать только, а его ещё считают культурным человеком.

⁴⁸ Битва при Заме — последнее сражение Второй Пунической войны, закончившееся поражением армии Ганнибала.

Так или иначе, теперь уже ясно, что этот резкий и недовольный магистрат не удовольствуется пустыми разговорами. Если ему нужна помощь, то следует решиться и рассказать...

— Думаю, что убить хотели меня, а не Лучиллу, — произнёс, наконец, Аррианий. — И эта бедная девочка случайно оказалась замешана...

— Почему ты так уверен? — тотчас спросил Аврелий.

Ритор опять прочистил горло.

— После смерти дочери я получил анонимное письмо...

— Покажи! — попросил Аврелий.

— Я уничтожил его. Это была какая-то угроза, не припомню сейчас, что там было написано, в тот момент я не придавал этому значения...

— Маловероятно получить угрозу, если ты никому не сделал ничего плохого!

— Понятия не имею, почему мне прислали это письмо, уверяю тебя. Однако мне страшно: после смерти Лучиллы я живу в ожидании какой-то беды, порчи...

Аврелий вскинул бровь и взглянул на него с явным скепсисом. В магию он верил не больше чем в богов и удивлялся, что после Испуллы её сын тоже заговорил об этих глупостях.

Суеверие было простительно для необразованного плебса. И может быть, также для столетней матроны, но не для знаменитого преподавателя искусства красноречия!

— Вижу, что не убедил тебя, сенатор. Конечно, ты считаешь меня легковерным человеком. Но поверь мне: в Риме и впрямь

распространяются какие-то жуткие практики. Наша молодёжь позабыла обычаи предков и теперь обращается к целому сонму чужеземных богов и демонов...

— Таких, как Великая Мать и её оскотплённые священнослужители?

— Именно. Я запретил дочери участвовать в этих бредовых церемониях, но после несчастья понял, что она меня не послушалась. Смотри, что я нашёл в её вещах! — воскликнул Аррианий и выложил на стол несколько предметов: идола с головой гиппопотама, два серебряных пальца, какую-то страшную подвеску из обсидиана и, наконец, восковую куклу.

Аврелий взял подвеску и осмотрел её. Да, это могла быть та самая, что он уже видел в ванной комнате рядом с гребнем на белоснежной тунике Лучиллы. Но в таком случае куда делась нефритовая булавка?

А затем его внимание привлекла восковая фигурка. Волосы на ней казались настоящими, а одежда была сделана из нежных проростков зимнего фенхеля и отчасти из кожистых листьев лавра — того самого, который пророчицы в Дельфах и Куме усиленно жевали, прежде чем впасть в божественный экстаз.

На правой ноге куклы крохотными буквами было написано имя той, на кого направлено колдовство, — Лучилла. А в туловище, в то место, где находилось сердце, была воткнута длинная игла.

Аврелий узнал в ней один из самых опасных ритуалов некромантии. Колдуньи Фессалии всегда

использовали подобные фетиши, чтобы вызывать дух мёртвых, и уверяли, будто именно таким образом коварная Плотина, почитательница мрачной Гекаты⁴⁹, убила во цвете лет славного военачальника Германика, брата императора.

— Это амулеты, — только и сказал патриций. — Похоже, они родом из Фессалии и Египта.

— Египтяне, фригийцы, вавилоняне — кто знает? Божественный Зевс допустил, чтобы мою дочь убили вместо меня... — проговорил ритор.

«Странно, что при всех сомнениях Аррианию не пришло в голову проверить состав смолы», — удивился про себя Аврелий. И потом, если не считать куклу, сами талисманы бесспорно принадлежали Лучилле. Возможно ли, чтобы умная молодая девушка, изучавшая физику и геометрию, верила во всю эту чепуху?

Да, пожалуй, это возможно. Разве Тиберий не изгнал из столицы всех предсказателей, чтобы единолично радоваться ответам прорицателя Трасилла⁵⁰? И разве сотни людей не обращаются каждый день с мольбой к чужеземным богам, не совершают непотребные литургии, не выслушивают мрачные предвестия, пренебрегая всеми императорскими запретами. В Риме устраивались вакхические оргии, египетские мистерии, варварские собрания, где восхваляли драконов, крокодилов, химер, даже чудовище с головой осла, распятое на кресте!

⁴⁹ Геката — древнегреческая богиня лунного света, преисподней, всего таинственного, магии и колдовства.

⁵⁰ Трасилл Александрийский (I в. н. э.) — придворный астролог императора Тиберия.

Решительным жестом он собрал разложенные на столе предметы и спрятал их в складках тоги.

— Попробую узнать, что случилось, Аррианый. Замечу, однако, что эти новости вряд ли понравятся тебе. Может, лучше не тревожить покойных?

Ритор, похоже, на минуту задумался, потом проговорил:

— Иногда мёртвые возвращаются, Аврелий, завидуя тем, кому ещё доступно дыхание жизни.

— Бойся живых, Аррианый, не усопших.

— Черви Эреба⁵¹ не в силах закрасться в наши тела, но могут порой отравить наши души и ум. И мы, живые, вправе защищаться, поэтому делай что должно, Публий Аврелий Стаций, и пусть боги будут милостивы к нам!

Вернувшись домой, Аврелий продолжал размышлять о талисмане Лучиллы. Она знала кое-что о тайных учениях Египта, Сирии, Иудеи и загадочных земель по ту сторону Индии: там проповедовались какие-то только им ведомые истины, ходили легенды о необыкновенных событиях, богах, перевоплощавшихся в простых смертных ради спасения мира.

Патриций, хотя и интересовался этими мистическими знаниями, всё же не расставался со своим скептицизмом. Любое явление, каким бы необычным и исключительным оно ни было, должно иметь рациональное объяснение, возможно, труднодоступное для понимания

⁵¹ Эреб — в греческой мифологии олицетворение вечно-го мрака.

человека, но всё же у него должна быть реальная причина.

Чудеса, пророчества и заклинания вызывали у Аврелия крайнее недоверие, а также неудержимое желание посмеяться над чудаками, верящими в них. Но одно дело не верить в магию, и другое дело — признать в проколотой иглой фигурке глубокую ненависть, злобное, яростное желание убить.

История с гребнем и надписью на нём в сравнении с этой зловещей угрозой показалась ему мелкой и незначительной. Восковая кукла с именем жертвы на ноге не оставляла сомнений: кто-то настолько ненавидел беззащитную Лучиллу, что желал ей смерти!

Причём мужчины, Панеций и Оттавий, оба чрезвычайно заинтересованные в девушке, бурно разговаривали с ней в то злополучное утро...

Погружённый в свои размышления, патриций вошёл в вестибюль, даже не удивившись, что никто не встречает его, но тут же заметил врача Иппаркия, который шёл ему навстречу с благодушной улыбкой и с разорительным, как всегда, счётом.

— Ты ещё здесь? — удивился недовольный Аврелий.

— Я только что осмотрел твоего вольноотпущенника, — сообщил лекарь. — Лечение — десять сестерциев, мазь — восемь сестерциев и один асс, бинты — два асса, успокоительный отвар — два сестерция.

— Боги небесные, разве ты не говорил мне, что Парису только кажется, будто он болен?

— Так оно и есть, господин, но пациент вовсе не он, а бедный Кастор — он оказался несколько потрёпанным после бурной ссоры с очень сердитым менялой...

Выходит, не всё прошло гладко с этим трюком — с фальшивыми монетами. К счастью, у Кастора дублёная шкура...

— Я осмотрел также и девочку в Субуре, как ты просил. Она очень истощена, но с хорошей кормилицей быстро поправится. Прописал ей отвар из трав, но для того, чтобы поить её, нужна бутылочка, поэтому я позволил себе приобрести новую, и очень красивую. Из отличной керамики и выполнена в виде птички: стоит немало, но известно ведь, когда отец готов заплатить... — подмигнул врачеватель с видом заговорщика.

— Однако её отец бедный старьевщик! — возразил Аврелий.

— Да-да, конечно, как угодно, — ответил Иппаркий, снова подмигнув, — я же только выставил счёт, да ты не беспокойся, я умею держать язык за зубами...

— Видишь ли, я... — хотел было возразить патриций. При всех бедах, что обрушились на него, не хватало ещё только, чтобы ему приписали отцовство Квартиллы! — А Манлий? Можно что-то сделать с его ногой? — спросил он, не собираясь переубеждать врачевателя.

— Нет, к сожалению. Он переболел болезнью Перинто, много веков назад её определил Гиппократ. Она вызывает различные параличи, в том числе и паралич гортани. Некоторые умирают, задохнувшись из-за того, что не могут глотать,

а те немногие, кто выживает, остаются калеками. Паралич сработал и здесь, теперь Манлию остаётся только как можно упорнее тренировать повреждённую ногу, — объяснил Иппаркий, покачав головой, и поспешил удалиться, прежде чем кто-нибудь поинтересуется вазой с инжиром, что выглядывала из складок его обширного шерстяного плаща.

— Кастор! — по привычке позвал Аврелий.

Но в ответ на призыв явился Парис и посмотрел на него с молчаливым упрёком.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы бедняга вскочил с постели и примчался к тебе после того, как смертельно пострадал, бесстрашно выполняя свой долг?

— А что, ему так плохо? — не поверил хозяин.

— Да он почти при смерти! — ответил Парис, едва ли не рыдая.

— Кастор! — снова позвал патриций, на этот раз виноватым тоном.

Он тихо вошёл в тесную комнатку, и сердце у него сжалось при виде слуги, недвижно распростёртого на груде подушек в окружении нескольких служанок, которые заботливо поправляли их.

На голове необычайно широкая повязка, скрывавшая ужасную рану на правом виске. Тело, претерпевшее столько страданий, было вымыто и покрыто мазями заботливыми девушками, которые теперь беспрестанно прикладывали к его потрескавшимся от жара губам влажную тряпочку.

— Кастор... — прошептал взволнованный Аврелий и, едва сдерживая слёзы, опустился на колени у изголовья уходящего из жизни слуги.

И в тот момент, когда он хотел приблизиться к умирающему другу, чтобы услышать его последние слова, вдруг краем глаза заметил, как рука Кастора ловко пробирается в вырез платья служанки.

Сенатор нахмурился, заподозрив неладное.

— Боги небесные, неужели не чувствуете? Да тут всё горит! Пожар! — заорал он во весь голос.

Девушек тотчас как ветром сдуло из комнаты, а умирающий с необычайной лёгкостью вспорхнул с постели.

— Чудо милостивых богов! Ты воскрес! — воскликнул Аврелий, уничтожая Кастора взглядом. — И теперь, когда божественный Гермес, покровитель всех мошенников, чудесным образом спас тебя, немедленно гони отсюда всех служанок и доложи, как было дело!

Александриец, ловкий плут, мгновенно понял, что это не тот случай, когда нужно настаивать.

— Это всё твои фальшивые деньги виноваты! Можно подумать, они могли кого-то обмануть! — пожаловался он, перестав ломать комедию. — Смотри, во что меня превратили, и всё из-за твоих дурацких приказов! Мой красивейший профиль навсегда изуродован, мой чувствительный эллинский дух унижен, а атлетическое тело ослабело от побоев!

— Но у тебя всего лишь небольшая царапина... — попытался свести на нет его жалобы

Аврелий, который всё-таки чувствовал себя виноватым. — Ну, давай выпьем вместе, и ты мне всё расскажешь.

— Теперь годы понадобятся, чтобы поправиться... — проворчал Кастор, но недовольный протест затих при виде виночерпия, который появился по знаку патриция с кратером⁵² сетинского, двумя кубками и медным половником. — Вот это я понимаю, половник что надо! — похвалил вольноотпущенник и, желая сразу же подтвердить высшую похвалу, зачерпнул им тёплое вино и влил его себе прямо в горло. — Итак, я заплатил за сохранность моих денег, как и было условлено, Николай — меняла Корвиния, вернул мне мой пакет, ни слова не говоря. И я понял: что-то идёт не так, уж очень плохо он смотрел на меня, словно изголодавшийся сич на задумавшуюся мышь... — И Кастор влил в себя ещё один половник. — В самом деле, забирая деньги, я заметил, что Николай сделал какой-то знак двум весьма несимпатичным типам, которые околачивались поблизости. — Половник напрасно искал вино в пустом кратере, и Аврелий сделал знак виночерпию срочно доставить другой, пока у Кастора не иссякло желание рассказывать. — Короче, я со всех ног пустился бежать. Бегу не останавливаясь, сворачиваю на рыночную площадь, а те двое за мной, словно собаки за зайцем, и так всю дорогу... — Кастор принялся опустошать второй кратер. — Нахожу какую-то дверь и быстро, словно хорёк, влетаю туда. Те пробегают мимо, не за-

⁵² Древнегреческий сосуд из металла или глины, реже — мрамора, для смешивания вина с водой.

метив, куда я делся, и я наконец, перевожу дух... Ой, а ты не хочешь ли выпить? — великодушно поинтересовался он, обнаружив вдруг, что у хозяина он пустой ...

— Ну, господин, ты не поверишь! В комнате, где я спрятался, оказалась необыкновенная красавица и к тому же в чем мать родила — совершенно голая! Она видит меня, пугается, орёт благим матом, я пытаюсь успокоить её...

Аврелий, не торопясь, отпил вина, щедро предложенного ему слугой, и всё спрашивал себя, когда же, наконец, наёмные убийцы догонят Кастора.

— Ну, она сразу понимает, с кем имеет дело, и перестаёт кричать. Мы, можно сказать, уже поняли друг друга, но тут появляется этот зверь, огромный как слон, да ещё с метлой в руках...

— Муж. Вот и объяснение синякам, — с усмешкой перебил Аврелий. — Зато мы теперь точно знаем, что меняла Корвиния имеет дурную привычку совать нос в чужие сбережения, оставленные на хранение. Что само по себе уже большое преступление. Закон чётко устанавливает, что банкир обязан не только возратить тебе деньги в любой момент и в любом месте, но должен вернуть те же самые монеты, которые ты доверил ему, а не просто такую же сумму.

— Это почему же? — удивился Кастор.

— Очень просто, — объяснил патриций, — если ты оставишь деньги в банке для того, чтобы пустить их в ход, и тогда речь идёт о незапечатанном пакете, то за использование этих денег банк должен заплатить тебе проценты. И совсем

другое дело, когда ты оставляешь деньги на хранение в запечатанном пакете, в таком случае уже ты обязан оплатить эту услугу. Нередко, однако, такие депозиты лежат нетронутыми многие месяцы, а иногда и годы...

— И несчастный банкир вынужден хранить эти сокровища в сейфе, а ведь мог бы использовать и получать доход... Спорю, что Корвиний не может смириться с такой глупостью и немедленно пускает в обращение все деньги, в том числе и те, что оставлены на хранение!

— Совершенно верно. И всё же, чтобы убедиться в этом, нам в следующий раз придётся использовать настоящие деньги.

— В следующий раз? Неужели ты думаешь, что я снова отправлюсь туда, патрон? Они же запомнили меня, и даже если переоденусь Зевсом Олимпийским с молнией в руке, то всё равно попадусь!

— Это верно, здесь нужен кто-то другой, — рассудил патриций. — Доверенный и честный человек, который сыграл бы роль подставного лица, не поддаваясь никаким искушениям...

— И который для пушей убедительности не знал бы ничего о твоей истинной цели... Беда лишь в том, что такой чистейшей жемчужины ты днём с огнём не найдёшь, — заключил Кастор.

— А вот и нет, он у нас рядом, под одной с нами крышей! — радостно объявил Аврелий.

И громко позвал Париса.

VII

НАКАНУНЕ НОЯБРЬСКИХ НОН

На другой день Парис, не имея никакого представления об истинной цели своей миссии, отправился в банк Николая с мешочком настоящих ауресов⁵³.

Для большей безопасности Аврелий велел своим нубийцам не выпускать его из виду, не сомневаясь, что любой налётчик отступит перед восемью крепкими, чёрными как смола носильщиками, только и ждущими повода пустить в ход кулаки.

Патриций, впрочем, никогда не жалел, что купил этих рабов. Восемь чернокожих атлетов, утверждавших, будто все они братья, пребывали в полнейшем отчаянии, когда он увидел их на невольничьем рынке в Александрии. Они входили в эскорт одного египетского священника, который впал в немилость у римского префекта, и, лишившись хозяина, должны были отправиться гребцами на галеры. Но только в том случае, если кто-нибудь срочно не выкупит их.

Аврелий не удержался. Высокие нубийцы с необыкновенно чёрной кожей вполне подходили для того, чтобы придать его паланкину такую необычайную изысканность, что римские матроны стали бы соревноваться за приглашение сесть в него...

⁵³ Aures (лат.) — золотая монета, 1 аурес = 25 денариям = 100 сестерциям = 200 дупондиям = 400 ассам.

Так и произошло. В последующие годы нубийцы служили ему не только носильщиками и украшением паланкина, но оказались ещё и весьма надёжной охраной. Вот почему патриций безо всяких опасений отправил своего управляющего в логово льва, совершенно уверенный, что тот будет хорошо защищён.

Не успел Парис выйти, как дверной молоток застучал так настойчиво, что разбудил даже привратника Фабеллия, который, как обычно, крепко спал в своей каморке у входа.

— Он жив? — вскричала девушка и хотела пробежать внутрь.

— Успокойся, Наннион, — задержал её Аврелий. — Кастор превосходно себя чувствует, а мне как раз нужно переговорить с тобой.

Девушка остановилась, вытаращив глаза. Она уже давно знала, что если хозяин сообщает рабыне, что ему нужно с ней поговорить, дело кончается либо постелью, либо поркой.

— Иди сюда, не съем же я тебя! — проговорил Аврелий, поймав её за тунику.

— Я ничего не знаю! — заявила девушка, нахмурившись и замкнувшись в упорном молчании, словно мраморная статуя.

— Кастор! — патриций призвал на помощь слугу, не в силах заставить её отвечать.

В присутствии вольноотпущенника Наннион немного успокоилась, но не перестала смотреть на Аврелия настороженно, словно пойманное животное.

— Прежде всего, скажи мне, не знаешь ли что-нибудь о ссоре Лучиллы с женихом

на рассвете в день свадьбы? — спросил патриций.

— Ссора? Нет, не думаю. Хозяйка обожала Оттавия, ловила каждое его слово, — ответила служанка. — Но всё же не могу поклясться, что ссоры не было. Я в это время готовила ванну.

— Может быть, Оттавий ревновал её к кому-нибудь? К Панецию, например?

Наннион рассмеялась.

— К этому смешному, расфуфыренному человечку, который всё время только и делает, что разглаживает складки своей туники? Нет, Лучиллу он, конечно, не интересовал.

Аврелий задумался. Может быть, старая Испулла плохо рассмотрела? Между её спальней и комнатой девушки лежит целый перистиль, а пожилые люди могут легко что-то перепутать, особенно спросонок. С другой стороны, нельзя слишком всерьёз принимать всё, что говорит эта дурочка Наннион...

— А вот это ты когда-нибудь видела? — снова заговорил патриций, показывая ей амулеты Лучиллы, все, кроме куклы.

— Что я могу об этом знать, я всего-навсего бедная простая неграмотная служанка, — увернулась от ответа упрямая девушка.

— Это верно, ты недорого стоишь. Теперь, когда в доме Арриания больше нет женщин, всех служанок непременно продадут, — солгал Аврелий.

— Я не хочу на невольничий рынок! — вскричала Наннион.

— Успокойся, похоже, нет нужды в рынке. Хозяин борделя в переулке Ольмо уже готов купить

тебя, — равнодушным тоном продолжал Аврелий, желая проверить, насколько искренна служанка. Он знал по опыту, что многие рабы часто притворялись глупее, чем были на самом деле, лишь бы избежать неприятностей, но с Наннион, он опасался, перед ним действительно безнадёжный случай.

Рабыня всё не решалась ответить.

— Будешь умницей, тебя купит он! — указав на хозяина, неосторожно пообещал Кастор, надеясь заставить её заговорить.

— И тогда я буду с тобой? — несказанно обрадовалась Наннион.

— Конечно, — поспешил заверить её Аврелий, а грек тотчас пожалел о своих словах. Одно дело встречаться с рабыней время от времени, и совсем другое — жить с ней в одном доме.

— Ну, в таком случае... — улыбнулась Наннион, подобрев, а Кастор схватился за голову.

— Так ты узнаёшь их? — спросил патриций, снова указывая на амулеты.

— Да, они принадлежали Лучилле. Вот этот она всё время носила на шее, — подтвердила служанка и достала из кучки обсидиановую подвеску.

«Маленький бесформенный уродец, карлик с хвостом какого-то животного, с плюмажем на голове... Интересно, что все это означает?» — задумался Аврелий.

— Это Бес, господин, — подсказал Кастор. — Плебеи в Александрии считают его могучим богом, который спасает от злых духов. Тут ещё есть пальцы Хоро, а это узел Изиды, которая

защищает кровь от ядов. На Востоке люди очень суеверны и носят на себе множество разных амулетов вроде этих.

— Странно, а я-то думал, что нильская долина уже давно населена греками...

— Нет, дело обстоит не так, господин, египтяне и не думали отказываться от своих богов. Они не только продолжают почитать чудовищ, похожих на зверей, но и очень успешно заселяют ими Рим.

— Если Лучилла носила амулеты против дурного глаза, значит, чего-то опасалась. Не знаешь, случайно, где она достала их? — безо всякой надежды спросил Аврелий служанку.

— Ну, конечно, знаю! — охотно ответила девушка, желая задобрить патриция. — В одной лавке, на окраине Города, рядом с какими-то храмами... Или это были портики?.. И небольшая сосновая рощица неподалёку...

Сенатор вздохнул. Храмов в Риме имелось сотни, и столько же портиков. Что касается сосен, то при желании квириты⁵⁴ могли бы засадить ими все свои колонии.

— Постарайся объяснить точнее, — попросил он.

— Там были большие ворота...

— В Риме множество ворот, и все вдоль городской стены! — рассердился Аврелий.

Но усилия что-то вспомнить быстро истощили жалкие ресурсы памяти Наннион, и она захныкала:

⁵⁴ Quiriti (лат.) — так называли римских граждан в официальных обращениях.

— Там ещё стулья были и лысый продавец. Хозяйка поговорила с ним, а потом мы увидели Лориду. Больше ничего не помню!

— Лориду, служанку Камиллы? — спросил сенатор.

— Да, я хотела поздороваться с ней, но Лучилла не позволила. Хотя они ведь были подружками...

— Скажи-ка, ты узнала бы это место, если бы снова оказалась там?

— Не знаю, я же бедная простая... — пролепетала Наннион, но Кастор прервал её, прежде чем она вновь затянула свою песню.

— Я слышу, вернулись нубийцы, — сказал патриций и энергично поднялся.

— Только что, господин, — подтвердил Кастор.

— Отлично. Послушай, девушка, ты когда-нибудь ездила в паланкине? — обратился Аврелий к служанке. Наннион вытаращила глаза. — Собирайся, прокатимся!

Тяжело дыша, носильщики миновали Целимонтанские ворота. Они уже обошли по кругу большую часть крепостной стены, окружающей город, но Наннион так и не узнала нужное место.

Развалившись на подушках из виссона⁵⁵, она вовсю забавлялась — открывала и закрывала

⁵⁵ Виссон — драгоценная тончайшая ткань, белая, реже золотистая, употреблявшаяся для одежды первосвященников, царей, фараонов, центурионов и патрициев, в неё заворачивали мумии фараонов. Неоднократно упоминается в исторических источниках, в Священном Писании.

занавески паланкина и всячески понукала носильщиков.

А Кастор, который следовал за паланкином пешком, отнюдь не развлекался. Его терзало подозрение, что рабыня просто тянет время, лишь бы продлить прогулку.

— Пить хочу! — прохрипел, наконец, вольноотпущенник и в бессилии свалился на брусчатку. Аврелию не оставалось ничего другого, как приказать нубийцам остановиться.

После того как все утолили жажду, компания задержалась и у термополиума. От первоначального воодушевления, с каким отправились на поиски, остались лишь смутные воспоминания.

— Наверное, нужно отказаться от этой затеи, — сказал патриций, которому идея показать Наннион все римские ворота уже не казалась такой блестящей.

— Зачем же? Попробуем ещё! — возразила служанка, которой вовсе не хотелось заканчивать прогулку. — Если увижу этот странный белый дом, уж точно найду дорогу.

Аврелий и Кастор переглянулись, не понимая.

— Большой дом без всяких окон, треугольный, с шестом на самом верху и двумя колоннами спереди, — объяснила Наннион.

— Да это же пирамида Цестия! — воскликнул сенатор, и кортеж двинулся дальше.

Когда и в самом деле показался мавзолей Гая Цестия, почитавшего Изиду, построенный в виде египетского захоронения, девушка взяла командование в свои руки и велела носильщикам направиться к Капенским воротам.

— Возвращаемся в центр, — заметил Аврелий. — Тут должна начинаться Аппиева дорога, а за воротами Капены несколько храмов и небольшая сосновая роща.

— Не могла, что ли, сразу объяснить нам эта дуручка, ведь столько времени заставила ездить впустую, — рассердился Кастор.

Между тем нубийцы, подкреплённые вином, бегом преодолели последний отрезок дороги и вскоре подошли к храмам, соснам и источнику со-святой водой.

— Это здесь! — захлопала в ладоши служанка, гордясь тем, что всё же привела кортеж к цели.

— Здесь — это где? — в один голос спросили Аврелий и Кастор.

Повсюду вокруг — на развилке Аппиевой и Латинской дорог и сразу за оградой священной рощи — стояло множество самых разных телег, которые путешественники, приезжавшие в Рим с юга, должны были оставлять на въезде в город.

В дневное время Рим оставался единой пешеходной зоной, куда не смел заезжать никакой гужевой транспорт, поэтому повозки, телеги, колесницы стояли где попало на соседних улицах.

— Лавка была вот здесь, под этим деревом, а торговец был в белой одежде... — вспоминала девушка.

На лужайке в тени дерева дремал какой-то старик.

Увидев, что на него показывают пальцем несколько нарядных людей, он поднялся и поспешил им навстречу.

— Хотите оставить ваш паланкин и прогуляться, благородные господа? Можете не беспокоиться, Македоний будет сторожить его днём и ночью!

— Мы ищем продавца-египтянина, возможно, это священник... — сказал Аврелий.

Старик сначала призадумался, а потом весело рассмеялся:

— Ах, так вы, наверное, говорите о Рустикии! Какой же он египтянин, он родом из Ферентума! Так или иначе, ничего не поделаешь: ни узлов Изиды, ни священных кобр у него больше нет. Теперь он продаёт этрусские фигурки, которые изготавливает его шурин в Остии.

«Никаких тебе заколдованных амулетов и волшебных талисманов. Одни безделушки!» — подумал Аврелий и опустил руку в сумку, желая поблагодарить старика.

Увидев, что в руке патриция заблестела не обычная половинка асса, а настоящий серебряный се-стерций, Македоний отважился предложить:

— А почему бы вам не нанять маленькие носилки, чтобы вернуться в центр? Это новшество я сам придумал. Приезжающие в город оставляют здесь свою повозку и дальше следуют на моём переносном троне. Он гораздо дешевле любых других носилок, — предложил старик и широким жестом указал на роскошное устройство, которое предлагал в распоряжение путешественников: стул, самый обыкновенный стул, к сиденью которого приделаны перекладины, чтобы его можно было поднять и понести.

Македоний свистнул и, прежде чем Аврелий успел ухмыльнуться, из соседней таверны выбежали два молодых человека.

— Аттий, Рабирий, быстро сюда! Есть работа.

— Не так уж плохо придумано, — оценил идею Кастор, усаживаясь на стул. — По крайней мере, мне не придётся тащиться через весь Рим пешком, пока ты, господин, вместе с Наннион со всеми удобствами вернёшься домой в паланкине...

— Минутку! — прервал его Аврелий и обратился к Македонию: — А не видел ли ты среди клиентов этого Рустика молодую темноволосую девушку в сопровождении вот этой рабыни? — и он указал на ленивую Наннион.

Македоний внимательно посмотрел на служанку.

— Может, ты имеешь в виду красивую госпожу, что была в зелёной тунике с богатой вышивкой? — спросил он.

— Да-да! — охотно подтвердила Наннион.

— Тогда помню, — продолжал Македоний. — Она искала какие-то старинные амулеты, и Рустикий посоветовал ей прийти через несколько дней, потому что речь шла о какой-то редкости, которую очень трудно достать. Понимаете, надо же было дать время шурину, чтобы он изготовил эту вещь как следует... И в самом деле, та девушка осталась очень довольна и, глазом не моргнув, выложила деньги.

— Ты хочешь сказать, что Лучилла приезжала сюда дважды? — спросил Аврелий.

— Да, но первый раз её сопровождала другая служанка: я хорошо запомнил, потому что она попросила меня найти ей место в телеге, которая уезжала из города. Обычно непросто найти такое место, но в этом случае возчики едва ли не поссорились, желая подвезти её, уж очень красивая была девушка, высокая, стройная, рыжеволосая...

— Точно, это Лорида! — воскликнула Наннион, и Аврелий понял, что долгие поиски оказались не напрасными.

Спустя какое-то время вся компания вернулась в дом Аврелия на Виминальском холме...

— Хозяин, это ещё не всё, ты только послушай! — сказал Кастор, поспешив к патрицию, как только соскочил с переносного стула Македония, чудесным образом оставшись целым и невредимым.

— Когда вы уехали, я задержался ненадолго, желая поболтать со стариком. Не скрою, эта затея с переносными стульями мне понравилась, и если бы я мог рассчитывать на хороший процент, то согласился бы финансировать её. Очень многие путешественники прибывают в Рим уставшими после долгой дороги, и следовать дальше по городу пешком у них уже нет сил, нет и денег, чтобы нанять носилки. И если собрать тридцать таких стульев и шестьдесят мужчин, то можно было бы организовать превосходное предприятие...

— Так чего же ты ждёшь? Денег у тебя сколько угодно! — воскликнул Аврелий, прекрасно

зная, что грек, многие годы получая чаевые и надувая кого-нибудь, скопил так много, что мог бы вступить в сословие всадников.

— Стоп-стоп! Никогда не следует торопиться с вложением денег. Я не хочу кончить так же, как этот Македоний! У него тоже имелись кое-какие сбережения, а сейчас... Два крепких парня, что принесли меня сюда на своих плечах, это его сыновья. До прошлого года они служили моряками, ходили под парусом по всему Леванту. Заработав кое-что, несколько месяцев назад парни решили вернуться в Рим и открыть вместе с отцом небольшое дело. Но денег оказалось недостаточно, они обратились в банк...

— Что ты говоришь! — воскликнул Аврелий.

— Увы, но это так. А поскольку люди они скромные, все двери перед ними оказались закрыты, и они попали в лапы банкира Корвиния. За кредит с баснословным процентом бедному старику пришлось отдать в виде залога свой дом и небольшой колумбарий, где похоронена жена.

— Могу себе представить, чем дело кончилось: по истечении срока Македоний не смог возратить полученные деньги, и ему пришлось попросить новую ссуду, чтобы покрыть проценты...

— Ну да, так он залез в долги по самые уши, потеряв дом, могилу и сбережения детей. Теперь все трое спят в носилках, которые им оставляют на сохранение, — заключил Кастор.

«Вот проклятый ростовщик! Знать бы только, как прищучить его!» — Аврелий на минутку

задумался о том, в какой мере его желание разоблачить Корвиния вызвано врождённым чувством справедливости, а в какой — мелочной надеждой увидеть, как гордая Камилла умоляет его о помощи.

Нужно поинтересоваться финансовым положением Арриания, решил он наконец, заглушив остатки совести. Надо узнать, кому принадлежат дом и школа. Кто-то говорил, будто Корвиний доставил неприятности своему собственному зятю, но тот не захотел обвинять его в этом...

Или, может быть, это Лучилла обнаружила какой-то непорядок в счетах отца. По словам Иренеи, девушка обладала исключительными математическими способностями и, наверное, в том, что касалось денег, была внимательнее отца...

— Хозяин, тебе послание! — хриплым голосом доложил в этот момент Парис. Глаза блестят, из носа капает, управляющий с трудом протиснулся в дверной проём из-за трёх шерстяных туник, надетых одна на другую, что делало его похожим на медведя, вылезшего из берлоги после зимней спячки.

С трудом шевелясь в своей многослойной одежде, управляющий вручил Аврелию письмо и запечатанный пакет.

Нервное нетерпение, с каким патриций сорвал восковую печать с пергамента, не укрылось от Кастора: ясно, что хозяин ожидает послание от Камиллы.

Разочарованный, Публий Аврелий протянул ему лист.

«Испулла Камиллина сенатору Публию Аврелию Стацию.

Из уважения, какое питаешь к моему почтенному возрасту, прошу тебя сохранить в надёжном месте этот пакет. Вале!»

— Одни люди, желая расположить к себе красивую женщину, начинают с того, что завоёвывают доверие её детей, а ты, похоже, решил начать с бабушки! — посмеялся над ним Кастор.

— Возможно, Испулла узнала что-то очень нехорошее об одном из членов своей семьи. Я убеждён, что у всех Аррианиев имеется какой-то секрет, — проворчал патриций, ощупывая пакет в надежде понять, не вскрывая, что в нём может быть. — Так или иначе, нужно отыскать Лориду, служанку Камиллы, и того ученика, о котором говорила Помпония. Смажь-ка колёса, Кастор, и постарайся узнать, чем дело кончилось.

— Как всегда, самая трудная работа достаётся мне. И всё лишь потому, что я слуга, а ты хозяин! Сразу видно, что римляне понятия не имеют о том, что такое демократия...

— Я уже знаю, что ты сейчас запоешь, — засмеялся Аврелий, предваряя рассуждения александрийца. — Когда-то очень давно, когда квириты ещё жили в хижинах, слепленных из навоза, вы, греки, уже возводили грандиозные храмы и придумали голосование. Жаль только, что ваша хваленая демократия касалась лишь небольшого меньшинства, ведь женщины, чужеземцы и рабы были из неё исключены...

— Всё лучше вашего «Сената и римского народа»⁵⁶, — сердито возразил Кастор. — Этот ваш «римский народ» вписали туда только ради некоторой уступки плебсу, а ваш Сенат — это всего лишь сборище дураков, готовых повиноваться малейшему знаку Цезаря!

— Рим, по крайней мере, не скупится, как греческие города, и готов предоставлять гражданство чужестранцам, когда те заслуживают его, — возразил патриций.

— А что же Панеций в таком случае, а Николай? А твой покорный слуга? — сердито повысил голос александриец: он был рождён рабом и, как бы ни разбогател, никогда — никогда! — не мог рассчитывать на получение римского гражданства. — Не то чтобы я так уж мечтал стать членом вашего варварского общества, проясним это раз и навсегда. Я — грек благородных кровей... — сразу же поспешил уточнить он, в то время как Аврелий с ухмылкой припомнил родословную преданного секретаря, оказавшегося плодом продажной любви проститутки и заезжего моряка.

— А кто тебе сказал, что Панеций и Николай не пользуются правами гражданства? — всё равно пожелал возразить патриций. — Будь они даже не простыми вольноотпущенниками,

⁵⁶ Латинская формула «*Senatus Populusque Romanus*», что означает «Сенат и римский народ», являлась символом державного сознания и помещалась на штандартах легионов, на монетах, памятниках, а также фронтонах общественных зданий. Аббревиатура SPQR до сих пор часто встречается в Риме.

а распутниками, детьми какого-нибудь человека, который сам продал себя в рабство, они могли бы записаться в какую-нибудь трибу⁵⁷. Это обстоятельство надо иметь в виду. Покопайся в архиве.

— Любой повод годится, чтобы заставить меня спустить семь потов! — рассердился Кастор, и Аврелию, чтобы задобрить слугу, пришлось пообещать ему прибавку к вознаграждению.

— И передай вот это послание Юнии Иренее. Хочу пригласить её на ужин, — добавил патриций. Ничего не ответив, Кастор удалился, посвистывая.

Свернув в вестибюль большого домуса, секретарь сенатора порадовался за себя — как ловко он привёл хозяина именно туда, куда хотел. На самом деле, чтобы получить сведения в архиве, нужно было всюду приплачивать, не говоря уже о том, что и времени на это требовалось немало. Поблизости от архива находилась отличная таверна, так что это поручение хозяина предоставит ему несколько дней приятных прогулок, чередуемых с долгими посиделками в таверне... И всё это за солидную награду!

Нет, решил вольноотпущенник, он никогда не поменяет хозяина. Кто ещё, кроме благороднейшего чудака Публия Аврелия Стация, может быть до такой степени господином, чтобы притворяться, будто позволяет обманывать себя подобным образом?

⁵⁷ *Tribus* (лат.) — триба, первоначально одно из трёх племен — латинян, сабинов, этрусков, — составивших древнеримскую общину.

VIII

НОЯБРЬСКИЕ НОНЫ

На другой день вечером Аврелий, нервничая, прохаживался по столовой и вносил последние дополнения в её убранство. Юния Иренея, знаменитый математик, привыкшая делить стол с властителями и императорами, приняла приглашение патриция, и ему, конечно, не хотелось ударить в грязь лицом.

До её прихода оставалось совсем немного времени, и Аврелий убедился, что всё приготовлено как надо.

— Боги небесные, а эти что тут делают? — воскликнул он, увидев нескольких музыкантов, настраивавших инструменты.

— Это я пригласил их, чтобы услаждать вашу беседу, — объяснил Кастор, который руководил подготовкой ужина.

— Да ты с ума сошёл! Иренея придёт побеседовать о философии, а ты притащил сюда музыкантов! Последи лучше, чтобы виночерпии пощеднее подливали вина!

— Как угодно, патрон, — ответил грек, пожав плечами, в то время как рабы объявили о прибытии гостей.

Сенатор поспешил встретить знаменитую учёную даму со всеми подобающими почестями, сразу же показав, что готов угодить ей во всём как нельзя лучше.

Некоторая неловкость, возникшая было поначалу, прошла, и ужин начался. Принявшись

за жареные луковицы, Публий Аврелий и Юния Иренея обнаружили, что бывали в одних и тех же городах, расправляясь со свиной вырезкой, поговорили как старые друзья о книгах, философии, искусстве и путешествиях, когда же добрались до булочек с кунжутом, патриций рискнул поинтересоваться:

— А что ты скажешь о Камилле?

Равнодушный тон Аврелия не обманул проницательную собеседницу. Она ответила:

— Эта девушка, наверное, так очаровала тебя, сенатор, что даже в моём обществе интересуешься ею...

— А может быть, Камилла интересуется тобой? — не без некоторой досады спросил Аврелий.

— Глупый римлянин! — рассмеялась Иренея, нисколько не обидевшись. — Вы, квиристы, кичитесь широтой своих взглядов, а на самом деле остаётесь «неисправимыми катонами»!

— Прошу прощения, с моей стороны это, конечно, непростительно, — смиренно согласился патриций.

— Более того, сенатор, — продолжала Иренея, — ты всё не так понял: моей любимицей была не Камилла, а её сестра Лучилла... Я часто замечала во время занятий, как внимательно она смотрит на меня, словно пытается что-то прочесть в моей душе, открыть какой-то сокровенный секрет. И очень скоро я поняла, что испытываю к ней странное влечение, чего никогда не случалось прежде. Я всеми силами пыталась скрыть его, но Лучилла всё равно догадалась

и воспользовалась этим, а ведь ей было тогда всего шестнадцать лет... Когда же она убедилась наконец, что я не только не добиваюсь её расположения, а, наоборот, стремлюсь избежать его, она набросилась на меня, словно зверь. Помнится, в то время как раз какой-то ученик обвинил в домогательствах её отца. Она могла сделать то же самое и со мной, угрожала мне. И тогда я бросила всё и вернулась в свой родной Коринф, потом принялась путешествовать: Эфес, Антиохия, Цезарея, Александрия... Лучилла была маленькой очаровательной змейкой, но вообще-то мне не на что жаловаться, со мной всё обошлось.

— А с другими нет? — спросил Аврелий, восхищаясь смелой откровенностью, с какой эта женщина признавалась в чувстве, которое многие расценили бы как недостойное. — Скажи, кого ты имеешь в виду, прошу тебя!

— Это всего лишь впечатление, я могу и ошибаться...

— Мне нужно знать это, Иренея.

— Думаю, что было что-то между нею и Панецием, — наконец, призналась она.

— А молодой Оттавий?

— Он появился в доме Арриания, когда ему исполнилось восемнадцать. Оттавий был хорош собой, воспитан и обладал всеми достоинствами, какие девушке хочется видеть в мужчине. Та же Камилла, такая сдержанная и скромная, была влюблена в него. И возможно, Лучилла, в попытке завлечь его тоже, оказалась жертвой своей собственной игры. Бывает, что тот, кто

считает себя очень сильным и хитрым, легко теряет голову.

— А ты, Юния, когда-нибудь теряешь голову? — спросил Аврелий, удивляясь, что эта женщина, отнюдь не красавица и уж совсем не молодая, так пленила его.

Учёная дама посмотрела на него проникновенным взглядом не без доли иронии.

— Ох, незачем соблазнять меня, Аврелий! Для меня время безумств уже давно прошло. Любовь утомляет и лишает сил, и теперь я иногда позволяю себе лёгкое увлечение, но предпочитаю нежный аромат жимолости и пьянящий запах жасмина. Нет, правда, сенатор, я слишком долго прожила и вряд ли могу безумно влюбиться, даже в такого мужчину, как ты... И если мы порой позволяем себе некоторое осторожное сумасшествие, — заключила она, улыбаясь, — то лишь потому, что знаем: мы ничем не рискуем. Я уверена, например, что завтрашний день для нас с тобой ничем не будет отличаться от любого другого, даже если проведём эту ночь в одной постели.

IX

ЗА ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО НОЯБРЬСКИХ ИД

Утром сенатор Публий Аврелий Стаций пришёл в библиотеку Азиния Поллиония, где, несмотря на ранний час, было уже много читателей. С тех пор как тариф за копирование текстов поднялся до одного сестерция за пять страниц, число постоянных посетителей публичных читальных залов возросло необыкновенно, потому что только люди, располагавшие деньгами, могли позволить себе роскошь покупать книги.

Аврелий был одним из них. Постоянный покупатель Сосиев, знаменитых переписчиков из переулка Туско, он приобретал у них очень много книг, хотя в последнее время всё чаще стал обращаться к Сатурннию на улице Агригентум.

Так или иначе, жадному до знаний, ему никогда их не хватало, и поэтому он часто появлялся в библиотеках, разыскивая доселе неизвестные произведения. Это была уже третья библиотека, где он побывал сегодня с утра, но сейчас его тщательные поиски касались не книг, а посетителей.

Патриций блуждал между шкафами, заполненными пергаментными свитками, и украдкой посматривал на людей, склонившихся над развёрнутыми на больших деревянных столах папирусными рулонами.

Обеспокоенный смотритель библиотеки неустанно следовал за ним, ни на минуту не упуская из виду. Не раз уже случалось, что после визита

такого вот хлыща исчезал какой-нибудь драгоценный манускрипт.

Устав наблюдать за патрицием, недоверчивый библиотекарь решил, наконец, вмешаться и подошёл к нему.

— Ты уже довольно давно ходишь тут взад и вперёд. Можно узнать, что ищешь? — не слишком учтиво обратился он к нему.

— Мне нужно... — неуверенно заговорил Аврелий, отыскивая в памяти какое-нибудь подходящее название. — «Оды» Баккилида⁵⁸, — воскликнул он, наконец, не сомневаясь, что во всём Риме их найдётся не более десяти экземпляров.

Служитель с подозрением посмотрел на него и, прежде чем удалиться, знаком велел своему помощнику заменить его и наблюдать за подозрительным посетителем.

Патриций ускорил свои поиски, которые затруднялись тем, что большинство читателей сидело к нему спиной, и чтобы взглянуть им в лицо, нужно было бы подняться на деревянный балкон, где стоял на страже помощник цербера, который точно не пустит его туда.

Со своего места в конце зала Аврелий видел только колпаки, капюшоны и бритые затылки, которые мало о чём говорили, к тому же злой и чересчур сведущий библиотекарь уже возвратился, держа в руках один из редчайших экземпляров Баккилида.

Патриций притворился, будто споткнулся, и в неловкой попытке удержать равновесие

⁵⁸ Баккилид — греческий лирический поэт V века до н. э..

опёрся на ближайший свиток, задев кучу других, лежавших на столе.

— Осторожно, этот папирус Теофраста очень хрупкий! — вскричал цербер, устремляясь к нему, но рулоны уже рассыпались, причём с таким шумом, что примерно тридцать читательских голов сразу же повернулись в одну сторону.

— Извините... — пробормотал сенатор с испуганным видом и в тайне радуясь, что человек, которого он искал, оказался во втором ряду.

— Спорю, что ты сделал это нарочно! — с презрением прорычал служитель, размахивая рулоном. — И после этого я должен доверить такому неуклюжему типу, как ты, редчайшее издание Баккилида?

— Спасибо, но мне он больше не нужен, — смиренно произнёс патриций, спешно направляясь к тому столу, за которым увидел Панеция.

— Такой деревенщине здесь вообще делать нечего, даже входить сюда незачем! — возмутился взбешённый цербер, пока двое читателей покидали читальный зал.

— Какая удача встретить тебя тут! — воскликнул Аврелий, опускаясь рядом с учителем грамматики на мраморную скамью в вестибюле.

— Удача? — переспросил эфесянин и улыбнулся, давая понять, что нисколько не верит в случайность этой встречи.

— Я думал ты в школе, — солгал сенатор.

— Теперь я редко там бываю, — ответил Панеций. — Отныне кто-то другой будет руководить ею, и мне лучше не вмешиваться.

— Оттавий слишком молод, чтобы самому со всем справиться. Твой опыт, конечно, был бы ему полезен.

— У нас слишком разные взгляды на обучение. Я начинаю думать, что, пожалуй, он прав, утверждая, будто я застрял в прошлом и не годюсь для новой школы. Нынешние учителя — нередко случайные люди, которые обязаны своему положению только щедрости некоторых политиков. А учеников, в свою очередь, похоже, только и заботит, что модная капса и красивое стило... Школа нынче уже готова принимать людей, которые не умеют отличить альфу от теты⁵⁹. Как бы то ни было, теперь уже не приходится ничему удивляться. Да и можно ли говорить о серьёзном обучении, если никто не выделяет действительно способных учеников?

— Понимаю твою растерянность, Панеций. И всё же спрос на образование сегодня велик как никогда. Столько людей уже научились читать и писать: слуги, рабы, простые горожане, ремесленники и даже проститутки!

— Однако уровень их познаний крайне низок. И только те, у кого есть деньги, чтобы оплатить частных педагогов, могут подняться до определённых высот. И потому продолжает существовать неравенство, не то неравенство, которое определяется заслугами, а то, которое зависит только от денег. Прежде, если ты в чём-то преуспевал,

⁵⁹ Альфа и тета — буквы греческого алфавита.

то мог добиться уважения, даже не имея особых средств...

— Но даже тогда это же удавалось очень многим! — возразил патриций.

— Когда я приехал из Эфеса, — продолжал Панеций, — я был ревнителем образования и горел святым желанием передать другим свои знания. Я отдал душу и тело школе Арриания, годами жертвовал собой, ставил работу превыше всего, даже собственного достоинства, чего бы оно ни стоило. И теперь я остался у разбитого корыта.

Сенатор слушал Панеция, стараясь понять его, и всё же про себя полагал, что подход эфесянина слишком узок. Римом больше не управляла небольшая горстка образованных аристократов, теперь власть принадлежала Цезарю, для которого все граждане были равны. А все, кто относился к классу всадников — торговцы, банкиры, предприниматели, — сейчас имели такое же влияние, что и аристократы из сенаторского сословия.

Закончились времена, когда героические примеры Муция Сцеволы и Горация Коклита воодушевляли воинов настолько, что те заставляли врага отступать. А чтобы вооружать их и содержать легионы, нужны были деньги, деньги и ещё раз деньги, и тогда стали появляться новые классы, которые умели их зарабатывать...

И можно ли в таком случае рассчитывать, что культура останется привилегией узкого круга? Конечно, строгому учителю было нелегко

уступить место новым, энергичным людям, которые смело приобретали должности и почести за звонкие сестерции... и уж совсем трудно было принять то, что его отталкивают ради Оттавия, который, по его мнению, был низкого происхождения и намного моложе него!

— Я потратил жизнь на какие-то фантомы и призраки, — произнёс вольноотпущенник, о чём-то задумавшись. — Я перестал жить настоящей жизнью, а воспринимал её только через книги. Я видел окружающий меня мир только через литературу, и страсти представлялись мне далёкими, подобно тому, как в зимнюю бурю радуешься дома теплу у горячей жаровни. Я не замечал волнений, я лишь читал о них...

Патриций кивнул: ему знакома эта тонкая отрава пергаментных свитков, опасное искушение, которому он и сам порой поддавался, когда создавал свою жизнь по образу, подсказанному литературой.

— Потом я обнаружил, что книг недостаточно, — продолжал Панецкий, — но к тому времени я уже утратил почти всё, даже способность презирать. Теперь чувствую себя неудачником и спрашиваю себя, а какой смысл во всей этой моей учёности...

— Неудачником? Я не сказал бы: ты образованный, уважаемый, состоятельный человек...

— Я завидую беднякам, безграмотным, всем, кто умеет сам радоваться и страдать, а не читать о том, как это делают другие! Мне хотелось бы ощущать такую же веру, как те простые женщины, что обнимают камень Великой Матери: сама

по себе наша философия не способна дать нам никаких ответов!

— Культ богов — это всего лишь лекарство для утешения невежественного плебса, — с грустью заметил Аврелий. — А свободные люди должны быть самодостаточными и не бояться ни людей, ни богов, ни случая, ни смерти.

Панеций рассмеялся. Это был резкий смех, едва ли не мучительный.

— А, твой Эпикур! Он учит абстрагироваться от всего, воспринимать страдание как радость и освобождаться от ложных потребностей... Но что делаешь ты, сенатор, когда обнаруживаешь, что эти потребности настоящие и все здравые размышления мудрецов не смогли удовлетворить их? — с пылом воскликнул вольноотпущенник. — Я думал, что добился чего хотел, склонившись перед сильными мира сего; не обращал внимания на унижения, заглушал гордость и тешил себя мыслью, будто я выше... И всё лишь для того, чтобы обнаружить, что меня использовали как временного стража чужого имущества и готовы вышвырнуть прочь, когда я больше не нужен!

Аврелий в растерянности слушал этот горький крик души. Кто знает, может, и он завтра окажется в таком же положении, оставшись только со своими друзьями, женщинами и рабами. Кто знает, хватит ли ему наставлений Эпикура в тот день, когда возраст и болезнь лишат его улыбок дам и уважения мужчин.

«И всё же, — решил он, — самоуничижение Панеция слишком выстрадано, чтобы причиной

тому стало только разочарование в работе. За ним должно стоять что-то большее. Может быть, если умело спровоцировать его, вольноотпущенник проговорится о чём-нибудь...»

— Какие глубокие размышления, Панецкий, и всё лишь оттого, что девушка предпочла тебе другого! — сказал он, притворяясь, будто насмехается над ним.

И действительно, эфесянин взорвался, позеленев от злости.

— О какой девушке ты говоришь?

— А разве это не Лучилла? Видно же, что ты переживаешь из-за неё, и не могу сказать, что ты неправ. Конечно, очень странно, что она умерла как раз перед свадьбой, и не с кем-нибудь, а с твоим непосредственным соперником, тем самым, который лишил тебя благоволения Арриания и работы, которую ты так любил...

— Что за чушь ты несёшь? Что ты знаешь о Лучилле? Ты ведь даже не был знаком с нею!

— Я видел её только однажды, и этого было достаточно, чтобы отметить, как она была прекрасна, скромна, приветлива. Такую женщину каждый хотел бы видеть рядом с собой.

— В таком случае я скажу тебе, что ты ничего не понял в ней! — вскипел вольноотпущенник. — Нежная и приветливая... Такой она казалась всем, но никто же не знает...

— Ты любил её и не мог пережить, что Оттавий увёл её у тебя.

— Нет, я ненавидел её! — с волнением воскликнул Панецкий. Потом схватился за голову и продолжал почти шёпотом: — Наверное,

и любил тоже, когда-то очень давно, но она сумела отравить всю мою жизнь — и дни, и ночи.

«Сдаётся! — подумал Аврелий. — Теперь надо заставить его говорить и говорить...»

— Вы были любовниками? — спросил он.

Вольноотпущенник колебался, прежде чем ответить, видимо, разрывался между желанием признаться в своём горе и недоверием, какое вызывал у него этот слишком самоуверенный человек.

— Это щекотливый вопрос, — сказал он, наконец, — тут могут быть разные ответы. Лучила была девственницей, и ни один римский суд не мог бы обвинить меня в том, что я соблазнил её...

— И всё же? — подтолкнул его патриций.

Панеций закусил губу. Это не выглядело смущением, скорее какой-то застарелой болью, к которой он уже давно привык.

— К чему теперь говорить о ней? Её больше нет.

— И всё же? — настаивал Аврелий.

— Я видел, как она росла и как внезапно расцвела. Она была очень красива и даже больше: она излучала какую-то необыкновенную притягательность, подобно тому чёрному камню, который притягивает железо... Ей было всего шестнадцать лет, и тогда мы часто ходили с ней в храм Богини. Там всегда было много народу, и иногда толпа прижимала её ко мне. Я стоял недвижно и молча, возбуждённый от этого прикосновения, которое, как мне думалось, было случайным. Однако ночью я фантазировал,

представляя её юное тело, стыдясь, словно вор, что думаю о девочке, такой юной и чистой... Постепенно, однако, я понял, что она не только превосходно осознаёт, что я при этом чувствую, но и специально ищет случая возбудить, смутить меня в присутствии других и даже своего отца... Это стало началом долгих мучений: Лучилла повсюду искала меня, приходила тайком в мою комнату. Я боялся, за неё и за себя самого. Вскоре я превратился в инструмент её удовольствия, её капризов, она обращалась со мной как с рабом, или хуже — как с маленьким зверьком, из тех, что составляют компанию, когда скучно, которых так забавно дрессировать и смеяться потом над их неловкостью...

— Мне не кажется, что ситуация складывалась столь драматично, — сенатор постарался немного успокоить Панеция, скрывая улыбку при мысли о том, сколько его знакомых, менее впечатлительных и щепетильных, чем этот славный вольноотпущенник, отдали бы что угодно, лишь бы оказаться на его месте.

— Это продолжалось целый год, вплоть до её официального обручения, и за это время она так и не отдалась мне.

Распутная, чарующая девственница, застенчивая девочка со скромно опущенными глазами, Цирцея под маской целомудренной Лукреции — кто бы мог подумать?

— Это она прервала ваши отношения? — уточнил Аврелий.

— Да, — подтвердил Панеций. — Она заставила меня вести себя так, словно ничего

и не было. Пригрозила обвинить в изнасиловании, если стану возражать: она римская девственница, я — простой греческий вольноотпущенник.

— И ты повиновался?

— Как всегда, тем более что мне всё равно ничего другого не оставалось. Лучилла была влюблена в этого мальчишку Оттавия и во что бы то ни стало хотела выйти за него замуж. Я попытался предостеречь её, но напрасно. С другой стороны, она прекрасно знала, с кем имеет дело.

— Ты ведь разговаривал с Лучиллой в то утро, когда она умерла, верно? — спросил Аврелий, вспоминая слова Испуллы. Старуха, стало быть, не ошиблась. — Думаю, красавец Оттавий не вызывал у тебя особой симпатии?

— Я, конечно, не люблю его, если это тебя интересует, — ответил эфесянин. — Но я всё же никогда не позволил бы себе презирать его, потому что, в сущности, он был зеркалом, в котором я видел своё отражение. Оттавий тоже готов продаться за несколько пергаментных свитков, думая, будто жизнь заключена в них, в этих старых шуршащих страницах, а не в наших сердцах и наших чреслах.

— Кто знает, возможно, он ревновал к тебе, — не очень уверенно заметил Аврелий.

— А теперь забудь всё, что я сказал тебе, сенатор, и оставь Лучиллу в покое, — потребовал Панеций и неожиданно поднялся.

Патриций хотел было удержать его, но эфесянин вырвал свою руку и ушёл, не оборачиваясь.

Х

ЗА СЕМЬ ДНЕЙ ДО НОЯБРЬСКИХ ИД

Кастор молнией влетел в таблинум и злобно поинтересовался:

— Парис говорит, будто ты подарил этой кривляке гречанке с головой, набитой цифрами, лазуритовое ожерелье халдейской царицы?

— Да, конечно, — как ни в чём не бывало ответил хозяин.

— Но это же была одна из самых ценных вещей в нашей коллекции произведений искусства! — возмутился вольноотпущенник.

— Юния сказала, что ей нравится это ожерелье, — объяснил Аврелий, удивившись, что нужно объяснять такой простой знак внимания.

Грек развёл руками, не веря:

— Никак не пойму, почему вы, римляне, считаете, что непременно нужно расплачиваться с женщинами!

— Это вопрос репутации, Кастор. В Риме говорят, что хорошее мнение людей дороже денег⁶⁰.

— Ах вот, значит, почему каждый состоятельный римлянин призван строить храмы и библиотеки, устраивать зрелища и разорять себя благотворительностью в надежде, что его имя

⁶⁰ Одно из изречений Публия Сира — римского мима, жившего в I веке до нашей эры. Он приехал в Рим рабом, затем стал свободным поэтом, ездил по городам древней Италии со своими нравоучительными поговорками, сентенциями и суждениями о жизни, радости и счастье.

будет упомянуто на какой-нибудь глупой памятной доске!

— Или в тайных воспоминаниях какой-нибудь прекрасной дамы...

— И ты называешь это тайной? — простонал Парис, вошедший в этот момент. — Весь Рим уже видел Иренею с твоим ожерельем на шее, а клиенты сегодня утром потребовали двойную спортулу. Если сенатор Стаций может позволить себе дарить такие дорогие драгоценности, считают они, то не покусится и на лишний кувшин вина.

— Ладно, Парис, в таком случае моя репутация взлетит к звёздам. Или ты предпочёл бы, чтобы я прославился как жмот? — пошутил Аврелий.

— Смейшься, смейшься, а следить за счетами приходится мне! — с негодованием возразил бережливый управляющий, в ответ на это патриций лишь досадливо отмахнулся, заставив его умолкнуть. Сам Аврелий никогда не следил за доходами, сколько бы ни транжирил денег и как бы ни истощал огромные поступления от меняльных лавок, флота и обширных земельных владений, унаследованных от нескольких поколений не слишком плодovitых предков.

Не обращая внимания на нравоучения Париса, Аврелий принялся пересказывать Кастору свой разговор с Панецием.

— А ты уверен, господин, что эфесянин был трезв? В последнее время его часто видят в тавернах, и всегда одного. Это плохой знак: вино, как и прочие радости жизни, всегда следует

с кем-то делить, — заключил грек и, желая придать убедительности своей теории, не стесняясь, отпил из хозяйского кувшина.

— Почему ты считаешь, что такое говорят только спьяну, Кастор? Мне, напротив, кажется, что он переживает какой-то глубокий кризис. Нередко бывает, что, перешагнув годы, человек начинает подводить итоги прожитой жизни. Ты никогда не задумывался о своём прошлом?

— Нет, господин. Оглядываясь назад, всегда рискуешь споткнуться. Так или иначе, Панецию не на что особенно сетовать. Ему совсем неплохо живётся в качестве вольноотпущенника фригийского купца.

— Ну, хорошо, ты побывал в архиве... И что ты там узнал?

— Любопытную вещь. Николай, в отличие от нашего эфесянина, родился свободным гражданином. Он был чистокровным римлянином, из клана Элия, прежде чем продался Корвинию в обмен на работу и покровительство.

Патриций кивнул. Не все смотрели на вещи так же, как он. Подобно своим далёким предкам, Аврелий скорее покончил бы с собой, чем продался в рабство.

За последнее время римское общество так изменилось, что стало допускать освобождение от рабства тысяч и тысяч людей, понадобился даже специальный закон, чтобы это не происходило слишком уж часто. И в этом же самом обществе многие свободные граждане, напротив, готовы были добровольно продаться в рабство. Как же тут не удивляться! С другой стороны, ведь

многие слуги жили лучше простого, хоть и свободного плебса?

Горькие размышления сенатора вдруг прервали крики, доносящиеся из вестибюля, и шум бурной драки.

— А я тебе говорю, сюда нельзя! — кричал Парис, пытаясь остановить огромного, тучного человека, настроенного явно агрессивно. Борьба была неравной, и незваному гостю хватило нескольких мгновений, чтобы избавиться от хилого управляющего крепким ударом по его подагрической ноге.

Парис со стоном обмяк, и человек устремился в таблинум, в то время как Кастор поспешил скрыться, успев прокричать:

— Прогони его!

Патриций и не подумал как-то действовать. Он стоял совершенно спокойно, не двинувшись с места, и даже пальцем не шевельнул, когда огромная рука разъярённого великана потянулась к его горлу. Он уверенно посмотрел на этого ненормального человека и ледяным тоном произнёс:

— Я — Публий Аврелий Стаций, римский сенатор. Как смеешь ты являться ко мне таким образом? Моя особа священна!

— Ты говоришь так, потому что носишь тогу с пурпурной полосой? Ладно, но точно такая же полоса есть и у моего сына, и я предупреждаю, что он куда священнее тебя! — заявил великан, нисколько не испугавшись. — И я пришёл, чтобы забрать его, а если только узнаю, что будет ходить сюда, ты у меня крепко пожалеешь!

— А, так ты, значит, отец Манлия? — произнёс Аврелий, успокоившись.

— Вот именно! Я — Манлий Торквато, римский гражданин, рождённый свободным. Поэтому, хоть я и старьёвщик и хожу в рваной тунике, стою столько же, сколько ты, сенатор! — с гордостью воскликнул человек, встав перед патрицием и уперев руки в бока.

Аврелий с интересом посмотрел на него и почувствовал, как улетучивается гнев из-за этого столь недопустимого вторжения. Чувство собственного достоинства этого оборванца вызывало у него уважение: такими, наверное, были простые крестьяне, когда, увлечённые нравами эллинов, с хлебом и сыром в перемётной суме покинули несколько столетий назад свои жалкие поля, чтобы завоевать мир.

— Мальчик занимается в библиотеке. Садись, давай выпьем и поговорим о его будущем; — вежливо предложил патриций старьёвщику.

Манлий Торквато нахмурился: высокий магистрат приглашает сесть в своём присутствии... Тут что-то не так...

— Э нет, не успокаивай меня! Знаю я вас, господ, и все ваши разговоры. Мой сын не раб, с которым можно делать что угодно! Мне и так не нравится, что он ходит в эту школу...

Аврелий посмотрел на сердитого великана и вспомнил недобрые слухи, которые ходили об учителях Арриания. Вполне понятно, что такой цельный человек как, Торквато, хочет понять, почему его сын постоянно бывает в доме патриция...

— Послушай, римский гражданин! — решительно обратился к нему Аврелий. — Выбрось из своей головы мысль о том, будто мне что-то-нужно от твоего сына. Спроси кого хочешь, и все подтвердят тебе, что я не собираюсь заниматься с ним греческой любовью. Но Манлий — мальчик умный и был мне полезен, поэтому я разрешил ему пользоваться моими книгами.

Торквато с подозрением смотрел на сенатора, не зная, можно ли ему верить. Всё в этом доме говорило об удобной и роскошной жизни, а ведь известно, что роскошь и сладострастие всегда живут под одной крышей.

— Отец! — прозвучал в этот момент голос маленького Манлия, которого предусмотрительный Кастор предупредил, что пришёл его отец.

— Уходим, быстро! — проговорил Торквато сквозь зубы, не смея поднять глаза на хозяина дома, который спокойно, едва ли не торжественным жестом пригласил его присесть рядом с собой. Плебей заколебался: а вдруг он сильно ошибся в этом человеке?

— Подожди минутку, прошу тебя, папа! Хочу дочитать последний отрывок! — взмолился мальчик.

— Ты сделал большие успехи в последнее время, Манлий. Закончи это упражнение по греческому языку. Твой отец подождёт со мной, — отпустил его Аврелий таким властным тоном, что старьёвщик не посмел возразить.

— Наверное, я поторопился с суждением... — в смущении проговорил он.

«Он сошёл с ума, так нападая на важного человека, который при желании может заставить его дорого заплатить за это», — подумал Аврелий, но тем не менее поинтересовался:

— Что ты имел в виду, когда говорил о школе?

— Ну, как обычно, ходят слухи, будто часть учеников пользуется особыми привилегиями. Мне неприятно говорить это, но есть родители, готовые на всё закрыть один глаз, а то и оба, лишь бы обеспечить будущее детей.

— Наверное, речь идёт о необоснованных сплетнях. Они существуют в каждой школе с тех пор, как в Рим прибыли первые афинские учителя. Город всегда опасался, что влияние Эллады испортит его строгие нравы.

— Может быть, но на Арриания однажды уже доносили, и тогда речь шла не о пустой болтовне, я хорошо помню тот случай — настоящий позор! У мальчика были компрометирующие письма, которые ритор писал ему, и уверяю тебя, этого было вполне достаточно для суда. Но естественно, когда бедняк обращается в суд против видного человека, способного к тому же оплатить лучших адвокатов, выиграть дело невозможно. И Элия обвинили в том, что он дал ложные показания. Его семье пришлось уехать из Рима и вернуться в Нуману!⁶¹

— Как, ты сказал, звали того ученика? — насторожился патриций.

⁶¹ Нумана — курортный городок на адриатическом побережье, бывшая греческая колония, основанная в VII веке до н. э.

— Элий... А дальше не помню. Это было почти десять лет назад.

«Элий! — в волнении подумал патриций. — Ученик Арриания тоже принадлежал клану Корвиния и Николая...»

— Но если не доверяешь школе, почему не заберёшь Манлия оттуда? — спросил он в растерянности.

Торквато опустил глаза и уставился на свои ноги, выпачканные в грязи.

— Какая разница, все они одинаковы, а в школу ходить нужно. Он ведь не сможет работать, как я, со своей больной ногой. Моя бедная покойная жена подарила мне пятерых детей, но случилась эпидемия, и теперь у меня остались только Манлий и Квартилла.

— О девочке не беспокойся, она не больна, — вырвалось у Аврелия, и прежде, чем Торквато успел спросить, откуда он это знает, разговор прервал Парис, войдя без разрешения, что смел делать только в исключительном случае.

— Господин, тут... — произнёс управляющий, но сразу же умолк при виде обидчика, который заставил его хромать, а теперь мирно сидел рядом с хозяином. Он отступил и укрылся за стеной на надёжном расстоянии от этого великана.

— Раб Арриания спрашивает тебя, — нерешительно произнёс Парис. — Похоже, произошло что-то ужасное...

Патриций тотчас устремился в атриум. Следовательно, ритор был прав, опасаясь за свою жизнь. Видимо, на этот раз покушение достигло своей цели!

— Что случилось с твоим хозяином? — спросил Аврелий плачущего слугу.

— С Аррианием всё в порядке, благородный сенатор, но его мать... Испуллу Камиллину нашли мёртвой в её комнате!

Аврелий вошёл в таблиум и некоторое время молча смотрел на неузнаваемого Арриания, закрывшего лицо руками, без стеснения всхлипывавшего, небритого, с воспалёнными глазами, в траурной тоге из тёмной, грубой шерсти. В этом убитом горем человеке ничего не осталось от того ратора, который обычно выражал свои чувства, с холодным высокомерием цитируя разные умные пословицы и поговорки.

— Она ушла, Аврелий. Она никогда не уважала меня, и теперь уже ничего не исправишь.

Патриций нисколько не удивился отчаянию ратора. Все великие люди Рима, даже самые циничные, трепетали перед своими августейшими родительницами и опасались их осуждения. Кориолан⁶² отказался от намерения предать Рим только из-за возможного презрения своей матери Ветурнии; император Тиберий, будучи уже пожилым, не решался открыто противостоять

⁶² Кориолан — легендарный герой первых лет Римской республики, отличался силой и отвагой, пренебрегал наслаждениями и богатством, его жизненной целью, единственным желанием было превзойти всех своими заслугами перед родиной. В то же время Кориолан воплощал собой всю аристократическую надменность и спесь — и это в конечном счёте превратило все его похвальные качества в прямую их противоположность.

Ливии; даже дерзкий и непочтительный Юлий Цезарь, готовый смеяться над людьми и богами, питал уважение к строгой Аврелии.

— Мужайся! — призвал патриций ритор. — Это должно было произойти, к сожалению...

— Но в этом же я виноват, как ты не понимаешь? — воскликнул потрясённый Аррианий. — Сначала Лучилла, теперь она!

— Слуги уверяют, что Испулла ушла спокойно, во сне, — заметил патриций.

— А если им это лишь показалось? — не очень уверенно возразил ритор.

— Позволь моему врачу осмотреть тело, если хочешь быть уверен. Это знаменитый Иппаркий Цезарий, и уверяю тебя, он своё дело знает.

— Хорошо, боюсь только, что он подтвердит мои подозрения: мать умерла не своей смертью.

— Почему ты так думаешь? Ведь Испулла была очень стара.

— Мы с ней обычно проводили вечером некоторое время вместе. Ей нравилось беседовать со мной, хотя мне порой с трудом удавалось разобрать, что она говорит. К концу жизни у людей накапливается столько воспоминаний, что иногда человек утрачивает ощущение времени. И старики нередко говорят о событиях, случившихся многие годы назад, так, будто они произошли накануне, и потому их трудно бывает понять. Вчера, например, моя мать упомянула о серёжках с полулуниями, которые мы подавали Камилле на свадьбу, но из-за помутнения

рассудка говорила почему-то о свадьбе Лучиллы, забыв, видимо, что она умерла...

Странно, подумал Аврелий, у Испуллы было необыкновенно ясное сознание, когда он разговаривал с ней несколько дней назад...

— Она и тебя упомянула, — продолжал Аррианий, — только я не понял, в связи с чем. Уже засыпала и бормотала что-то о какой-то родинке или шраме, не помню точно... А потом сразу уснула, чтобы больше не проснуться.

— Она принимала какое-то снотворное, может, пила какой-нибудь успокоительный отвар? — с подозрением спросил патриций.

— Нет, сенатор, разве что глотнула вина из моего же кувшина.

— Тогда откуда столько сомнений?

— Сегодня утром я вошёл в её комнату, чтобы положить, как принято, в рот покойницы монету для Харона. И когда смотрел на неё, такую маленькую, усохшую в своей постели, всё повторял себе, что она умерла без страданий. В её кровати я нашёл вот это... — Аррианий разжал ладонь, и на ней оказался крохотный, грубо обработанный тёмный камушек миндалевидной формы с тремя округлыми выступами — два наверху и ниже один более крупный.

— Узнаёшь? — спросил ритор дрожащим от страха голосом.

— Нет, — солгал Аврелий, сразу же вспомнив уродливую статуэтку — примитивное изображение беременной женской фигуры. Едва обозначенная голова была незаметна, она

словно утопала в огромном животе. Возле этого плодородного чрева жизни, которому незачем ни думать, ни размышлять, чтобы выполнить своё главное предназначение, всё остальное — политика, искусство, философия, война и тысяча других занятий, которым с усердием предаются люди, её облик — казалось излишним. Без Великой Матери, которая рождает детей и заставляет плодоносить землю, погасла бы даже молния мужчины Зевса и ничему не помогла бы бесплодная мудрость девственницы Афины.

— Видишь? Ещё один восточный талисман! Фригийские и халдейские маги вершат жуткое колдовство с помощью этих фетишей, — сказал Аррианий.

— Может быть, но я сильно сомневаюсь, если их покупают у Рустикия у въезда в город, где останавливаются повозки, — скептически заметил Аврелий и подробно рассказал о результатах своего короткого расследования у пирамиды Цестия.

Ритор, казалось, растерялся.

— Но в таком случае... — смущённо пробормотал он.

— В таком случае, если кто-то убил твою родительницу, то сделал это, конечно же, не с помощью колдовства. Я не готов верить, что Испулла умерла из-за подобного ухищрения. Так или иначе, я лучше подожду, что скажет врачеватель, прежде чем стану делать какие-либо выводы. Объясни-ка мне лучше, почему ты так убеждён, что сам являешься целью покушений?

— Когда мы говорили с тобой прошлый раз, я не всё открыл тебе, — признался Аррианий, и Аврелий приготовился заново выслушать печальную историю событий. — Я солгал, заверив тебя, будто сжёг письмо, которое получил после смерти дочери... Оно цело, вот смотри! — сказал он, протягивая свёрнутый рулончиком листок пергамента.

«Я мёртва, твоя дочь мертва, умрёшь и ты... ЭЛИЙ», — говорилось в коротком послании.

— А вот это я нашёл сегодня утром под дверью...

«Сначала дочь, теперь мать. Когда наступит черёд Арриания? ЭЛИЙ».

Патриций очень внимательно осмотрел оба листа. Заметно было, что папирусы клали на восковую дощечку, очевидно для копирования. Аврелий долго ощупывал их, прежде чем вернул в дрожащие руки ритор.

— Элий, значит? Наверное, был каким-то родственником Элия Корвиния, твоего зятя? — напрямую спросил он.

— Возможно, — ответил Аррианий. — Они были из одного клана, как и тысячи других людей. И потому могли даже не знать друг друга.

— Любой, кто слышал об этом старом скандале, мог написать такое, — решил патриций.

— Нет, Аврелий! Это почерк Элия, я узнаю его! — с волнением воскликнул ритор.

— Хорошая у тебя память, однако, ведь столько времени прошло... — осторожно заметил

патриций. — Если так уверенно утверждаешь, то, наверное, часто видел его почерк... Странно, однако, потому что, насколько мне известно, ко времени того судебного процесса ты уже давно не преподавал и упражнения этого ученика должен был проверять его классный учитель...

— Ну, в общем... по правде говоря, я писал ему несколько раз, совершенно невинные письма, разумеется. Хороший воспитатель должен побуждать своих учеников к занятиям...

— Понимаю, — устало улыбнулся Аврелий. — И подумать только, ты так часто читал и перечитывал ответы Элия, что помнишь его почерк до сих пор.

— Что ты хочешь этим сказать? Обвинение, и ты это знаешь, было необоснованным. Суд доказал мою невиновность!

— Ох, ну конечно... Но если дело обстоит так, то почему ты думаешь, будто юноша постарался выбраться из Тартара — а предприятие это весьма непростое, — чтобы отомстить тебе? Ты удивляешь меня, Аррианий. Ты же прекрасно знаешь, что бы там ни придумывали мифы, ещё никто никогда не возвращался из загробного мира.

— Я не настолько глуп, благородный Стаций, — ответил ритор. — Я боюсь, что Элий жив и хочет навредить мне, или даже убить. Желая погубить меня, он истребляет мою семью — Лучиллу, Испуллу... Следующим может быть Оттавий. Защити его, прошу тебя!

Оттавий? Сенатор в удивлении поднял брови: а почему не Камилла? Испулла, выходит, несколько не преувеличила, когда сказала, что

молодой учитель грамматики вытеснил из сердца её сына все предыдущие привязанности: Аррианый питал к нему безграничную любовь и, конечно, чрезмерную, как зрелый человек, который уже показал, что чересчур снисходительно относится к очень молодым людям...

Но кто знает, связаны ли личные пороки ратора с преступлением. Намного вероятнее, что за всей этой фантастической историей с посмертной местью и восточными амулетами стоит лишь мелочный финансовый интерес.

— Испулла Камиллина оставила завещание?

— Да, она составила его много лет назад, когда вступила во владение парой фондов в провинции недалеко от Перузии. С тех пор не меняла его. Когда подходишь к определённом возрасту, то предпочитаешь больше не думать о смерти, наверное, потому что чувствуешь её уже слишком близко, где-то рядом...

— Смерть всегда рядом с нами, Аррианый, и ты видишь её тогда, когда меньше всего этого ожидаешь, — возразил сенатор, давая понять, что собирается прощаться.

Скривившиеся губы ратора заметно задрожали.

— Подожди! Не говори никому то, что я рассказал тебе об Элии, хорошо?

— Если бы я сделал это, ничего страшного не произошло бы. Половина Рима уже в курсе этой истории, — саркастически улыбнулся патриций.

— Моё имя, моя репутация... выходит, я всё потерял?

— Нет, конечно. Римляне очень снисходительны к чужим недостаткам в надежде, что будут прощены их собственные. Мы, осторожные квириты, хорошо знаем, что когда судишь слишком строго, то рано или поздно кончится тем, что сам станешь жертвой собственного приговора. Поэтому перестань волноваться из-за каких-то сплетен и подумай лучше о том, как обезопасить свою жизнь.

— Я не о себе тревожусь. Оттавий — это всё, что у меня осталось!

— У тебя ещё есть дочь, — напомнил патриций, который не мог понять безразличие ритора по отношению к Камилле.

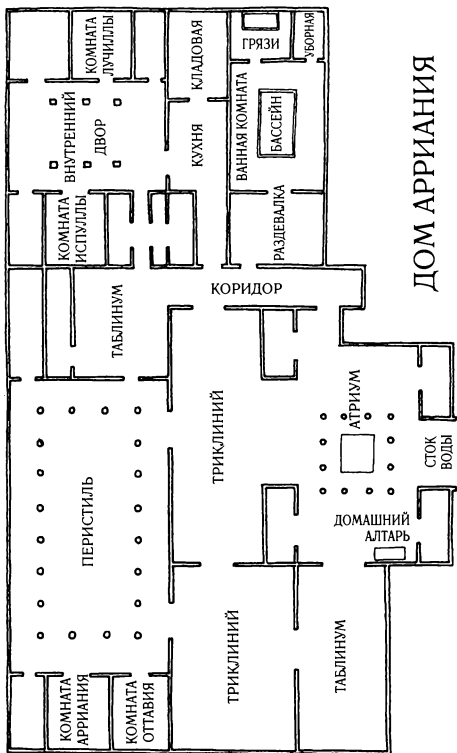
— Она сильная, сама сумеет выкрутиться из любой ситуации. А вот Оттавий... — Аррианий хотел что-то добавить, но передумал и сказал только: — Я боюсь, сенатор, и за него, и за себя. В молодости я был смелым, полным решимости, как моя дочь сейчас, но с годами стал боязливым, как ребёнок, и стыжусь этого. Моя мать тоже считала меня ненормальным, и всё же у меня были и успех, и даже какая-то известность, и я старался быть хорошим сыном...

— Она умерла счастливой, Аррианий. Лишь очень немногие из пожилых людей бывали абсолютными хозяевами в Риме в ту пору, когда отец семейства мог распоряжаться жизнью и смертью всех своих кровных родственников. Теперь, когда законы это допускают и сыновья стали, наконец, свободными, но хорошо помнят свою прежнюю зависимость, они стараются как можно меньше иметь дела с родителями, ушедшими на покой

после стольких трудов... В Риме полно несчастных стариков, Аррианий, а твоя мать, напротив, до конца своих дней радовалась твоей сыновней любви.

— Я тоже не умру в одиночестве, Аврелий. Оттавий не оставит меня! — воскликнул ритор столь напыщенно, что невольно казалось, будто он убеждает в этом не столько собеседника, сколько себя. — Если с ним ничего не случится, разумеется.

— Будем присматривать за твоим драгоценным молодым человеком, Аррианий, — пообещал на прощание патриций, несколько не убеждённый, что прекрасный преподаватель грамматики так уж нуждается в какой-то опеке. Этот юноша, который из нищего крестьянина смог очень быстро превратиться в директора престижной школы, уже сумел показать, что великолепно умеет сам находить выход из положения...

ДОМ АРРИАНИЯ

XI

ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ ДО НОЯБРЬСКИХ ИД

В центре зала Аврелий покачивался в шатком равновесии на трёхномом стуле, который подарила ему Помпония, специально привезя с острова Родос.

— Удобно, правда? — Помпония хотела услышать подтверждение, и патриций, мечтавший в глубине души о нескладных, но удобных стульях из тростника, на которых сидели рабы в кухне, согласно кивнул в ответ, не желая огорчать подругу.

Пышнотелая матрона была в этот день так печальна, что даже не попробовала спелые оливки и ядрышки грецких орехов, а тема беседы тоже не поднимала её настроение.

— Аррианий попросил меня заняться похоронами его матери, — объяснила она, разглаживая край синей туники, несомненно, самой строгой в её необъятном гардеробе. — И я, конечно, обратилась к тому же гробовщику, который хоронил Лучиллу. А Хлоя, рабыня, которая занимается моей обувью, рекомендовала мне Филомену. Это самая пожилая плакальщица в похоронной конторе, славная женщина, в молодости долго работала в разных борделях, но с возрастом пришлось поменять ремесло. Хлоя уверяет, что сейчас это наиболее востребованная плакальщица, потому что её необыкновенные причитания способны растрогать даже самые чёрствые сердца.

Аврелий поморщился: он не одобрял обычай приглашать плакальщиц, которые за большие деньги во весь голос с притворным отчаянием рыдали и причитали по покойному. Но так было принято, и никто не хотел отказываться от этой традиции.

— Филомена берётся также омыwać тела усопших и готовить их к погребению. Это она занималась моей бедной Лучиллой...

— И что же? — внезапно заинтересовавшись, Аврелий поднял голову.

— Филомена сказала, что заметила странные синеватые пятна на спине и ягодицах девушки и немало удивилась, узнав, как умерла Лучилла. Уж она-то в трупах разбирается и готова поклясться, что прошло гораздо больше времени после кончины, потому что такие пятна появляются только спустя несколько часов.

Сенатор вскочил, уронив шаткий стул:

— Но это значит, что...

— Что Лучилла умерла раньше, чем все подумали, — заключила матрона.

Аврелий стал рассуждать:

«И Камилла, и рабыня, которая вошла, чтобы передать полотенце, видели Лучиллу живой, правда, со спины, и не позднее, чем за час до того, как обнаружили её тело. Нет, видели не Лучиллу, — поправил он себя, — а только фигуру, укутанную белой простынёй, и это мог быть кто угодно, даже мужчина! Но сестра уверяла, что слышала голос из-за двери. Она могла ошибиться или же...»

Патриций вздрогнул. Сияющая улыбка Камиллы, её красивые, белые руки... Какой соблазнительной и открытой увидел он её тогда при первой встрече у колонны во дворе! А потом, в таблинуме, она стала как бы избегать его, сделалась почти злобной, словно в перерыве между этими её появлениями произошло что-то очень важное.

«Это всё меняет!» — в волнении подумал Аврелий и порадовался, что матрона поспешила тотчас отправиться к гробовщику.

Оставшись один, он закрыл дверь кабинета и в тревоге уселся за стол из чёрного дерева. Перед ним лежал запечатанный пакет, который Испулла Камиллина прислала ему, возможно, предвидя приближающийся конец. Пришла пора вскрыть его.

Не спеша, почти с религиозным трепетом патриций сломал восковую печать Аррианиев и, развернув красную ткань, достал черепаховый футляр. В нём оказался такой же гребень, какой лежал в шкатулке Лучиллы, с такой же надписью на нём...

Нет, не совсем. Между надписями на них и в самом деле было небольшое отличие. Здесь она читалась по-другому: Камилла Лучилле, а не наоборот. Значит, это второй гребень, тот самый, что принадлежал жертве!

Аврелий закрыл глаза и постарался представить двух девочек, которые собрались обмениваться подарками в день рождения. Внезапно в памяти сенатора всплыл яркий образ Лучиллы такой,

какой он видел её лишь однажды в доме Помпонии: пухлые губки, миндалевидные глаза, брови дугой и родинка на мочке... А Испулла во время последнего разговора с Аррианием разве не упомянула родинку и серьги с полулуниями, говоря о внучке так, словно она жива?

— Зевс всемогущий! — воскликнул Аврелий, хлопнув себя по лбу: а если Испулла не бредила, говорила правду... И Лучилла вовсе не умерла? Может быть, именно это хотела сообщить ему старуха, послав этот гребень!

Серьги Камиллы, родинка... Патриций почувствовал, как холодок пробежал по спине: сёстры-близнецы были совершенно одинаковы, и если убита одна, другая может её заменить, и никто на свете не заметит этого!

Единственная деталь, которая различала девушек, это крохотная родинка, но Камилла всегда носила серьги с полулуниями, которые полностью закрывали мочки уха.

Аврелий поднялся и стал в волнении ходить взад и вперёд по комнате, в голове теснились тысячи мыслей, но всё время перед глазами рисовалась одна и та же сцена, в которую он не мог поверить, как ни старался: девушка открывает сестре дверь и потом...

А что потом? В ванной не нашлось никаких следов насилия или борьбы. И тут воображение Аврелия останавливалось, не в силах или не желая идти дальше.

И вдруг, рассматривая гребень, он замер, неожиданно обнаружив, что не испытывает ни ужаса, ни отвращения перед этой обвинительной

надписью. Напротив, первое, что он почувствовал, это облегчение: может быть, та распутная девственница, о которой грезили Иренея и Панецкий, вовсе не покоится в колумбарии семьи Аррианиев, а жива и заменила жену Корвиния...

И он может встретить её, познакомиться с ней, обладать ею!

Аврелий вышел из кабинета, хлопнув дверью. Он должен открыть кому-нибудь это подозрение, терзавшее его, хотя бы для того лишь, чтобы его опровергли.

— Кастор! — позвал он слугу и принялся рассказывать ему всё, рассчитывая на его здравомыслие.

— Ты думаешь, Лучилла в самом деле могла убить свою сестру-близняшку, чтобы занять её место? — спросил слуга. — А зачем, господин? Из двух девушек Лучилла была удачливее: её ожидала счастливая жизнь в доме отца, рядом с прекрасным молодым человеком, который любил её. Я скорее понял бы, если бы всё случилось наоборот...

— Только оказавшись женой Корвиния она могла получить деньги, власть и влияние. Мы уже знаем, что настоящая Лучилла не была благочестивой девочкой. Юния и Панецкий рисовали совсем другой её портрет — и он, если разобраться, больше подходит к выжившей сестре, а не к той, что похоронена!

— Это полная ерунда, хозяин! Тебе хочется, чтобы Лучилла была жива, вот и цепляешься за всякие мелочи, желая верить в замену... Но ведь это никогда не удастся доказать.

— Почему? А если, например, я смогу снять серёжку...

— Напрасно, господин! Хороший хирург за пять минут удалит эту родинку, к тому же сейчас женщины обожают прокалывать уши в нескольких местах, чтобы навесить на них побольше красивых безделушек. Всего одной такой дырочки достаточно, чтобы скрыть крохотное пятнышко.

— И прокол, сделанный недавно, выглядел бы точно так же, как тот, которому уже много лет, — простонал сенатор, не в силах смириться.

— Вот именно, — согласился вольноотпущенник.

— Нет, подожди! Возможно, есть ещё одно различие между сёстрами. У настоящей Камиллы должен быть шрам на правом бедре, близко к паху. Испулла что-то говорила мне о каком-то ранении, которое случайно нанесла ей в детстве сестра.

— Одна из девушек теперь уже покоится в колумбарии, господин, а другая, даже если допустить, что виновата, может сама нанести себе такой же порез, как у покойной.

— Но такая рана не может полностью затянуться за месяц! — возразил Аврелий.

— В таком случае всё очень просто — тебе не остаётся ничего другого, как только рассмотреть вблизи и очень внимательно обнажённые бёдра жены банкира. Наверное, это не составит для тебя особого труда, если учесть, как она привлекательна. Я уже давно советую тебе

сблизиться с ней. Послушал бы меня, и вместо того, чтобы терять время с этой Иренеей...

— Кто знает, возможно, именно потому она и была со мной так сурова, чтобы не открылся её секрет, то есть что на самом деле она — Лучилла, а никакая не Камилла, — предположил Аврелий.

— Хозяин, хозяин, ты переходишь все границы! Ты связываешь женскую холодность с преступлением, лишь бы прикрыть свою неудачу, это и в самом деле уже слишком! — посмеялся Кастор. — К тому же вполне возможно, что, хотя муж у неё и дряхлый старик, ты тоже её не устраиваешь, ведь что ни говори, а ты вдвое старше!

Но патриций не обиделся на злую шутку.

— Ты прав, мне нужна зрелая женщина с большим жизненным опытом.

«Боги Аида! — подумал грек. — Эта проклятая математичка уже напакостила! Срочно необходимо вмешаться, пока не стало хуже!»

— Так ты недалеко уйдёшь, — вновь заговорил секретарь. — Займись лучше Элием Корвинием, вот откуда тянет гнилью. Парис забрал пакет, который оставлял на хранение в банке, и... угадай!

— Печати опять сломаны!

— Хуже. Количество золотых монет то же, но вес их слегка поубавился. Если рассмотреть ребро монеты, гурт, в лупу, то видна некоторая шероховатость... Это старый трюк, которым мастерски владел Кирилл в Александрии. Достаточно слегка пройтись напильником по ребру монеты, как с него снимается лёгкий слой золотой

пыли. Никто ничего и не заметит, ведь количество монет прежнее! Мне жаль, что твои деньги...

— Я не жалею об ущербе. Теперь у меня есть подставной клиент у доверенного менялы Корвиния, и я могу, наконец, устроить ему ловушку.

— Наверное, если нам удастся привлечь его к суду за мошенничество и провести обыск у него дома, то там найдутся и доказательства преступления...

— Это верно, Кастор. В то утро банкир с Камиллой пришли рано и уединились в таблинуме для каких-то срочных дел. У него было время наведаться в ванную, точно так же, как и у Николая, его преданного раба, который мог действовать по приказу хозяина или же по собственной воле — *pro domo sua*⁶³. Так или иначе, у меня есть идея, как припереть к стенке этого наглого менялу и его распрекрасного хозяина. Более того, я начинаю надеяться, что вся эта история позволит мне избавиться от очень опасного конкурента. Будем действовать на два фронта: с одной стороны жена, с другой — кошелёк, — решил Аврелий и ещё долго совещался со своим верным помощником.

⁶³ В защиту своего дома (лат.).

ХII

НАКАНУНЕ НОЯБРЬСКИХ ИД

Храм Великой Матери заполняла набожная толпа. Аврелию удалось попасть на церемонию, притворившись неофитом, и теперь, зажатый со всех сторон, он пытался протиснуться между верующими, которые напирали изо всех сил. Толпа заслоняла вход, и ему приходилось иногда привставать на цыпочки, чтобы рассмотреть людей, валом валивших в храм.

Место для свидания, конечно, не самое подходящее, говорил себе патриций, зато, встретившись с ним в толпе, Камилла не рисковала своей безупречной репутацией.

Аврелий не сомневался, что она придёт. На этот раз записку ей передала подруга служанки Помпонии, которая притворилась, будто нашла её на полу в атриуме.

Короткое послание, несколько слов, способных убедить человека с нечистой совестью:

«Жду тебя в храме Кибелы завтра, чтобы поговорить об одной серёжке и о давней ране...»

Глядя на всю эту толпу бедно одетых рабов, галдящих простолудинок, истеричных юношей и набожных стариков, патриций испугался было, что ошибся: может, девушка, прочитала его записку и, не поняв, выбросила, решив, что это очередная попытка какого-нибудь назойливого поклонника встретиться с ней...

«Нет!» — обрадовался сенатор, увидев Камиллу у входа. Она стояла выпрямившись, недвижно, словно статуя, тёмная вуаль скрывала дивной красоты лицо и прелестную линию плеч.

И под вуалью, отражая свет факелов, поблёскивали золотые полулуния...

— Что ты хотел сказать своей запиской? — прямо спросила она, как только Аврелий оказался рядом.

— Ты прекрасно знаешь, Камилла, что я имел в виду. Или, может быть, я должен называть тебя Лучиллой? — произнёс Аврелий, и его слова, как ни старался, прозвучали в высшей степени грубо.

— Ты сошёл с ума, — прошептала она сквозь зубы.

— Не думаю. Даже готов поспорить, что это красивое украшение скрывает некую тайну... — возразил патриций, ласково коснувшись её уха.

Женщина вздрогнула от его прикосновения и отпрянула, словно от ожога.

— А тут, — продолжал Аврелий, спокойно положив руку на её бедро, — тут должен быть старый шрам...

— Повторяю, ты сошёл с ума, — ледяным тоном произнесла Камилла. — И если тебя покинул разум, то постарайся хотя бы вспомнить, что я — матрона, а не проститутка, и убери немедленно свои руки!

Аврелий и не подумал повиноваться, воспользовавшись напором толпы, он ещё сильнее приблизился к девушке, так что их тела оказались прижатыми друг к другу, и он ощутил на своей

шее её горячее дыхание и лёгкий запах её кожи — аромат шиповника, нет сомнений!

Возбуждённый резкими звуками труб, ритмичным стуком барабанов и неожиданным прикосновением к тёплой коже, Аврелий осмелел.

— Отодвинься, это храм, а не публичный дом, — холодно приказала Камилла.

— Меня сводит с ума эта чужеземная музыка, в ней столько приятного сладострастия, — ответил патриций, надеясь, что ужасная Великая Мать слишком занята мольбами своих приверженцев, чтобы расслышать его слова. — И мне кажется, тебе она тоже нравилась, обожаемая Лучилла, когда ты приходила сюда с Панецием...

— Хватит! Не думаешь ли ты, что я позволю тебе распространять эту глупую ложь? Я — не Лучилла, я уже сказала тебе это! — возразила девушка, высвобождаясь.

— Докажи! — с вызовом потребовал Аврелий.

— Это что же, я должна обнажиться в общественном месте перед всеми этими квиритами, чтобы упрямый сенатор перестал портить мою репутацию нелепой выдумкой? — гневно воскликнула женщина.

— Совсем не обязательно здесь. Можно сделать это при личной встрече, только передо мной, — предложил Аврелий. И произнося эти слова, он почувствовал, как от множества противоречивых страстей у него закружилась голова: наглость его бесстыжей просьбы, нетерпение узнать правду, какой бы она ни оказалась, невысказанный стыд за то, что прибегает

к шантажу, — всё это усиливалось неистовым желанием обладать ею.

А в самом дальнем уголке души, погребённый под остатками разума, таился жуткий страх, вдруг она — убийца. Подозрение это выросло в нём подобно какому-то ядовитому растению и усиливалось назойливым ритмом кимвалов и острым ароматом трав, горевших в священной жаровне.

Женщина не замедлила с ответом, и под грохот барабанов прозвучал бесстрастный голос:

— Завтра вечером постарайся, чтобы у тебя дома никого не было. Я приду.

Сказав это, Камилла повернулась и смешалась с безликой толпой. Аврелий поводил её взглядом, зачарованный лёгкой и величественной поступью.

Вот тогда он и увидел человека, прятавшегося за группой беременных матрон: Панецкий, с мертвенно-бледным от злости лицом смотрел на светлый прямоугольник двери, за которым исчезла женщина.

XIII

НОЯБРЬСКИЕ ИДЫ

Солнце уже зашло, просторный домус сенатора замер в мрачном оцепенении. Слуги выставлены, Кастор изгнан, отпущен даже привратник Фабеллий.

Аврелий уже больше часа большими шагами мерил атриум. Кувшин с цервезией на столе почти опустел, а графинчик с финиковым ликёром был пуст лишь наполовину.

«Не придёт, — уверял себя патриций. — Она виновна и не может позволить себе этого».

Тем не менее в глубине души он понимал, что у его ожидания мало общего с законным желанием вершить справедливость: чтобы наказать чудовищную преступницу, не нужно часами готовиться к встрече с ней: велеть старательно выбрить себя, одеть, надушить...

Аврелий отодвинул кувшин с цервезией и глотнул чистого вина. В трудные минуты патриций предпочитал вот такое холодное, лишь слегка подслащённое мёдом.

Он вздрогнул, услышав стук в дверь, и вино пролилось ему на подбородок. Он быстро вытер его и поспешил к входу.

— Я пришла, как ты попросил, сенатор.

В полумраке лицо женщины выглядело по-новому, оно казалось незнакомым, лишённым высокомерия и той глухой враждебности, какую выражало накануне.

Когда она заговорила, голос её прозвучал нежно.

— Последний раз умоляю тебя, Аврелий, не проси меня об этом унижительном доказательстве, я не смогу простить это тебе. Ты слишком мало знаешь обо мне и видишь только маску, которую я выставляю всем напоказ с тех пор, как меня отдали Корвинию. Ему было шестьдесят лет, а мне только семнадцать. И после этого мне уже больше не о чем было мечтать... А сейчас ты призываешь меня как рабыню, которой хозяин может приказывать всё что угодно. Если так обращаешься со мной, выходит, ты не лучше моего мужа!

— Тогда почему ты пришла? — спросил патриций, нахмурившись.

Она не ответила, лишь осторожно, едва ли не с девичьей скромностью приблизилась к нему. Аврелий наслаждался лаской чёрных локонов, опустившихся ему на плечи, и ощутил прикосновение к щеке длинных влажных ресниц.

— Погаси лампу, прошу тебя, — краснея, прошептала Камилла.

Любая женщина, если только она не профессиональная проститутка, попросила бы о том же. В Риме считалось неприличным заниматься любовью при свете, и даже самые страстные любовники, желавшие разглядеть сокровенные черты своих подруг, могли рассчитывать только на лунный свет.

Патриций не ответил. Камилла коснулась губами его губ и вдохнула воздух, собираясь задуть фитиль.

— Нет, — возразил Аврелий, отбирая у неё лампу. — Сначала я хочу узнать, кто ты.

Женщина тут же отпрянула, словно кошка, которая мгновенно выгибает спину при виде опасности.

— А, значит, хочешь посмотреть? — прошипела она. — Ну, так смотри! — и решительным движением сорвала с себя тунику.

Одежда упала на пол, скользнув по длинным, стройным ногам, и сенатор замер от неожиданности, уставившись на то место на правом бедре, где оказался широкий шрам, похожий на огненный цветок.

Ошарашенный, Аврелий протянул было руку, желая коснуться старой раны, но тут же опустил глаза, не смея взглянуть на Камиллу.

Она же презрительно посмотрела на него и с надменным видом, с каким подают милостыню нищему, протянула ему золотое полулуние. На мочке уха оказалось лишь отверстие, в которое была вдета драгоценность.

— Мне жаль... Я... — пробормотал потрясённый патриций.

— Ты доволен, коварный сенатор Стаций? — засмеялась Камилла и наклонилась за туникой. — Позволишь удалиться теперь, когда я удовлетворила твоё любопытство?

Аврелий любовался женщиной, склонившейся к одежде, её кожей, блестевшей от притираний и масел при свете пламени, очертаниями её груди, прикрытой нагрудной повязкой.

Он сглотнул, не находя в голове ни одного подходящего слова, чтобы хоть как-то оправдать

свою наглость и умолять о прощении. И тогда он неожиданно почувствовал облегчение: беда уже случилась, и теперь ничего не исправишь, так что тем более надо идти до конца.

— Позволить тебе удалиться? И не подумаю! — решительно заявил он. — Я умирал от желания обладать тобой, даже думая, что ты виновна, а уж теперь, когда уверен, что это не так...

— Теперь моё предложение больше не действует! — бросила ему в лицо разъярённая Камилла.

— Ты всерьёз так думаешь? — засмеялся патриций. — И что ты собираешься делать? Ты в моём доме, среди ночи, полураздетая...

Женщина, похоже, только теперь поняла, в какой неловкой ситуации оказалась. Она растерянно осмотрелась, покусывая губу, и уже готова была умолять его, однако, заметив насмешливую улыбку сенатора, вскипела:

— Неужели ты способен взять меня силой? — с вызовом бросила Камилла, надевая тунику.

Аврелий, обидевшись, хотел сразу же объяснить, что считает недостойным насилие над беззащитной женщиной, но вовремя замолчал.

— Конечно, будь это необходимо, — вместо этого ответил он. — Но не понадобится.

Он уверенно направился к ней, и ему показалось, будто в возбуждённом взгляде её чёрных глаз сверкнуло ликование.

«Ещё одна ловушка», — подумал он.

И решил попасться в неё.

XIV

ЗА ВОСЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

— Выходит, как я и предполагал, история о подмене близнецов — это всего лишь плод твоей фантазии...

Аврелий не ответил, перед глазами всё ещё стояла Камилла. На рассвете, когда она выскользнула из его комнаты, он забылся тревожным сном и теперь с трудом просыпался.

— Ты слушаешь меня или всё ещё спишь? — рассердился Кастор. — В некотором возрасте пора бы уже избегать такого переутомления.

— Слышу, слышу, — проворчал патриций, пробуждаясь.

— Приходил Иппаркий, он осмотрел тело Испуллы и клянётся, что старуха умерла своей смертью.

— Значит, всё придётся начинать сначала. Нужно рассматривать гипотезу, что хотели убить Арриания.

— Выходит, у Камиллы, Иренеи и Панеция больше нет никакого мотива, в отличие от Оттавия, у которого отличный повод.

— Панеций, однако, всё равно остаётся подозреваемым, — уточнил Аврелий. — Ритор предал его так же, как и дочь.

— Да, но преступление ему ничего не даёт, никакой выгоды, в то время как некий молодой красавец становится наследником ритора, а также директором школы.

— Однако для этого ему вовсе не нужно никого убивать! Аррианий, независимо от усыновления, уже написал завещание, по которому оставляет всё состояние Оттавию. Римский закон позволяет передавать собственность кому угодно даже в ущерб законным детям. И мне было бы интересно узнать, во что оценивается имущество семьи...

— Могу точно ответить на этот вопрос, господин. В самом деле, пока ты развлекался в постели с возможной убийцей, я, отработывая свой ничтожный заработок, обнаружил массу интересных вещей. От состояния Арриания почти ничего не осталось. Теперь и школа, и дом, и загородная вилла в Кампании принадлежат Корвинию. Ритор владеет только фондами возле Перузии, которые получил в наследство от Испуллы, и выплачивает зятю-банкиру огромный долг, который из-за процентов всё время растёт. Если разобраться, Оттавий заключил отнюдь не выгодную сделку, став единственным наследником кучи долгов: если он и покушался на жизнь учителя, то сделал это, конечно, не с целью обогатиться... Лучше займёмся Корвинием: письма с угрозами, полученные Аррианием, очень похожи на вымогательство в лучшем стиле банкира.

— Я, напротив, настаиваю на Панеции, — возразил Аврелий. — Вполне типично для человека, который верит в воскрешение из мёртвых, отправить послание с того света. Кроме того, он хорошо знал почерк этого мальчика Элия.

— Но ведь и сам Элий мог написать эти письма: насколько нам известно, он вполне может быть жив и здоров.

— Я всё собирался отправить почтового голубя в Нуману, где жил Элий, чтобы проверить, но был так убеждён в подмене близнецов, что не использовал этот путь. Надо бы заодно выяснить, не живёт ли сейчас кто-нибудь из его семьи в Риме или в окрестностях.

— Давай посмотрим, сколько лет сейчас может быть этому Элию? Двадцать три или двадцать четыре, самое большее — ровесник Оттавия. А если это он? Я хорошо припоминаю, что он появился в Риме вскоре после скандала...

— Кто-нибудь мог узнать его. И потом, Аррианий не считает его вымогателем.

— Ох-ох! Возможно, между учителем и учеником что-то и было... Мы, греки, знаем, как это случается. О такой любви у нас существует даже целая философия!

— На самом деле, если разобраться, имя Оттавия никогда не было связано ни с одной женщиной, кроме Лучиллы. Возможно ли, чтобы этот юноша не позволял себе никаких приключений? Не всю ведь жизнь он проводит в гимнастическом зале и библиотеке!

— Ты хорошо знаешь, хозяин, что в Риме женщин не хватает на всех.

— Да, если считать и рабов, то мужское население вдвое превышает женское, именно поэтому растёт число публичных домов.

— Что бы ты сказал, если бы я провёл небольшое обследование самых известных из них? Не с пустыми руками, разумеется...

Сенатор сразу же сдался, открыв сумку.

— Десять сестерциев? Ну что ты! — с возмущением ответил недовольный Кастор. — Чтобы развязать кому-то язык, мне понадобится по крайней мере пять ауресов!

— В расходы не входит потребление напитков. Кастор, тебе ведь нужно всего лишь задать несколько вопросов.

— Господин, если я стану совать нос направо и налево, меня тотчас примут за ночного стража и после этого рта не откроют. Понимаешь, я непременно должен притвориться клиентом!

Поворчав, Аврелий достал один аурес.

— Обойдётся! — сердито проговорил он.

— Ты ведь не станешь возражать, если я пороюсь немного в твоём ящике с одеждой? Нужно что-то подходящее, ну хотя бы тот светлый плащ из мягкой шерсти, которую привозят от границы с Индией...

— Ладно, но постарайся не испортить. Я надевал его только раз, — согласился хозяин.

— Я возьму также пряжку с химерой.

Патриций недовольно хмыкнул. В глубине души он сомневался, что такое расследование даст какой-то результат. Проституция в Риме процветала в огромных масштабах. Даже если не считать тех, кто постоянно трудился в лупанариях, как назывались публичные дома, ещё тысячи мужчин и женщин работали самостоятельно в одном из самых злачных кварталов — в скандально

известной части города Субуре. Она превратилась теперь в муравейник, где целая армия дешёвых проституток обслуживала всех без разбора.

Однако мог ли красавец Оттавий, юноша с чистым взглядом и большими планами, бывать там?

«В сущности, — подумал Аврелий, — вместо того чтобы отправлять Кастора в публичные дома, не проще ли прямо спросить самого Оттавия? Разумеется, не в присутствии строгого приёмного отца, но в более спокойной и подходящей обстановке. Как бы узнать, какой гимнастический зал посещает молодой человек? Надо расспросить Помпонию...»

XV

ЗА СЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

Аврелий прибыл в термы Агриппы в восьмом часу в сопровождении целого отряда рабов: троих банщиков, брадобрёя, депилятора и огромного Самсона, гордящегося тем, что в этот раз сопровождает сенатора, который обычно предпочитал его чересчур энергичному массажу нежные руки Нефер, необыкновенно красивой служанки-египтянки.

Термы ещё не открылись, но посетители уже толпились у входа без всякого различия возраста, пола и социального положения. По воле строителя, знаменитого Агриппы, зятя императора Августа, бани были совершенно бесплатны, но это не значит, что работали в убыток.

Термы, которые поначалу не достигали и ста шагов в длину, с годами расширились, захватив соседние дворы и лавки, и теперь предлагали посетителям самые разные услуги — от гимнастических арен и косметических салонов до выставок живописи и библиотек.

Большинство посетителей, хоть и мылось бесплатно, дорого оплачивало охрану одежды, услуги банщиков и цирюльников, а также привилегию иметь отдельную ванну.

Подобных заведений в Риме насчитывались сотни, и никто, даже те, кто, как Аврелий, располагал личной баней с прекрасным бассейном

в собственном доме, никогда не отказывался от их посещения.

В термах встречались с друзьями, заключали сделки, плели заговоры, ухаживали за женщинами. Теперь уже и они свободно приходили сюда, что возмущало моралистов, а добропорядочные матроны, между тем, ловко управлялись тут со штангами, гантелями и метательными копьями, отличаясь даже в вольной борьбе или панкратионе⁶⁴.

Как только прозвонил тинтиннаболи⁶⁵, посетители, ожидавшие у портиков или в соседнем саду, устремились ко входу, и Аврелий тоже встал в очередь вместе со всеми.

— Аве, сенатор Стаций! — окликнула его жизнерадостная дама, питавшая к нему некоторую слабость. Со своей стороны патриций, хоть и польщённый таким вниманием, не мог не заметить её геркулесовые бицепсы и высоченный рост.

— Аве, изящная Милония! — поприветствовал он её издали.

— Ах, вот и ты, Аврелий! Видел тебя на форуме несколько дней назад, но ты так спешил,

⁶⁴ Боевое искусство, пришедшее из Древней Греции, характеризуется почти полным отсутствием ограничений и правил. Запрещалось только кусаться, царапаться и бить по глазам.

⁶⁵ В Древнем Риме — колокольчик, который использовался как музыкальный инструмент, дававший сигнал об открытии общественного здания или начале религиозной церемонии.

что... — попытался задержать его один клиент. Но вышколенная охрана тотчас оттеснила просящего.

— Я в зале «Тети», приходи ко мне, Публий! — послала ему поцелуй куртизанка Цинция, шествуя по коридору во главе толпы поклонников.

Отвечая во все стороны на приветствия, Аврелий внимательно всматривался в окружающих. По мнению Помпони, Оттавий считался неплохим спортсменом и часто посещал термы, и кто знает, может, он и сейчас здесь, среди всего этого весёлого распутства, в какой-нибудь женской компании...

Но его не было видно ни в одном из помещений, и Аврелий, смирившись, уже хотел было направиться в парильню, чтобы принять горячую ванну, как вдруг заметил на открытой площадке нескольких молодых людей, которые соревновались в прыжках, и среди них Оттавия. Благодаря необычайной ловкости, он лучше всех прыгал в длину.

Наконец, усталый, но довольный, учитель грамматики попрощался с друзьями и огляделся в поисках банщика, чтобы тот помог ему очиститься с помощью стригиля⁶⁶. Патриций, ожидавший его у входа, тотчас предложил ему своих помощников, и вскоре они уже сидели в облаке

⁶⁶ В древности, до изобретения мыла, для очищения кожи от пота и грязи тело намазывалось маслом, после чего рабы очищали его с помощью стригиля из бронзы или другого металла. Изображение этого инструмента часто встречается на античных вазах.

пара у раскалённой стены в окружении рабов, которые осыпали их песком и поливали водой.

— С удовольствием отмечаю, Оттавий, что ты не забываешь тренировать не только ум, но и тело. Довольно часто учёных мужей представляют как хилых и измождённых... — отметил Аврелий, сравнивая гибкое тело юноши с тощей и сутулой фигурой Панеция. Нечего удивляться, что Лучилла охотно поменяла одного на другого!

— А что тут странного? — ответил Оттавий, повелев слуге поработать стригилем. — Греческие школы возникли вокруг гимнастических арен, потому и называются гимназиями. Ты тоже, я вижу, стараешься сохранять форму... — заметил он, оглядев мускулистый торс сенатора. — Нередко гармония тела свидетельствует о гармонии души. Древние эллины считали — всё, что прекрасно, непременно и хорошо. Не случайно в эллинистических поэмах самый подлый герой всегда самый безобразный...

— Да, к примеру, жалкий Терсит⁶⁷, — согласился Аврелий, которому неуклюжий ахеец, столь неугодный Гомеру, был почти симпатичен. — Я с удовольствием продолжил бы разговор, но настало время ужина, и мы успеем только окунуться во фригидариуме⁶⁸. Почему бы после купания нам не поужинать у меня? Я показал бы тебе мою библиотеку...

⁶⁷ Терсит — персонаж древнегреческой мифологии, грек, сражавшийся под Троей и прославившийся своим уродством и трусостью, был убит Ахиллесом.

⁶⁸ Бассейн с холодной водой.

— А народу много будет? — нерешительно спросил Оттавий. Сенатор Стаций славился как любитель развлечений, у него обычно бывало много гостей, и не всегда респектабельных.

— Будем вдвоём, — пообещал патриций.

— Хорошо! — охотно отозвался юноша.

— В обществе нескольких прекрасных танцовщиц, разумеется, — поспешил добавить сенатор, желая посмотреть, как он отнесётся к этому.

На красивом лице Оттавия возникла тень недовольства. Поколебавшись немного, он искренне признался:

— Хорошо, что ты сразу сказал об этом, Аврелий. Женщины не интересуют меня.

— А как же бракосочетание в таком случае? — не удивившись, поинтересовался патриций.

— Этого хотел Аррианий. Для Лучиллы, так или иначе, я всё равно был бы хорошим мужем и сделал бы всё, чтобы она была счастлива.

«Это вряд ли, окажись она такой, какой рисуют её Панеций и Иренея», — усомнился Аврелий.

— А из-за чего вы поссорились с ней утром перед тем, как она вошла в ванную в тот день, когда умерла? — продолжал интересоваться сенатор.

Оттавий с недоумением посмотрел на него, явно не понимая, откуда он знает об этом. Юноша заколебался и ответил не сразу.

— Из-за Панеция. Я знал, что он неравнодушен к ней, хотя и старался всеми силами скрывать

это. В то утро я видел, как он стучал в дверь её комнаты, и это мне очень не понравилось.

— Неплохой повод, особенно если учесть твои отношения с её отцом, — заметил Аврелий.

— Она не знала о них, как и все, впрочем.

— Готов поклясться, что Панеций был в курсе, — возразил патриций, вспоминая намёки эфесянина.

— Да, возможно, подозревал, — согласился Оттавий. — Когда узнал, что я угрожаю его положению в школе, то явился к Аррианию с двусмысленным разговором, едва ли не подчёркивая свою готовность заменить меня. Решил, видимо, что я такой же карьерист, как он сам.

— А разве это не так?

— Нисколько. Между мной и Аррианием нет никакой грязной или постыдной связи, а есть лишь сознательный союз двух свободных мужчин — учителя и ученика.

— Аррианий, однако, не стал откладывать и познакомил тебя со своими вкусами... Во всяком случае, если верить некоторым сплетням...

— Мне всё известно об этом подлом обвинении, хотя в то время я ещё не жил в Риме. Это всё ложь! — с возмущением воскликнул Оттавий.

— Но именно Панеций в тот раз бросился спасать ритора.

— Это был его долг — засвидетельствовать истину! — настаивал Оттавий, но, видя сомнение на лице Аврелия, спросил: — А что тебя так смущает? Я считал тебя человеком широких взглядов.

— Отношения, которые связывают тебя и Арриания, меня совершенно не касаются. Но мне больно думать, что, возможно, одна невинная девушка поплатилась жизнью за чужой выбор.

— О чём ты говоришь? Смерть Лучиллы не имеет никакого отношения к нам!

— В самом деле? Письма, которые недавно получил Аррианий, заставляют думать иначе.

Оттавий побледнел.

— Какие письма? Я ничего не знаю! Возможно ли, чтобы Аррианий ничего не сказал мне о них? Он доверяет мне и никогда ничего не скрывал от меня...

— Тогда спроси у него...

— И спрошу немедленно. Вале! — воскликнул юноша, вставая, и удалился так быстро, что никто из них даже не успел или не захотел вспомнить о приглашении на ужин, которое прозвучало незадолго до этого.

Аврелий спокойно закончил всё, что связано с омовением, и в сопровождении кортежа рабов направился через общественный бассейн к платным ваннам.

— Аве, коллега! Кого я вижу! — произнёс кто-то за его спиной, и патриций оказался лицом к лицу со старым Корвинием. Закутанный в белую простыню, тот тащил своё дряблое и волосатое тело в небольшой отдельный зал. За ним с невозмутимым выражением лица следовала Камилла в сопровождении рабыни с огромным веером из павлиньих перьев.

— Хозяин, хозяин! — в полном смятении встретил его Парис. — Этот человек снова пришёл сюда, и он в ярости.

— О ком речь? — рассеянно спросил Аврелий.

— О том головорезе, которому ты оказал честь, позволив сесть рядом с собой за стол, и из-за которого я едва не охромел. Ясно, что это смутьян и мятежник. Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что он состоит в какой-нибудь секте, которая задумала низложить существующий социальный порядок, чтобы поставить рабов на место хозяев!

— А, так ты говоришь о Торквато. Что ему надо?

— Убить тебя. Во всяком случае, так он мне заявил... Нам стоило немалых усилий удержать его за дверь, но он продолжал орать, как одержимый, что его бедная жена была честной женщиной и никогда не знала никаких негодяев-сенаторов, но в любом случае он поставит тебя на место, как только поймает!

— О боги, выходит, кто-то наболтал ему глупостей о Квартилле. Порядочный человек не может сделать ни одного доброго дела, чтобы ему тотчас не приписали дурные намерения.

— У тебя проблемы со старьёвщиком, господин? — вмешался в этот момент явно подвыпивший Кастор. Индийский плащ на нём был весь в винных пятнах. — С другой стороны, если, гуляя повсюду, будешь сеять направо и налево детей...

— Кастор, клянусь тебе, я никогда в жизни не видел эту девочку! — возразил патриций в полном отчаянии.

— Достаточно того, что ты видел её мать, — невозмутимо заключил вольноотпущенник. — А теперь, когда ты разобрался со своим потомством, хотел бы доложить тебе, что обследовал примерно двадцать борделей, но так и не нашёл следов нашего Оттавия.

— Попробуй заглянуть в те заведения на Эскивилинском холме, где вместо женщин работают красивые сирийские рабы, — посоветовал Аврелий, хитро взглянув на него, и замолчал, рассчитывая порадоваться изумлению слуги.

Но грек обескуражил его:

— Уже сделано, хозяин. Там тоже никто его не знает. Но мои поиски ещё только в самом начале. Завтра загляну в таверны.

— Нет, завтра ты нужен мне, чтобы прижать банкира. Ловушка уже готова.

— Так расскажи! — попросил секретарь, терзаемый любопытством.

— План такой. Помпония попросит огромный кредит в связи со срочной необходимостью в деньгах. Николай ничего не заподозрит, потому что знает её как женщину состоятельную. И всё же, предоставив такую значительную сумму, банк окажется практически неплатёжеспособным. Понимаешь?

Кастор кивнул.

— Тут появится Парис и оставит на хранение запечатанный вклад — ту сумку с золотыми

монетами, которую, согласно закону, никто не смеет трогать. Одновременно подходит Македоний и просит денег для своего нового предприятия...

— Николай, конечно, откажет ему, — растерянно продолжил грек.

— Но только не в том случае, если Македоний намекнёт, что готов заплатить очень высокий процент и оставит в залог некоторые драгоценности...

— И чем, по-твоему, всё это закончится?

— А тем, что Николай, не желая упустить выгодную сделку, откроет сумку Париса, монеты в которой мы предварительно пометим в присутствии свидетелей. И когда Македоний соберётся уйти с этими помеченными монетами, вмешаешься ты, обвинишь его в том, что он украл у тебя драгоценности, и потребуешь открыть сумку. В это же время возвратится Парис, который тоже потребует немедленно вернуть ему его деньги. Вот тут все и смогут убедиться, что Николай использует запечатанные вклады для того, чтобы давать деньги в рост.

— Если хочешь знать моё мнение, господин, твой план, по-моему, ведёт к очень большому расходу денег и сил и при этом без всякого толку: ты не получишь никаких сведений, касающихся преступления, и ничего не узнаешь о том, как опиливают монеты.

— Но мы тем временем навлечём беду на Корвиния, а там, глядишь... Я уверен, что этот Николай, опасаясь серьёзного обвинения, готов

будет переложить ответственность на хозяина...
А что, у тебя есть идея получше? — развёл руками Аврелий.

— По правде говоря, нет. Но раз уже деньгами рискуешь ты, давай попробуем! — ответил Кастор.

XVI

ЗА ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

Меняльная лавка Николая находилась на Форуме Цезаря недалеко от храма Венеры Прародительницы, где красовалась статуя, которой Божественный Цезарь⁶⁹ повелел придать черты своей царственной возлюбленной Клеопатры.

Аврелий вышел на большую, окружённую колоннами площадь со стороны викус Аргилентум и поспешил подойти к конному памятнику покойного диктатора. Отсюда, укрывшись за ногами могучего мраморного коня, он мог спокойно наблюдать за меняльной лавкой Корвиния, в которой сидел его торговый посредник, проверявший золотые монеты, прежде чем поменять их на сестерции.

Быстро перебирая ауресы, он иногда бросал их на мраморную столешницу, прежде чем одобрить. Любой меняла умел, даже не глядя, отличить фальшивую монету от настоящей, потому что её выдавал звук, с каким она подскакивала на мраморе.

Из своего укрытия Аврелий увидел Помпонию, которая появилась на викус Аргентариус в сопровождении целой свиты служанок и направилась к лавке. Короткий разговор, заверения,

⁶⁹ Гай Юлий Цезарь был первым римлянином, обожествлённым после смерти, и потому на Форуме в честь него был воздвигнут храм.

и документ о собственности на инсулу⁷⁰ перешёл в руки менялы, а Помпония получила несколько сумок с деньгами.

Почти сразу же после этого появился Парис со своим мешочком и был встречен низжайшими поклонами, какими встречают петуха, которого собираются ощипать. Оставив деньги на хранение, Парис подал условный знак Македонию. Старик уже собрался пересечь площадь, как вдруг Николай оставил своё место и поспешил в храм.

«О Геракл, неужели именно сейчас ему вдруг понадобилось помолиться Афродите! Если сразу же не вернётся, наш план рухнет!» — рассердился Аврелий, глядя на высокую дверь храма, за которой исчез меняла.

— Ну слава богу, возвращается. Беги, Македоний! — вскоре прошептал он и подал условный сигнал старику.

Дальше, однако, дела пошли не совсем гладко. Николай тянул с решением, словно не слыша униженной просьбы Македония, который при том, что соглашался платить тридцать процентов, предлагал в залог лишь какие-то драгоценности сомнительного происхождения — весьма непростая дилемма для скромного служащего...

Богиня Фортуна между тем была решительно на стороне Аврелия: как раз в тот момент, когда Николай уже готов был распрощаться с Македонием, со стороны Аргилентум появился сам Корвиний — в паланкине и с рабами-глашатаями.

⁷⁰ Insulae (лат.) — жилой дом в пять или шесть этажей, квартиры в котором сдавались внаём.

Македоний сумел прекрасно исполнить свою роль, так что Корвиний уступил — ну не смог он отказать верному клиенту, который и без того уже отдал ему свой дом и колумбарий.

Рассыпаясь в благодарностях, Македоний взял деньги из рук банкира на виду у нескольких свидетелей, и тут появился Кастор и завопил:

— Этот человек только что украл у меня драгоценности! — схватил его за шиворот, стал трясти и требовать: — Уже заложил их? Так отдавай теперь деньги! — и неожиданно выхватил у него сумку.

И тут, по расчётам Аврелия, должны были выплыть на свет ауресы Париса, аккуратно помещенные при свидетелях.

Но монеты, которые из неё высыпались, не имели никаких пометок, более того, чуткая рука вполне могла ощутить на ребре грубую шероховатость, словно его скребли напильником...

— О боги Аида! Николай успел подменить мешок! — вскипел Аврелий.

— В храм, быстро! Это единственное место, где он мог повернуть свой фокус! — воскликнул Кастор и бросился бежать.

Возле лавки тем временем поднялась невероятная суматоха: Парис требовал вернуть деньги, Македоний настаивал, чтобы взвесили ауресы, Помпония разрывала контракт и громко скандалила.

Среди всей этой кутерьмы Корвиний, потемнев лицом, старался успокоить клиентов, бросая на Николая убийственные взгляды.

— Дело пошло не совсем так, как мы ожидали, но всё равно поднялся большой шум, — порадовался Аврелий, скрываясь в толпе.

Теперь ему оставалось только обвинить банкира в мошенничестве и получить разрешение на обыск в его доме. Там он надеялся найти какое-нибудь доказательство его связи с делом Лучиллы. Патриций действительно был уверен, что Корвиний где-то прячет тайные счета, свидетельствующие о его тёмных делах. Их изучение могло бы пролить свет на секретные финансовые отношения с семьёй Арриания.

Аврелий задержался на площади в ожидании Кастора, и вскоре к нему подошла радостная Помпония, возбуждённая хорошим исходом затеи.

— Какой жулик этот Корвиний! Спорю, он готов мать родную убить из-за денег! Как бы я порадовалась, если бы его могли судить те несчастные, которых он выбросил на улицу!

— И это ты мне говоришь! — воскликнул сенатор.

— Жаль, что не могу приписать ему смерть Лучиллы, — огорчилась Помония.

— А почему? — удивился Аврелий.

— Утром в день свадьбы я всё время следила за ним, — пояснила матрона.

Аврелий подумал было, что он не так что-то понял.

— Ты хочешь сказать, что у банкира есть алиби? — огорчился он.

— Конечно, я ни на минуту не упускала его из виду, — подтвердила Помпония.

— Боги Олимпа! И ты не могла мне сказать об этом раньше, прежде чем мы затеяли эту глупую комедию? — с раздражением воскликнул патриций.

— Но ты же не спрашивал меня о Корвинии! — оправдалась матрона, усаживаясь в свой элегантный паланкин из лакированного кедра.

Сенатор глубоко вздохнул. Значит, всё напрасно, незачем было подлавливать Корвиния на этом преступлении, куда более мелком, чем то, которое его по-настоящему интересовало...

Расстроенный и усталый, патриций направился по викус Аргентариус к своему паланкину.

— Не нужен ли сувенир на удачу из храма самой Изиды, господин? — дружелюбно заговорил с ним продавец египетских амулетов с настоящим латинским произношением.

Рустикий! Аврелий подхватил мяч на лету.

— Мне нужен амулет Великой Матери с огромным животом и налитыми грудями! Есть у тебя такой?

— Нет, его продают только кастрированные священнослужители Кибелы. Могу предложить фигурку бога-крокодила Собека или священных скарабеев, очень, просто очень помогают от сглаза.

«Выходит, фетиш, найденный в кровати Испулы, был приобретён непосредственно в храме», — тотчас сообразил патриций.

— Благодаря моим связям с восточными магами, я могу раздобыть любой талисман, — похвастался Рустикий, уверенный в мастерстве своего

зятя-резчика. — Скажи, что нужно, и оглянуться не успеешь, как доставлю.

Патриций осторожно осмотрелся и, взяв за тунику, отвёл ложного египтянина в сторону.

— Восковая кукла в виде человеческой фигурки, волосы и ногти получишь у меня, — шепнул он с видом заговорщика...

Рустикий вытаращил глаза и отступил. Очевидно, заклинания фессалийских колдуний были за пределами его возможностей.

— Могу найти тебе восковую куклу, господин, но и слышать не хочу ничего про волосы и ногти!

— Да ладно, ты ведь оказал однажды такую услугу одной моей хорошей знакомой...

— Ошибаешься, это сделал кто-то другой!

— В самом деле? Посмотрим, что выяснится, когда стража постучит в лавку твоего зятя в Остии, — пригрозил сенатор, снова хватая ложного египтянина за тунику. — И я сейчас же позову её. В Риме действуют строжайшие законы против колдунов и предсказателей.

— Минутку, минутку, благородный господин! — засуетился Рустикий. — На самом деле никакой я не колдун. Я всего лишь продаю безделушки, и не моя вина, что люди в них верят!

— А кукла, которую я видел?

— Это всего лишь игрушка.

— Лжёшь! Для чего, по-твоему, девушке могла понадобиться такая игрушка? — продолжал допытываться патриций.

— Но она сказала, что покупает её для своей сестры, — ответил Рустикий, полностью подтвердив подозрения Аврелия.

— Кукла с настоящими волосами. И ты в это поверил? Эта женщина была колдуньей...

— Что ты такое говоришь, господин! Это была добропорядочная матрона, которая часто обращалась ко мне. И потом, прядь, которую она дала, была её собственная — тёмные вьющиеся волосы. Она и сама не собиралась, конечно, превращать её в зловредный талисман, — запротестовал ложный египтянин, разводя руками.

Аврелий почувствовал, как по коже побежали мурашки.

— Сгинь! — припугнул он торговца. — И остерегись впредь продавать такие вещи!

Тут ничего не поделаешь, думал он тем временем, этот ловкий мошенник обязательно откроет свою торговлю в другом месте. Невозможно что-то запретить ему, пока есть люди, готовые обманываться.

Эти продавцы сновидений всегда будут процветать, как и проститутки, благодаря наличию клиентов, всё зависит лишь от спроса на рынке. Только на этот раз приобретение не выглядело безобидным...

В таблинуме домуса Аврелия отмечали успех операции.

— Посмотри-ка, что он подписал, лишь бы я никому не рассказала о его обмане, — смеялась Помпония, показывая патрицию вексель на пятьдесят тысяч сестерциев. — Парис тоже получил такой же, хотя и не просил даже. Корвиний, наверное, решил, что лучше одарить подарками свидетелей, чем нарваться на скандал.

Добрый Македоний получит обратно свой дом и колумбарий, если откажется донести на него за ростовщичество.

— А облегчённые золотые монеты? — поинтересовался Аврелий.

— Странно, но, судя по изумлённому лицу банкира, могу поклясться, что он понятия не имеет об этом, — заверила матрона. — Кастор, который тотчас поспешил в храм, наверное, что-то узнал...

— С тех пор он больше не появлялся, — объяснил Парис, поморщившись и как бы показывая тем самым, что не стоит слишком доверять греку.

— Будем надеяться, что он вскоре объявится с какой-нибудь хорошей новостью. А я пока просмотрю кредитные письма, подписанные Корвинием, вдруг они смогут мне пригодиться в будущем, — сказал Аврелий и велел принести арку⁷¹.

Парис опустил несгораемый ящик к его ногам, патриций отрыл сейф большим ключом, который всегда носил на шее, начал перебирать папирусы и мешочки с монетами и вдруг замер в изумлении.

— А где моя печать? Я ведь всегда держу её здесь, — беспокоился он и принялся искать её среди мешочков.

Старинная фамильная печать Аврелиев — планка из слоновой кости, в которую вставлен рубин с гравировкой, точно такой же, как на перстне, что сенатор носил на указательном

⁷¹ *Агса (лат.)* — ящик, сундук, ларь, сейф.

пальце. И перстень, и печать передавались от отца к сыну с тем, чтобы ни одна чужая рука не смела тронуть их.

Отпечаток рубина был равнозначен подписи на любом документе.

— Я видел вчера, как Кастор, крадучись, входил в твою комнату, — донёс коварный Парис. Воздастся, наконец, этому неверному греку! Даже ему, управляющему, не дозволено было открывать этот хозяйский сейф.

— Ты это ищешь, господин? Вот я и возвращаю! — воскликнул в этот момент Кастор, входя и с сияющим видом протягивая хозяину драгоценную планку из слоновой кости. За ним появился какой-то низенький, помятый, широко улыбающийся человек.

— Это и есть мой новый хозяин? — спросил он, слегка пошатываясь.

— Да, тебя купил Публий Аврелий Стаций, римский сенатор, и ты теперьходишь в его семью, — заверил грек.

— Кастор, можно узнать, что всё это значит? — рассердился Аврелий.

— Прошу прощения, господин, что взял ненадолго твой рубин. Я знаю, как ты дорожишь этой маленькой семейной реликвией, но дело было неотложное, ты и представить себе не можешь, кого я нашёл!

— Кирилл Александрийский, готов служить тебе, хозяин! — с глубоким поклоном представился человек.

— Я думал, ты умер в тюрьме, куда сажают фальшивомонетчиков, — изумился Аврелий.

— Корвиний решил, что мои способности пропадут в Эребе, и подкупил охранников, чтобы они объявили меня мёртвым. Потом отвёз меня в Рим, чтобы использовать некоторые мои умения, — признался старый товарищ Кастора по аферам.

— Именно ему Николай передавал ауресы, чтобы спиливать гурт, боковую поверхность монеты, — пояснил Кастор. — Когда я впервые увидел такие подпиленные ауресы, сразу узнал руку Кирилла. Только он умеет так искусно владеть напильником. И самое замечательное, что Корвиний даже не подозревал об этом обмане. Николай работал, можно сказать, только на себя. Когда же у банкира начались неприятности, я посоветовал ему избавиться от исполнителя, чтобы нельзя было выйти на него. К счастью, я предусмотрительно захватил с собой твою печать и таким образом смог купить своего друга от твоего имени всего за шесть тысяч сестерциев...

— Кастор, но это же целое состояние! — простонал Аврелий. — Раб стоит в десять раз меньше!

— Хозяин, с мой стороны это, конечно, нескромно, но уверяю тебя, что стою этих денег, — похвастался Кирилл.

— И слушать не хочу! Знать ничего не желаю! — категорически возразил патриций. — А что касается тебя, Кастор, ты мне дорого заплатишь за эту вопиющую наглость! Моя печать... Ещё никто никогда не позволял себе даже прикоснуться к ней!

Парис ликовал, ожидая, что преступник получит, наконец, наказание за свои проступки.

— Это не совсем так, хозяин, — ответил ловкий вольноотпущенник. — Если помнишь, я уже забирал её у тебя с благой целью. И теперь тоже действовал с самыми благородными намерениями. Если немного приободрить Кирилла, он может раскаться в своих прежних ошибках и раскрыть, как было поставлено дело с подпиливанием золотых монет. Того, что ему известно, вполне достаточно, чтобы завтра же заковать Николая в кандалы!

Аврелий заколебался, и Кастор, воспрянув духом, тут же воспользовался этим.

— Позволь дать тебе совет, хозяин. Мне известно, что твой поверенный в Александрии ворует половину всех поступлений. На его месте Кирилл брал бы у тебя только честный процент и, учитывая его большой опыт в обменном деле, оставалось бы ещё немало. А кроме того, мой друг умеет быть благодарным: если поможешь ему вернуться на родину после долгого изгнания, он сам с лихвой возместит тебе расходы на его приобретение.

— Хозяин, но ты ведь не станешь помогать фальшивомонетчику! — возмутился Парис.

— Подумай, Аврелий, мне кажется, это неплохое предложение, — посоветовала Помпония, в то время как оба александрийца тоже пустили в ход всё своё красноречие, желая убедить упрямого патриция.

Управляющий с печальнейшим видом направился к двери: ведь их было трое против его одного, и хозяин, как всегда, примет их сторону.

— Ну ладно, Кирилл может остаться, — решил сенатор, и Парис отступил, поджав хвост. Разве честность когда-нибудь вознаграждают!

— Подожди, Парис! — окликнул его Аврелий. — Признаю, что был слишком невнимателен. Отныне и впредь эта печать всегда будет у тебя, и я уверен, ты отлично сохранишь её.

Управляющий изумился и не поверил своим глазам: хозяин протягивал ему ключ от сейфа, который, согласно древней традиции, могли беречь только отец семейства или его законная супруга.

Ни один слуга никогда ещё не удостоивался такого доверия...

Бесконечно честный вольноотпущенник разволновался.

— Если его у меня и отберут, то лишь через мой труп, — заверил он. Потом с огромным уважением принял большой ключ и, гордо выпрямившись, прошёл мимо униженного соперника, не удостоив его даже взглядом.

«И никаких больше мелких краж, никакого принудительного заимствования!» — подумал Кастор, кипя злостью. Этот святоша Парис, прямолинейный, как Фламиниева дорога⁷², скорее позволит снять с себя кожу, чем откроет сейф. Может быть, однако, если немного повезёт...

— Пойдём, отметим, — предложил он старому александрийскому другу. — Выбирай таверну!

⁷² Фламиниева дорога — важная римская дорога, которая вела из города на север, в сторону Аримина (Римини). Строительство её начал в 220 г. до н. э. цензор Гай Фламиний.

— О, лучше ты! — возразил Кирилл. — Но только не к Афрании.

— А что там не так? Говорят, напитки у неё подают очень даже хорошенькие и услужливые девушки, — заметил Кастор.

— Вот именно. Там бывает слишком много народу, в том числе и родственники Корвиния, мне не хотелось бы встречаться с ними после того, что произошло.

— Ты имеешь в виду Николая? Не волнуйся, ему сейчас есть о чём думать, кроме тебя, — успокоил его Кастор.

— Нет, я имел в виду Оттавия, его молодого зятя. Он часто бывает там из-за служанок. Они буквально сходят по нему с ума, все вздыхают по его чёрным глазам, — заявил Кирилл, и Кастор с Аврелием, услышав это, в растерянности переглянулись.

XVII

ЗА ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

Аврелию приснился странный сон.

Накануне вечером он принёс в комнату все книги из своей библиотеки, в которых говорилось о культе Великой Матери, и настолько погрузился в их изучение, что просидел над ними почти до рассвета, даже не заметив, как пролетело время.

Жестокие ритуалы в честь Богини — наконец он убедился в этом — не имели ничего общего с некромантией, которой почитатели Кибеллы и сами боялись как огня, поэтому трудно было допустить, что одна та же рука спрятала изображение Великой Матери в постели Испуллы и проткнула иглой восковую куклу.

Придя к такому выводу, патриций постарался как можно больше узнать о ритуалах Богини и с трудом восстановил историю чёрного камня, стараясь прочитать между строк то, о чём официальные историки остерегались упоминать.

Прежде всего, выяснилось, что римляне отправились за святыней не в Пессинунте⁷³, как ошибочно писал в своих трудах Тит Ливий,

⁷³ Античный город во Фригии. Важнейший в Малой Азии религиозный центр. По свидетельству Страбона, здесь было основано святилище анатолийской Богини Матери. Сейчас территория города представляет собой пустынное место недалеко от Анкары.

а в Пергам⁷⁴, где Атталиды установили камень в специальном храме Метрун. Это происходило во времена Пунических войн, и присутствие Ганнибала на полуострове необычайно пугало суеврных плебеев.

Когда враг стоит у ворот, для подавления паники мало традиционных богов, которым достаточно нескольких хорошо поджаренных жертв. Чтобы унять суеврный страх плебса, нужно предложить его вниманию какое-нибудь новое впечатляющее восточное божество, которое, несомненно, избавит Рим от гибели, прежде, чем обезумевшие от ужаса жители выберут другой путь к спасению...

И вот уже пророчествует сивилла и требует перенести святыню в Рим: указание снабжено пометкой *ad hoc*⁷⁵, которая оправдывает срочную необходимость. По договору с царём Пергама священное изображение забирают в обмен на политический союз.

Тут же происходит и чудо матроны Клавдии, через которую богиня проявила свою силу и могущество. Вот она с помощью одного лишь

⁷⁴ Античный город в исторической области Мизия на западе Малой Азии, бывший центр влиятельного государства династии Атталидов. Основан в XII в. до н. э. выходцами из материковой Греции. В 283—133 гг. до н. э. — столица Пергамского царства.

⁷⁵ Латинское выражение, означающее «специально для этого», «по особому случаю». Как правило, обозначает способ решения специфической проблемы или задачи, который невозможно приспособить для решения других задач и который не вписывается в общую стратегию решений, составляет некоторое исключение.

собственного пояса снимает с мели судно, везущее изображение Матери Кибелы.

И вот уже Аврелию видится статуя богобоязненной Клавдии такой, какой запомнилась в храме Великой Богини несколько дней назад: фигура на фоне распахнутой двери часовни, а над ней тревожно нависает тень чёрного камня.

Неожиданно мрамор словно оживает, и скромно опущенные глаза добродетельной матроны вдруг открываются и смотрят на Аврелия с коварным блеском. В то же мгновение женская рука с волшебным поясом, влекущая судно, чтобы вывести его на открытую воду, удлинняется и неумолимо тянется к нему, превращаясь в змею, которая целиком обвивает его руки и ноги, так что он не может и шелохнуться. Матрона смеётся, но это уже не Клавдия, а Камилла...

— Хозяин, проснись! — внезапно окликнул его Парис. — Нужно встать, хозяин! Аррианий умер, и Оттавий просит тебя прийти к нему!

Патриций протёр глаза и, сонный, посмотрел на щель под дверью: свет еле пробивался, значит, солнце только-только взошло. Сколько же он спал? Час, наверное, самое большее два.

Героическим усилием воли он поднялся с постели. Раб подал таз с водой, чтобы омыть лицо, и он раскинул руки, ожидая с закрытыми глазами, что служанки оденут его с ног до головы.

Он ещё не до конца проснулся, когда заботливая Виллида отёрла ему лицо, обернула его обнажённые бёдра льняной набедренной повязкой, настолько прохладной, что он вздрогнул, словно от холодного прикосновения рептилии, которая

только что снилась ему. Но вот уже Нефер надевает на него тунику, Гайя накидывает плащ, Иберина шнурует сандалии. В несколько мгновений патриций был готов, превосходно одет и мог направиться к паланкину.

И лишь выйдя из полумрака спальни на яркий свет в перистиле, Аврелий полностью осознал ту новость, которую ему только что сообщили. Выходит, с самого начала убить намеревались Арриания, а смерть Лучиллы оказалась всего лишь трагической ошибкой.

Нубийцы бегом отправились в путь, и вскоре сенатор Стаций вошёл в атриум Арриания.

Убитый горем Оттавий поспешил ему навстречу.

— Я только что нашёл его. Стучал к нему в комнату некоторое время, но не услышал ответа, поэтому пришлось сломать дверь. Он лежал вытянувшись на кровати со спокойным выражением лица, словно мирно спал... Но он был убит, я в этом совершенно уверен! Не зная, что делать, решил позвать тебя, сенатор, — запинаясь, говорил он.

Аврелий молча подождал, пока юноша успокоится. Оттавий, размышлял он, слишком впечатлительный и слишком неосторожный. Рано или поздно, столкнувшись с какой-нибудь серьёзной трудностью, он может утратить контроль над собой.

— После нашего разговора в термах, — заговорил молодой человек, — я попросил его показать мне письма, о которых ты говорил, и, честно говоря, они не слишком напугали меня. Но вчера

вечером перед тем, как лечь спать, Аррианий нашёл на пороге у входной двери ещё одно... Вот оно, — и он протянул патрицию очередное послание.

«Теперь и Аррианий мёртв... Элий».

Это было написано тем же неповторимым детским почерком.

— Он сообщает о преступлении заранее, понимаешь? Этот негодяй настолько уверен в себе, что даже захотел помучить жертву, прежде чем убить! И в самом деле, прочитав записку, учитель так побледнел и испугался, что у него даже зубы застучали. Он сказал, что не сможет больше никому доверять, даже мне. Он так кричал... Я никогда ещё не видел его в таком состоянии. Отказался пить отвар, который я приготовил ему, и заперся в своей комнате, прихватив джару⁷⁶, чашу и кувшин с горячей водой. Его трясло с головы до ног!

— Спорю, что джара, чаша и кувшин уже вымыты, — предположил Аврелий, не ожидая другого ответа.

— Нет, я сам позаботился спрятать в надёжное место джару с вином и чашу, как только увидел сегодня утром тело учителя, — возразил молодой человек.

— Покажи-ка мне их, быстро! — велел сенатор. И Оттавий провёл его в кладовку. Здесь, сняв с шеи ключ, он открыл небольшой висящий на стене шкафчик.

⁷⁶ Джара — глиняный кувшин с двумя ручками и конусообразным дном.

— Они тут. Я сразу поместил их сюда и не велел никому трогать.

— А куда делся кувшин с водой?

— Я сам случайно выпил её сегодня утром. Когда увидел тело Арриания, мне стало так плохо, что я невольно отпил прямо из кувшина, даже не наливая в чашу. Правда, сделав несколько глотков, вдруг подумал: а вдруг учителя отравили именно этой водой. Я так перепугался, что весь похолодел, ноги отказали, и просто рухнул на пол... Я испугался, что больше уже не встану. Но прибежавший слуга сказал, что тоже пил из этого кувшина накануне вечером, желая убедиться, что вода достаточно тёплая. И тогда я буквально ожил: кровь опять побежала по венам, и жуткое ощущение надвигающейся смерти прошло. Это страх парализовал меня!

«Впечатлительный парень», — решил про себя сенатор и, взяв чашу, понюхал её. Если бы речь действительно шла о яде, то исключив воду, оставалось предположить, что он был подмешан в вино.

Он обнюхал чашу, закрыв глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и ощутил незнакомый запах, который даже его очень чувствительные ноздри не смогли определить. Тогда он поцарапал ногтём шероховатое дно бронзовой чаши и заметил подозрительный, смешанный с густым винным осадком, какой-то другой — беловатый. Это изучит Иппаркий, решил он и обратился к юноше, смотревшему на него:

— Тебе повезло, что пил воду прямо из кувшина. Если бы налил её в чашу, то, скорее всего, ничего не рассказывал бы мне сейчас.

— Не может быть! Эту чашу вымыли вчера вечером как раз перед тем, как Аррианий выбрал её наугад из пяти точно таких же посуды, — проговорил Оттавий, изменившись в лице.

Ещё раз внимательно осмотрев чашу, Аврелий опустил её на стол и взял в руки амфору — по сути обыкновенный глиняный сосуд, но не с плоским, а с конусообразным дном, которое позволяло без труда переносить и перевозить его, а когда нужно было поставить, использовалась специальная металлическая подставка.

На выпуклом боку читалось имя производителя — Эремионе — и название вина — Цекубо. Ещё ниже обозначались место и год розлива — «В Амikle у Фонди — Консоли Папиний Аллие-но и Квинто Плавций...»

«Всего лишь девятилетней выдержки», — поморщился сенатор, бережливый ритор явно не баловал себя дорогими винами.

— Амфора была открыта, когда её принесли в комнату? — спросил Аврелий, ожидая, что так оно и окажется.

— Нет, была плотно запечатана, — покачал головой Оттавий. — Вот это и приводит меня в замешательство. Яд мог быть только в чаше, но единственный, кто мог положить его туда, это я! — сильно встревожившись, проговорил молодой человек.

«Да, — размышлял Аврелий, — ритор, как и его дочь, тоже встретил смерть в запертой

комнате. Без свидетелей. На этот раз, однако, не будет сомнений в том, кто виновник».

— Мой молодой друг, — заговорил патриций, — думаю, на тебя обрушатся сейчас очень большие, просто огромные неприятности!

— Ты полагаешь, меня арестуют? — неуверенно спросил Оттавий.

— Боюсь, что да, — не скрыв своего мнения Аврелий.

Юноша опустил голову, подавленный, даже не реагируя.

— Всё было слишком прекрасно: свадьба, усыновление, школа, — проговорил он, с трудом сдерживая слёзы.

— Ещё не сказано последнее слово. Давай хорошенько осмотрим эту амфору, — предложил Аврелий.

Горлышко сосуда было не залеплено гипсом, а закупорено лишь пробкой, поверх которой наложена восковая печать с клеймом производителя.

Внимательно рассматривая пробку, Аврелий надеялся обнаружить что-нибудь странное, и, наконец, ему показалось, что на ней имеются какие-то крохотные, одинаковые отверстия, не похожие на естественную пористость пробки. Он решил, что лучше рассмотрит всё дома с помощью лупы, которую велел специально выточить из горного хрусталя.

— Это я заберу с собой, — сказал он, указывая на амфору и чашу. — Ты говорил, что Аррианий вчера вечером был очень взволнован... — обратился он к юноше, который,

похоже, окончательно понял, насколько шатким оказалось его положение. Стража не станет долго размышлять, а тут же отправит его в цепях в Мамертин, и его прекрасные чёрные глаза, по которым так вздыхала Лучилла, конечно же, не растрогают палача.

— Да, но я подумал, что он преувеличивает свои опасения, и не стал его слушать, — ответил Оттавий. — Однако он оказался прав. Во всём. Лучилла и Испулла тоже убиты, пусть и по ошибке, как и сообщалось в письмах!

Аврелий вскинул бровь, не очень убеждённый этими соображениями. Иппаркий был готов поклясться, что Испулла Камиллина скончалась естественной смертью, от старости, а греческому врачу можно было доверять с закрытыми глазами. Значит, что бы ни предсказывали эти послания, один из трёх случаев смерти нельзя считать убийством.

— Я не поверил ему, не сумел защитить его. И я отвечаю за это! — воскликнул юноша, не в силах больше скрывать охватившую его тревогу.

— Если только не ты сам подсыпал яд в вино. В противном случае ты ни в чём не виноват, — рассудил Аврелий, в глубине души надеясь, что юноша сумеет подавить свои, пусть и благородные, но совершенно бесполезные порывы. Что толку от них в подобной трудноразрешимой ситуации?

— Конечно же, решат, что это я убил его. И только ты, сенатор, можешь спасти меня! С Аррианием я потерял всё: отца, учителя, кол-

легу... — простонал Оттавий, схватив патриция за руку.

Аврелий счёл этот произвольный жест чересчур доверительным. Была ли это искренняя, взволнованная просьба о помощи или ловкая игра опытного актёра, задумался он, ощутив некоторую неприязнь от прикосновения горячих пальцев.

— И любовника, — холодно уточнил он, отнимая руку.

— Я нисколько не стыжусь этого, — подняв голову, с гордостью произнёс юноша.

— Трогательно! Но хотел бы я знать, как согласуется эта большая любовь с визитами к Афрании? Удивительно, что, питая такие глубокие чувства к Аррианию, стоило ему лишь на минуту отвлечься, как ты отправлялся в таверну развлекаться со служанками. Твой случай и впрямь необычный. Я знаю нескольких мужеложцев, которые выдают себя за дамских угодников, желая спасти свою репутацию, но тут впервые сталкиваюсь с совершенно противоположным явлением, — едко заметил Аврелий.

— Чтобы понять, как такое возможно, надо было знать учителя, — возразил Оттавий. — Это был выдающийся человек, но ужасный эгоист. Аррианий требовал от меня полнейшего подчинения и преданности, а не просто физической близости.

— И ты решил во всём потакать ему, лишь бы снискать его благоволение. При всех твоих идеалах на самом деле ты всего лишь самый

обыкновенный амасио⁷⁷ — с презрением произнёс Аврелий.

— Обманывая Арриания, я делал его счастливым, — оправдывался юноша.

— Не сомневаюсь. Что-что, а лгать ты умеешь, судя хотя бы по тому спектаклю, который устроил мне в термах.

— Но ты ведь поверил, верно? — ответил Оттавий, несколько не обидевшись. — Я лгал, это верно, но я никому не причинил зла, — добавил он, стараясь заглянуть в глаза сенатору.

— И в самом деле, Оттавий, как обманщику тебе нет равных. Честное, открытое лицо, искренний взгляд, облик славного прилежного парня без тараканов в голове, — усмехнулся патриций.

— А ты не находишь, что я и в самом деле честный человек, несмотря на этот маленький спектакль? — вполне серьёзно ответил Оттавий. — Иногда приходится кое-что исказить ради всеобщего блага.

— Возможно. Но прежде чем поверить тебе, я должен выяснить, только ли лжец ты, или ещё и убийца!

— Ты прекрасно знаешь, что я не убийца, — убеждённо заявил Оттавий. — О моём поведении можно спорить, согласен, но не думай, будто все эти годы были для меня лёгкими. Я чтил Арриания как учителя и учёного, питал к нему глубокое уважение и безграничную благодарность, но физически он был мне

⁷⁷ Любовник мужчины.

противен. Мне хотелось жить как все другие молодые люди: участвовать в праздниках, ухаживать за девушками. Но я никогда не мог позволить себе открыто проявить симпатию к женщине, иначе потом пришлось бы крепко расплачиваться за это. Нет, Аррианий не угрожал, что отправит меня обратно в родные горы, в Бруццио, нет. Он смотрел на меня пристально, с немым упрёком в глазах, и я, видя, как он страдает, и сам так огорчился, что принимался утешать его. Я не решался сказать ему правду, это было бы слишком сильным потрясением для него. И тогда я время от времени отправлялся к Афрании и брал там за несколько ассов какую-нибудь девицу... Но я уже давно не делал этого и с нетерпением ожидал свадьбы с Лучиллой, желая положить всему конец. Думаю, что после свадьбы отношения с Аррианием изменились бы, я надеялся, что они улучшатся, станут нормальными, как у тестя и зятя, отца и сына. А наш секрет так и остался бы для всех секретом. Со смертью Лучиллы, напротив, всё окончательно расстроилось. Аррианий с каждым днём становился всё подозрительнее и всё больше давил на меня. Представь, вчера вечером он набросился на меня ещё прежде, чем вскрыл письмо, и мы поссорились из-за той нашей с тобой встречи в термах.

«О боги, это уже слишком!» — простонал про себя Аврелий.

— На твоём месте я не стал бы говорить об этом слишком громко, Оттавий. Для тебя это становится отличным мотивом для убийства.

— Если бы только Лучилла не умерла... Всё пришло бы в норму, я уверен!

— Это тебя вполне устроило бы, и только поэтому ты сожалеешь о ней, — заявил патриций, вспомнив, как эта стеснительная девушка призналась, как сильно она любит Оттавия.

— Ты строг со мной, но и справедлив. Я использовал чувство моего учителя, это верно, и любовь Лучиллы тоже... Но у других людей, чтобы добиться успеха в жизни, есть звучные имена, деньги, друзья, а у меня была только моя умная голова и красивые глаза.

— Все эти жертвы оказались напрасными, как мне кажется, — заключил Аврелий. — Ритор был практически разорён.

— У меня никогда не было стремления обогатиться. Мне хотелось только учиться, и это более или менее удалось. И если бы я мог доказать свою невиновность, у меня осталась бы школа.

— Ты очень ловко изгнал из неё бедного Панеция.

— Знал бы ты, как я завидовал ему поначалу. Почитаемый и уважаемый, он с важностью расхаживал среди учеников, а я в это же время был уборный. Поэтому я и не удержался от желания унижить его, но это оказалось ошибкой: я нажил себе врага и теперь не нахожу смелости признаться ему, что его опыт был бы мне очень полезен. Может, ты поговоришь с ним...

«Ничего себе! — вспыхнул Аврелий и с горечью подумал: — Молодёжь, жадная до жизни, с безмозглой беспечностью топчет чужие чувства, уверенная, что потом достаточно быстрень-

ко признать свои ошибки, и всё станет на свои места».

— Ты слишком беспокоишься о школе, Оттавий. Лучше бы позаботился о том, как защититься от обвинения в отцеубийстве. Первый вопрос, который возникает при любом преступлении *сui prodest* — «Кому выгодно?», «Кому это на пользу?» И нет сомнения, что смерть риторы выгодна главным образом тебе.

— И это тоже неверно, — возразил юноша. — Будь жив Аррианий, я мог бы, опираясь на его авторитет, заставить остальных учителей принять необходимые перемены. А теперь никто больше не поддержит меня, не защитит. — Потом, видимо понимая, как слабы его доводы, молодой человек взглянул на сенатора, и в глазах его промелькнул страх. — В это трудно поверить, понимаю. В глазах всех я — единственный, кому выгодна эта смерть, и единственный, кто имел возможность совершить убийство.

— Это всё ещё нужно доказать. Кстати, не знаешь ли, бывал у вас в доме Панеций в последнее время? — спросил сенатор.

— Понятия не имею, надо спросить слуг. Но знаю, что Аррианий вчера принимал Камиллу с мужем.

— И Николай, конечно же, сопровождал их?

— Да, мой деверь шагу не делает без этого молчаливого великана.

— Как наследнику риторы тебе придётся отныне часто иметь дело с банкиром, — заметил Аврелий.

— Знаю, Аррианий должен был ему кучу денег.

— Теперь это твоя головная боль. Что собираешься делать?

— Трудно сказать. Пока жив был учитель, обо всём этом думал он, я плохо разбираюсь в делах. Однако есть ещё фонды в Перузии, которые принадлежали Испулле Камиллине. Этот шакал Корвиний требовал их в счёт долга, но Аррианий пропускал его слова мимо ушей, надеясь перебраться туда в старости. Я без всяких колебаний предложу банкиру переписать их на себя, чтобы закрыть долг, если он всё ещё хочет этого, и постараюсь как можно быстрее освободить дом. Я привык обходиться малым и преспокойно проживу в какой-нибудь съёмной комнате. Но боюсь, что эта старая лиса меня обманет.

— Лисы не рождаются старыми, Оттавий, и ты не настолько наивен, каким хочешь казаться. Я уверен, тебе удастся придумать какую-нибудь хорошую историю, чтобы убедить Корвиния, — посмеялся Аврелий, не собираясь принимать участия в этом деле.

— Значит, отказываешься помочь мне? — спросил юноша.

— Нет, но предпочитаю не касаться некоторых дел.

— Будешь искать убийцу Арриания, верно? Мне очень жаль, что всё так получилось, но рано или поздно я оставил бы его, как много лет назад расстался с моим родным отцом...

— А с ним что случилось?

— Он скончался вскоре после того, как я уехал в Рим, и моя мать вышла замуж за вольноотпущенника из семьи Аттиев. Этот брак понизил её социальный статус, но мы, хотя и римские граждане, находились на грани нищеты, в то время как у моего отчима имелось кое-что за душой. У них родилось двое детей, потом скончалась и мать. Я никогда не видел моих сестёр. Семья Арриания была моей единственной настоящей семьёй.

— Немного необычно, пожалуй...

— Но именно этого мне и хотелось. Когда ритор слышал, как я, убирая мусор, подсказываю ученикам верные ответы, и похвалил меня, я понял, что это счастливый случай в моей жизни, который никак нельзя упустить. Мои мечты осуществились. Я читал Гомера, Гесиода, Ксенофонта. И никакая цена не казалась мне слишком высокой...

— И ты переехал в дом к Аррианию, в дом, где уже были, однако, две молодые красивые девушки, которые могли увлечь любого мужчину...

— Я должен был во что бы то ни стало избежать этого. Ещё и поэтому я стал заглядывать к Афрании. Я всегда с уважением относился к дочерям Арриания, и мне удалось повести себя так, что он поверил, будто я женюсь на Лучилле только для того, чтобы порадовать его.

— Камилла, между тем, была очень равнодушна к тебе.

— Да, я заметил это и старался держаться от неё подальше, хотя она мне очень нравилась, вернее, именно поэтому. Камиллу уже обещали

в жёны Корвинию, и самое последнее, о чём я мог думать, это огорчить Арриания. Узнай, кто убил его, Аврелий, или я не смогу взять его имя и наследство. Обещаю тебе, что отныне и впредь постараюсь жить более достойно.

— А тебя не устроило бы, напротив, чтобы вся эта история просто утихла? Ты главный подозреваемый, но если бы дело ушло в архив как несчастный случай...

— Я должен оставить безнаказанной смерть человека, которому обязан всем? — вспыхнул юноша. — Не ожидал от тебя такого совета, сенатор!

— А я и не ожидал, что ты согласишься! Ладно, идём дальше. Я позову Иппаркия, чтобы он осмотрел тело, кувшин и чашу. И я предпочёл бы, чтобы ты не присутствовал при этом.

— Я сейчас же уйду, в библиотеку Азиния Поллиония, буду писать речь, которую произнесу на похоронах. Но вскоре сюда придут либитинарии⁷⁸.

— Не беспокойся, я встречу их.

— Вале, сенатор, и спасибо! — улыбнулся юноша с порога и отправился в читальный зал.

Он казался спокойным и жизнерадостным, словно передал дело в надёжные руки. Эта его слепая уверенность не столько польстила Аврелию, сколько расстроила.

Сумеет ли он оправдать её?

⁷⁸ Labitinarii (лат). — могильщики, работники похоронной конторы.

XVIII

ЗА ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

Следующее утро патриций снова провёл задумчиво сидя в таблинуме.

Обыск в доме Арриания принёс хорошие плоды. Иппаркию достаточно было только сунуть нос в винный кувшин, как он сразу определил, что в нём содержалось ядовитое вещество.

Даже спокойное выражение на лице покойного лишь сильнее подтвердило подозрения врача: голубой горный цветок, который жители долины называли аконитом или волчьим корнем, использовали как снотворное и успокоительное средство. Но стоило чуть-чуть увеличить дозу, как он отправлял человека в Аид.

К тому же, если внимательно осмотреть пробку кувшина в лупу, то можно было увидеть на ней крохотные искусственные отверстия, которые кто-то, не желая ломать печать, просверлил. Аврелий попробовал сделать то же самое с другим кувшином, запечатанным воском, и постепенно, запасшись большим терпением, сумел ввести в герметично закупоренный сосуд постороннюю жидкость.

Оттавий, следовательно, был не единственным, кто мог отравить вино, потому что кувшин был приобретён три дня назад, и за это время кто угодно мог добавить туда яд. К сожалению, за этот короткий промежуток времени в доме Арриания побывало немало людей: Камилла,

Корвиний, Николай и даже Панецкий, долго оставшийся в таблинуме, где приводил в порядок школьные документы, чтобы передать их новому директору...

Нельзя было, конечно, исключить и самого Оттавия, жившего под одной крышей с жертвой.

Так что расследование только ещё начиналось. Теперь патриций мог обследовать любой угол в доме Арриания. Он воспользовался отсутствием нового хозяина и тщательно осмотрел комнату Лучиллы, долго изучая содержимое небольшого ларца, который до этого уже не менее внимательно обследовала Помпония.

Среди тысячи разных пустяковых безделушек он вдруг обнаружил пустой футляр от папирусного свитка. Может, в нём лежало то самое тайное нравственное завещание, которое, как объяснила девушка, она написала некоторое время тому назад?

На всякий случай Аврелий захватил с собой футляр, спрятав его в складках тоги. А потом заметил в углублении в стене, служившем полкой, старинный текст Сульпиции⁷⁹, который, судя по тому, как обветшал папирус, не единожды перечитывали.

Выходит, в уединении, в своей комнате, Лучилла, серьёзнейшим образом занимавшаяся математикой, получала удовольствие от любовной лирики, к тому же женской, и, может быть,

⁷⁹ Сульпиция Руфа (I век до н. э.) — единственная известная женщина-поэтесса республиканского Рима. Считается, что она имела привилегию вместе с мужчинами и наравне с ними обсуждать вопросы культуры.

предположил сенатор, в этом футляре с потёртой тканью лежала книга стихов, а не завешание...

Тем временем Иппаркий внимательно исследовал труп Арриания. Он самым тщательным образом осмотрел всё, не пропустив ни малейшей детали: ни внутреннюю сторону век, ни самые потаённые отверстия.

Старательно изучив все части тела, Иппаркий в конце концов покинул дом, унося тяжёлый кошель, сожалея только о том, что не мог препарировать труп, как это обычно делали его коллеги в Александрии.

Вскоре после этого Аврелий поручил тело либитинариям. Да, Филомену они знали очень хорошо, она работала в похоронной конторе, что за Капенскими воротами, но омыть Арриания не придёт, потому что занимается только женскими трупами. А в случае с мужчинами это делают мужчины. Нет, никто не мог так умело — на благо родственникам — стереть с лица покойных ужас самой смерти.

Но была и другая, поистине неоценимая и весьма востребованная услуга, которую чаще всего оказывала Филомена, — она умела молчать о том, что видела...

Патриций, хоть и усомнился в хвалебном описании знаменитой плакальщицы, в который уже раз пообещал себе допросить её. Если она поможет установить, когда именно умерла Лучилла, то, возможно, это позволит разрешить загадку, которая становилась слишком сложной.

На этот раз расследование останавливалось не из-за недостатка улик, а, напротив, из-за их

избытка. Следовало освободиться от всех ложных свидетельских показаний и доказательств, сбивавших с толку, таких как несбывшиеся устремления, эротические мечтания, безответная любовь, банковские обманы, письма с угрозами, волшебные амулеты...

Он просмотрел три письма от Элия, которые отдал ему Оттавий, потом обратил внимание на талисманы. Надо начинать с них.

Парис отсутствовал, выполняя одно его поручение, и, очевидно, скоро вернётся... И тут Аврелий услышал доносящийся из атриума какой-то кудахтающий голос. Кастор, ухаживавший в эту минуту за новой смотрительницей senatorского гардероба, сразу узнал его и, невероятно встревожившись, поспешил посмотреть из-за портьеры.

— Боги Олимпа! Это она! Уже некоторое время я только и делаю, что придумываю разные предлоги, лишь бы не встречаться с ней... Можно узнать, что, по милости Зевса, Наннион делает в нашем доме? — с волнением спросил он Аврелия.

— Живёт здесь. Я велел Парису купить её. У Оттавия дела идут неважно, и он рад избавиться от лишней служанки.

— Но ты не можешь держать её тут, господин, она сделает мою жизнь невыносимой! — в смятении вскричал грек.

— Мы обещали ей, Кастор, помнишь? Ну, успокойся, иди и позови девушку сюда. Мне нужно кое о чём расспросить её.

— Ни за что! Скажи ей лучше, что редко видишь меня, потому что дал невероятно сложное поручение, а я ускользну с другой стороны дома! — и вольноотпущенник исчез.

Через минуту управляющий ввёл Наннион, служанку Лучиллы. И странное дело, Парис не чихал, не сотрясался от жутких приступов кашля, пропала даже неизменная капелька на кончике носа, и, что было уж совсем невероятно, он улыбался!

— Я привёл девушку, господин, — радостно сообщил он, осторожно отодвигая портьеру таблинума. — Входи, дорогая, — пригласил он её с таким же почтением, с каким этот строгий блюститель классического этикета обращался к высоким аристократам.

Наннион, как всегда неловкая, споткнулась на пороге и сразу же направилась к шаткому стулу, подарку Помпонию.

— Нельзя сидеть в присутствии хозяина, малышка, пока он не разрешит тебе, — мягко предупредил её управляющий.

Аврелий вскинул бровь, не веря своим ушам. Многие граждане и не самого низкого сословия не раз получали от Париса строгие замечания только за то, что прислонялись к стене в присутствии сенатора...

Девушка сразила его, в этом не было никакого сомнения. И, наверное, Кастор решит свою проблему гораздо быстрее, чем думает!

— Разрешаю. Садись, — неосторожно предложил патриций.

Наннион так плюхнулась на хрупкий стул, что его тоненькие ножки подкосились, и она вместе с ним рухнула на пол, а драгоценное розовое дерево разлетелось на куски.

— Ох, мне очень жаль, — проговорила перепугавшаяся служанка. — Слава богу, это какой-то совсем уж неказистый стул и, наверное, стоил недорого...

— Ничего страшного, дорогая. За пару лет работы и за приличные деньги резчики Родоса, несомненно, создадут другой такой же, — успокоил её Аврелий, знаком велел Парису помочь неловкой служанке подняться, и принялся молча рассматривать её, чтобы внушить ей священный трепет. Наннион в смущении огляделась и тут же нашла безмолвную поддержку в восхищённом взгляде управляющего.

— Наннион, я должен задать тебе крайне серьёзный вопрос, — нахмурившись, произнёс, наконец, сенатор. — Для чего ты спрятала амулет Беса в постели Испуллы Камиллины в то утро, когда её нашли мёртвой?

— Ох, но это вовсе не Бес! — поспешила объяснить неразумная девушка, сразу же попав в ловушку. — Это оберег Великой Матери. Один кастрированный жрец богини Кибелы объяснил мне, что её уже тысячи лет изображают с такими огромными грудями и животом, как у беременных женщин. Ведь она отвечает за плодородие земли и всех женщин.

— Значит, это всё-таки сделала ты. А зачем? Дай-ка я угадаю... Спорю, что ты боялась старухи,

а мёртвой ещё больше, чем живой, — предположил патриций.

Наннион сглотнула, вытаращила глаза и в отчаянии затараторила:

— Хозяин велел мне весь день оставаться рядом и следить за ней, потому что старуха была уже не в себе. Но она всякий раз, как только замечала, что смотрю на неё, сердито прогоняла меня и называла шпионкой. «Уходи отсюда! — орала она. — Иначе, когда умру, приду и оторву тебе ноги!» Можешь себе представить, как я испугалась. А потом я раздобыла вот этот талисман.

— Наверное, он очень сильный, — заметил Аврелий, подыграв ей.

— Конечно. Он был окроплён жертвенной кровью, а потом его трижды пронесли над священным пламенем богини. Жрец советовал всегда держать его при себе, пока старуха жива, а потом, когда умрёт, подложить к ней. Тогда её призрак не сможет меня мучить.

— Вот как? Интересно, и сколько же тебе пришлось заплатить за него? — спросил Аврелий, который уже побеседовал об этом с одним из священнослужителей Кибелы.

Кастрированный священник сразу узнал грубый амулет, найденный в постели Испуллы, и признал, что его можно было купить в храме за десять сестерциев. А увидев восковую куклу с воткнутой в сердце иглой, он ужаснулся:

— Колдуньи, почитательницы богов Аида, злейшие враги Великой Богини, — прокаркал он, необычайно обиженный, — потому что служат

мрачным силам смерти, а Великая Мать — это возрождение жизни...

— Денег у меня не было, но я хитрая! Я попросила дать амулет в обмен на... — заговорила девушка и вдруг, что называется, прикусила язык.

Аврелий с насмешкой посмотрел на неё, и Наннион задрожала.

— На нефритовую брошь? — продолжил патриций с мрачным видом. — Среди драгоценностей Лучиллы как раз не хватало такой.

Служанка в ужасе захныкала:

— Хозяйка не раз говорила, что со временем подарит её мне, и когда она умерла, я подумала, что в Эребе ей уже ничего не нужно, вот и взяла...

Честный Парис нахмурился.

— Это нехороший поступок, — серьёзно произнёс он, — но наш хозяин очень снисходительный и на этот раз не накажет тебя, — заключил он, одной фразой свершив и суд, и отпущение греха.

— А об этом что-нибудь знаешь? — спросил Аврелий, решив показать ей и восковую куклу с пронзённым сердцем.

— Святая Артемида! Это же чёрное колдовство Фессалии, — заскулила служанка. — Это не амулет, это сглаз, порча! Выбрось её, выбрось скорее! — завопила она во весь голос. И кричала ещё долго, словно курица, за которой гонится лиса, пока Парис не позаботился увести её, заботливо поддерживая.

Ну, ладно, история с идолом Великой Матери нашла простое объяснение. Хотя ещё оставалась

история восковой куклы. Патриций, смирившись, вздохнул. Продолжая в том же духе, он станет знатоком восточных обрядов и колдовских ритуалов. Именно он, не верящий даже в безмятежных и безобидных олимпийских богов...

Что ж, теперь нужно освободиться от всех этих нездоровых вымыслов и заняться более серьёзными вещами — письмами с угрозами. Это единственный путь, который может привести к убийце.

Между тем из Нуманы, прибыл, наконец, ответ, которого Аврелий ожидал. Как он и предполагал, один из членов семьи Элиев никогда не покидал столицу. Патриций повертел в руках послание, которое принёс почтовый голубь.

Теперь он знал, чья рука написала эти загадочные письма. Человек, сочинивший их, ненавидел Арриания настолько, что угрожал ему смертью. И Аррианий был убит.

— Это он? — спросил Аврелий вошедшего Кастора, а следом за ним нубийцы втолкнули в комнату связанного человека.

— Забрать его оказалось немного легче, чем мы думали, господин. Корвиний и не пытался возражать. Более того, казалось, был счастлив, что уводим его. А вот притащить его сюда стоило немалого труда, — сказал вольноотпущенник, толкая вперёд огромного пленника.

Николай был мрачен, словно бог подземного мира, и верёвки, что стягивали его бицепсы, казалось, лопнут от напряжения могучих мускулов.

— Оставьте нас одних, — велел Аврелий. Грек насторожился: ведь это он раздобыл улики, которые привели к аресту, и теперь совершенно не собирался в самый интересный момент оказаться в стороне от расследования.

— Выйди и ты! — настойчиво потребовал хозяин.

— Я не могу оставить тебя одного с этой горой плоти, — ответил вольноотпущенник. — К тому же ведь сейчас речь пойдёт о разных хитростях, обманах и мошенничествах, а кто лучше меня разбирается во всём этом!

— Молодец, Кастор, отправляйся сейчас же к кормилице Квартиллы и доложи мне, хорошо ли она выполняет свои обязанности, — приказал Аврелий и закрыл дверь перед носом секретаря прежде, чем тот смог возразить.

И уже через минуту, убедившись, что никто не подслушивает, сенатор обратился к мрачному меняле:

— Ну, вот мы и встретились, Николай. Или предпочитаешь, чтобы я называл тебя Элием, как твоего брата?

— Я уже давно утратил право называть себя именем моего клана, — твёрдо ответил мужчина.

— Да, это так, — согласился Аврелий. — А точнее, с тех пор, как остался в Риме, продав себя в рабство, а твоя семья уехала в Нуману после того скандала.

Николай равнодушно посмотрел на него и ничего не ответил.

— Тебе нетрудно было подделать почерк брата, — продолжал патриций. — Возможно,

воспользовался школьными упражнениями Элия. Я заметил, что письма, полученные Аррианием, слегка запачканы, как если бы кто-то скопировал их с восковой дощечки, какую используют в школе.

Раб не отрицал.

— Ты без ведома Корвиния передавал ауресы Кириллу, чтобы ловкий плут облегчал вес монет. И, должно быть, скопил немалую сумму, дожидаясь удобного случая, чтобы отомстить... Убил бы только ратора, я ещё мог бы понять, но ведь совсем уж подло — сводить счёты с невинной девушкой! Что-нибудь скажешь в свою защиту?

— А что толку? — ответил меняла. — В Риме даже свободный гражданин не добьётся справедливости в споре с теми, у кого есть деньги и высокие покровители, что же говорить о рабе.

— Но ведь ты раб лишь потому, что сам пожелал им стать, не забывай об этом. Рабство — не вина человека, не знак физической или умственной неполноценности, а всего лишь дурная шутка злой судьбы. С тобой, однако, всё совсем по-другому: как можно сочувствовать человеку, который, получив от богов бесценный дар родиться римским гражданином, отказывается от него, продаваясь за горстку монет? — с презрением проговорил Аврелий.

— Свобода — красивое слово, — горько вздохнув, заговорил Николай, — но свободой сыт не будешь, когда хочешь найти работу и вдруг обнаруживаешь, что все приличные

места уже заняты рабами. Что проку было моему отцу от того, что родился свободным римским гражданином, когда в заношенной тунике вымалывал жалкую спортулу у рабов своего патрона. И разве красивая тога с красной каймой помешала моему брату стать вымогателем? В тот день, благородный Стаций, я понял, что свобода без денег мало чего стоит. Поэтому и решил продаться в рабство, а не следовать за своей семьёй.

— А что думает об этом твой отец — плебей, это верно, и даже бедный, но всё равно римский гражданин из клана Элиев? Он гордится тем, что один из его сыновей — бесправный раб, которого могут презирать, пытаться и даже распять на кресте?

— Он не знал об этом. По крайней мере, до сих пор... — признался Николай, впервые опустив глаза.

— Если будешь откровенным со мной, никогда не узнает, — пообещал Аврелий.

— Подумать только, ведь у меня уже давно есть средства, чтобы выкупить себя, но я всякий раз откладывал этот момент...

— Чтобы продолжать и дальше обманывать твоего хозяина и его клиентов, — заключил патриций. — Жадность и поспешность погубили тебя. Пришлось отложить мщение.

— Я поймал мяч на лету: когда умерла Лучила, я подумал, что это отличный случай помучить риторы. И не удержался.

— Ты хочешь сказать, что это не ты убил девушку? — с недоверием спросил Аврелий.

— Конечно, нет! — возразил Николай. — И могу доказать это. Корвиний прекрасно знает, что я ни на минуту не оставался один в то утро, но сомневаюсь, что заступится за меня теперь, узнав, что я обворовывал его столько лет... Впрочем, я только теряю время, говоря тебе об этом. Вижу ведь, что не веришь мне.

— Послушай, мешок мускулов, уж позволь мне самому решать, верю или нет! — вскипел Аврелий, теряя терпение. — Выходит, ты написал это письмо только после того, как был обнаружен труп?

— Да, чтобы попугать немного эту скотину Арриания. Видя, что это удалось, я вскоре воспользовался и кончиной Испуллы, чтобы ещё больше нагнать страху.

— Однако в тот день, когда сопровождал Камиллу и Корвиния, ты подсыпал яд в кувшин...

На лице раба появилось выражение искреннего удивления. Патриций поразился:

— Ты же не станешь отрицать, что убил ригора?

Ошарашенный меняла покачал головой.

— Это нелепо! Я не поверю, что ты собирався смыть позор с имени умершего брата всего лишь при помощи пары писем.

— Умершего? — на какое-то мгновение злое лицо Николая расплылось в улыбке. — Элий жив-здоров и прекрасно себя чувствует. Я написал эти послания, желая припугнуть старика!

Патриций в отчаянии схватился за голову: значит, нет больше никакого юноши, неподкупного ученика, который отвергает грязные

предложения сильного учителя и кончает с собой, защищая свою невиновность.

— Мой брат — крестьянин и работает на семейной ферме в Нумане. В прошлом году женился, и у него уже родился сын, — объяснил Николай. — Конечно, если бы он выиграл это дело, его жизнь была бы куда лучше, но он и так неплохо живёт.

«Ну, это, во всяком случае, будет нетрудно проверить, — рассудил про себя огорчённый Аврелий. — Неужели Николай действительно не имеет никакого отношения к убийствам?»

— Минутку! — вдруг воскликнул он. — Дело не могло обстоять так, как ты рассказываешь, потому что третье письмо было найдено до убийства, а не после, а значит, тот, кто его написал, волей-неволей должен быть убийцей Арриания!

— Какое третье письмо? Я посылал только два.

Сенатор взял со стола папирусы и поднёс к лицу Николая.

— Их три. И все, как видишь, написаны почерком твоего брата!

— Ты хотел услышать от меня правду, Публий Аврелий, и я сказал её тебе. Я немного смошенничал с ауресами и попугал ритор, вот и всё.

— У тебя есть какие-нибудь доказательства в подтверждение этого? — спросил Аврелий, с новым вниманием рассматривая папирусы. И в самом деле, третий папирус несколько отличался: на его оборотной стороне не было никаких следов, словно его не копировали с восковой дощечки...

— Я же сказал тебе: Корвиний всё время был со мной в то утро, когда умерла Лучилла. А письмо я отнёс только вечером.

— Но что касается отравленного вина Арриания, то это другая история. Никто не может оправдать тебя.

— А вот и нет.

— Кто? В доме находились только банкир и его жена, слуг удалили как раз для того, чтобы Корвиний мог поговорить с Аррианием без свидетелей... — горячо возразил Аврелий и тут же осёкся, поскольку ситуация складывалась не очень хорошая: Камилла, такая осторожная, всегда выходившая только со служанками, верная жена с незапятнанной репутацией...

— Ты и хозяйка? — прошептал патриций, опуская глаза и с волнением думая про себя: «Ну, скажи нет, несчастный раб, отрицай всё!»

Но Николай молчал, и когда Аврелий решился взглянуть на него, то увидел, что тот опустил голову.

— Проклятый раб! — прорычал взбешённый сенатор. — И я ещё должен защищать тебя? Вон отсюда! Катись в преисподнюю!

— Подожди, сенатор! — взмолился Николай. — Не гони меня, я могу сообщить тебе кое-что интересное!

Аврелий попытался унять гнев, повторяя наставление Эпикура о том, что мудрый человек никогда не должен становиться жертвой ни гнева, ни страсти. Несколько раз сглотнув, он вынужден был признать, что до мудрого спокойствия греческого философа ему ещё очень далеко. И тогда он

глубоко вздохнул и снова заговорил с Николаем, уже почти спокойно.

— Посмотрим, что можешь предложить мне, — холодно произнёс он.

— Если бы тебе удалось избавить меня от этих обвинений... Я ведь секретарь твоего главного конкурента, и ты, наверное, понимаешь, что я хочу сказать...

— Ну, молодец! Значит, готов продать и своего хозяина, как продал самого себя!

— У меня есть доказательства, что Корвиний очень сильно завышает ставку и выдаёт деньги под астрономические проценты: имена, даты, суммы, — тихо и подавленно произнёс Николай.

— Очевидно, ты собирал эти сведения, чтобы шантажировать его, не так ли? Где они сейчас?

— В моей голове. Именно благодаря моей исключительной памяти я стал секретарём банкира: он не любит делать записи о некоторых сделках и оставлять следы о них на бумаге.

— И что ты хочешь в обмен? — стал торговаться Аврелий, заглушая гнев. Камилла не Камилла, а Корвиний, наконец, будет у него в руках!

— Чтобы ты получил у хозяев подтверждение моего алиби и чтобы закрыл глаза на те фокусы с монетами, которые делал Кирилл, тем более что теперь, если не ошибаюсь, александриец твой раб...

— Согласен, начинай, — вздохнул патриций, макая перо в чернила.

— Может, развяжешь меня сначала? Вот уже два часа стою связанный, словно бык перед

алтарём Зевса... — попросил Николай более уверенным тоном.

Аврелий согласился и начал рассекать верёвки острым стилетом, но когда занёс руку над узлом, связывавшим могучие руки раба, представил, как они сжимали прекрасную Камиллу.

— Чтобы разговаривать, руки не нужны! — вскричал он, отшвырнув стилет.

И подумал, что уж слишком жалкое удовлетворение доставляет ему эта история с Николаем.

ХІХ

ЗА ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

Если Николай действительно не писал третьего письма, оставалось мало возможностей определить убийцу.

Корвиний никогда не был знаком с молодым Элием и рекомендовал его в школу Арриания только из желания доставить удовольствие своему клиенту. Оттавий во время скандала ещё находился в Бруццио, так что теперь речь могла идти только о Камилле, Иренее и Панеции.

Аврелий решил начать с эфесянина. Как преподаватель Элия, тот знал его почерк. Он посещал восточные мистерии, разговаривал с Лучиллой незадолго до её смерти, и о чём они говорили, известно только с его слов.

Наконец, в день убийства он один долго находился в доме Арриания, поэтому спокойно мог отравить вино.

Но вот мотив такого поступка выглядел малоубедительным. Трудно поверить, чтобы столь умный человек, каким казался Панеций, решился на убийство только из желания отомстить за старую обиду девушке, посмеявшейся над ним, и старому учителю, готовому взять на его должность Оттавия.

Если только...

Аррианий был достаточно известным человеком, и его смерть должна была привлечь внимание. Несомненно, рано или поздно всплыла бы

история с ядом. Но какой-нибудь страж вряд ли стал бы изучать, кроме чаши, ещё и пробку от кувшина. Это маловероятно, заключил Аврелий. Он просто арестовал бы первого же подозреваемого, то есть Оттавия, молодого наследника, с которым, как слышали рабы, Аррианий крепко ссорился во время ужина.

А Панеций, если судебный процесс по делу об отцеубийстве устранил этого двуличного Оттавия, отнявшего у него любовь Лучиллы и ритора, сможет снова занять своё место, которое, как он считал, полагалось ему по праву.

Вот о чём думал Аврелий, направляясь от Коллинских ворот к дому эфесянина недалеко от Соляной дороги, в том уголке Рима, который ещё оставался сельской местностью.

Грязная улочка вела к нескольким неказистым строениям, каких давно уже не возводили в центре, где из-за высоких налогов на землю только очень богатые люди могли позволить себе обширные домусы.

Здесь же, на окраине, высилась городская стена, возведённая Сервием Туллием, последним властителем, к которому хорошо относились квириты, прежде чем навсегда изгнали царей и стёрли из памяти их имена.

По ту сторону мощного укрепления тянулись бескрайние сады Саллюстия⁸⁰, принадлежащие императорской семье, которая с каждым годом присоединяла всё новые земли и виллы. Теперь

⁸⁰ Некогда роскошные сады в Древнем Риме, принадлежавшие римскому историку Саллюстию. После него ими владели разные римские императоры.

дорога простирались уже до самого холма Пинчо. Здесь ещё витали запахи леса, но оживлённое движение повозок и телег, гружённых товарами, напоминало путешественнику, что за монументальными воротами находится самая большая во всём известном мире метрополия.

Это было сумбурное, хаотичное поистине вавилонское скопление строений, которое жители никогда не называли Римом, а только Городом, исключительно Городом, а всё остальное вокруг и вообще на земном шаре считали провинцией, периферией, предместьем...

Панеций, удалившись от кипучей жизни улиц и площадей, выбрал для жизни этот пока ещё сельский уголок, от которого вскоре ничего не останется из-за неудержимого разрастания Города.

Поселившись здесь, вдали от толпы и шума, эфесянин, очевидно, смирился с тем, что каждое утро приходилось проделывать нелёгкий путь к театру Марцелла, почти в центре Рима.

Аврелий оставил паланкин возле Коллинских ворот и пешком двинулся дальше по тенистой улочке, по обе стороны которой тянулись густые лавровые изгороди. Вскоре он остановился, желая снаружи рассмотреть скромное жилище Панеция: небольшой атриум, три или четыре комнаты, таблинум, наверное, скромная столовая.

И, конечно, задний двор, где трудились домашние рабы. Должно быть, их у Панеция было немного, и они, надо полагать, занимались менее смехотворным делом, чем сопровождение хозяина повсюду.

Из внутреннего дворика и в самом деле доносились какие-то неопределённые звуки, скорее всего, там кипятили бельё в большом котле или отбеливали его, замачивая в щёлоке.

Подойдя к ближайшей двери, Аврелий на минуту остановился, задумавшись: как бы повести разговор так, чтобы Панецкий выдал себя? Письмо с угрозами казалось патрицию недостаточно весомым доказательством жестокого убийства...

Пока он стоял в нерешительности, дверь распахнулась и из неё вышла женщина в элегантном фиолетовом плаще и с густой вуалью на лице. Узнать её Аврелию не удалось, но показалась знакомой походка и скромное изящество, которым он уже любовался когда-то.

«Камилла? Неужели она?» — заволновался сенатор, быстро укрывшись за изгородью. Взглянув на небо, он понял, что солнце взошло лишь недавно. Но что она делала в доме учителя в такой ранний утренний час? Скорее всего, провела у него ночь...

Женщина как раз проходила мимо кустарника. Патриций услышал быстрые шаги, скрип сандалий и попытался рассмотреть её, но густые вечнозелёные листья лавра мешали сделать это.

Он подождал немного, не решаясь оставить укрытие и обнаружить себя, а когда снова посмотрел на дорогу, то увидел там лишь двух маленьких девочек, возвращавшихся с огорода с корзинками зелени. Так что оставалось дожидаться, когда таинственная незнакомка пройдёт на главную улицу, возможно, тогда удастся рассмотреть её в толпе.

Выйдя из своего укрытия, Аврелий увидел, что женщина с вуалью уже дошла до перекрёстка, и, не желая упустить её, поспешил следом, проклиная Кастора, который надел ему на ноги ужасно неудобные калцеусы — сенаторские сапоги, вместо пары лёгких открытых сандалий.

Уже на Соляной дороге патриций случайно задел двух облачённых в тоги пожилых людей, которые осыпали его оскорблениями. Не обращая внимания на их недовольство, он поспешил на главную улицу.

В порванной тунике, обливающийся потом Аврелий с волнением рассматривал пассажиров в повозках и лёгких колясках, которыми сами правили отважнейшие матроны. Увы, нигде не было видно никого, кто хотя бы отдалённо походил на женщину с вуалью.

Рассматривать телеги — только время терять, вдруг понял патриций, ведь в Риме запрещён проезд любому гужевому транспорту, значит, чтобы вернуться в город, таинственная матрона должна воспользоваться паланкином.

Аврелий посмотрел в ту сторону, где стояли закрытые паланкины, между оглоблями которых дремали носильщики в ожидании клиентов. Среди их серых туник нетрудно будет заметить фиолетовый плащ...

Рядом со стоянкой паланкинов находился ветхий лоток с варёными бобами — горсть за половину асса. Аврелий купил мешочек бобов и остановился в ожидании женщины. Ждать пришлось недолго.

Взмах белой руки, отблеск яркой ткани, носильщики вскакивают, фигура в фиолетовом плаще быстро садится в паланкин, стук дверцы, и он закрывается.

Аврелий уже готов был осыпать проклятиями всех бессмертных неба, моря и подземного мира, как вдруг занавеска отодвинулась, и в окне показалось лицо без вуали. Мешочек с бобами упал на землю, а патриций так и остался стоять с открытым от удивления ртом.

У обладательницы фиолетового плаща оказался хорошо знакомый профиль Юнии Иренеи.

Когда паланкин удалился, Аврелий, обуреваемый тысячами вопросов, поспешил обратно на улицу, что вела к дому Панеция.

Глупо было думать, будто Иренея его любовница. Что могла найти в этом уволенном провинциальном учителе знаменитая учёная дама, подруга принцев и властителей? Кроме давней тайной любви к Лучилле, между ними не было больше ничего общего.

Иренея — напористая и отважная вплоть до дерзости, и Панеций — скрытный, замкнутый, способный подолгу вынашивать застарелую злобу, давние разочарования, реальные или воображаемые оскорбления.

Соединять их могла бы только какая-то постыдная тайна, некий груз вины, слишком тяжёлый, чтобы нести его в одиночку. Возможно, убийство.

Аврелий постучал в дверь эфесянина, ещё плохо представляя, что скажет. Он рассчитывал, встретившись с ним лицом к лицу, прочитать

на нём затаённое признание, приметы страстей, которые когда-то волновали его ум и, возможно, подтолкнули на преступление.

Панеций, казалось, удивился его появлению, но тем не менее принял вежливо, усадил в табличное за стол, на котором лежало множество восковых, испещрённых цифрами дощечек.

Аврелий с любопытством посмотрел на греческие буквы и геометрические фигуры на пугилларисе⁸¹.. Выходит, всё же именно научные интересы сближали Юнию Иренею и эфесянина...

Открытие порадовало патриция. Кроме очень большого уважения, которое питал к этой женщине, он был ещё и очарован ею, и только необъяснимое, беспричинное увлечение Камиллой помешало ему строить в отношении неё какие-то серьёзные планы.

Панеций тем временем позвал слугу, чтобы тот освободил стол и принёс хлеб и соль — символы гостеприимства — вместе с корзинкой сухофруктов и двумя чашами горячего вина.

Учёный муж, одетый в простую тунику, казалось, чувствовал себя намного свободнее, встречая гостя таким достойным и скромным образом, чем когда появлялся на публике в безупречно элегантном облачении.

— Ты принимаешь меня как гостя, Панеций, но я пришёл как магистрат, чтобы допросить тебя, — сразу разъяснил Аврелий, ожидая, что он тут же проявит готовность сотрудничать.

⁸¹ Pugillares (лат.) — восковая дощечка, на которой писали с помощью стилуса и стирали написанное с помощью маленькой лопатки.

Но реакция вольноотпущенника оказалась резкой и неожиданной:

— В таком случае, сенатор, должен сказать, что хоть мне и нечего скрывать, я всё равно не стану отвечать на твои вопросы. Существует немало вещей, которые мне хотелось бы оставить при себе, а ты уже и так проявил даже слишком большое усердие и мастерство, пытаясь из меня признания.

«Нет, так просто ты от меня не отделаешься, — подумал Аврелий. — Согласен, необходимо уважать личную жизнь, но у меня два нераскрытых убийства».

— Помнишь процесс, который затеяла семья Элия против Арриания девять лет назад? — решительно заговорил он.

— Помню, — коротко ответил эфесянин.

— Ты ведь признал этого юношу и свидетельствовал против него, не так ли?

— Да, — глухим голосом ответил Панеций, и сенатор ожидал, что он продолжит разговор.

Однако учитель, похоже, не собирался этого делать, и нетерпеливому Аврелию пришлось использовать все своё самообладание, чтобы сдерживать тот ворох вопросов, которым хотелось засыпать его, и он стал молча ждать.

— Я дал ложные показания, — наконец произнёс вольноотпущенник. — И готов был сделать всё что угодно, только бы угодить Аррианию в надежде, что он поблагодарит меня за это.

— Однако впоследствии ты обнаружил, что ригору нет никакого дела ни до тебя, ни до твоей преданности. С его точки зрения ты появился

лишь для того, чтобы совершить несправедливость, и за это заслуживаешь осуждения. Отвечал за всё и всегда только он один, Аррианий, который точно так же, как и его дочь, использовал тебя, обманул твои ожидания и насмехался...

— Считай как хочешь, — развёл руками Панеций.

— Посмотри внимательно на эти письма, — попросил патриций, протягивая ему три папируса.

Вольноотпущенник взял их, и, по мере того, как читал, на лице его появлялась жестокая и мрачная усмешка:

— Наконец-то кто-то заставил старика расплатиться! — злорадно воскликнул он. — Интересно, долго ли он страдал перед смертью!

— Мне известно, Панеций, кто написал первые два. Третье письмо подбросили до убийства, а не после, и его мог написать только убийца. А кто ещё, кроме тебя, знал почерк этого юноши?

— Ну, прежде всего он сам, потом ритор, все его коллеги и даже Лучилла, она была в курсе той истории, хотя и всячески отрицала это...

— Ты говорил мне об этом в библиотеке. Напомни, пожалуйста...

— Утром в день её смерти, когда я разговаривал с ней, она притворилась, будто ничего не знает об отношениях Оттавия с её отцом. Я сказал ей, что нет смысла отрицать очевидное, то есть утверждать вместе с Зеноном, что Ахилл не может обогнать черепаху. Лучилла с таким удивлением посмотрела на меня, словно не поняла,

о чём я говорю, и захлопнула дверь перед моим носом.

— Ты последний, кто видел её живой, — попытался озадачить его Аврелий.

— Ты лжёшь. Потом она ещё разговаривала с женихом, а кроме того, сестра и служанка видели её позднее в ванной.

— И всё же одна плакальщица утверждает, что девушка умерла намного раньше этого момента. А ты достаточно худощавый, чтобы Камилла и служанка могли принять тебя за женщину, если видели только со спины, завёрнутого в простыню. Оттавий, напротив, слишком крупный и мускулистый для того, чтобы сойти за девушку. К тому же ты точно знал, где Аррианий держит кувшины.

— Если, по-твоему, я мог отравить вино, то ведь точно так же это мог сделать и наш молодой грамматик, — уточнил эфесянин, с трудом скрывая злобу.

— Да, но при всех возможностях, какие были у него, он мог сделать это той ночью, когда они оставались дома вдвоём. Яд, введённый в кувшин через пробку, похоже, указывает на кого-то, кто надеялся отсрочить убийство, спутать...

— Я не тот, кого ты ищешь, сенатор, поэтому не вижу причины продолжать наш разговор, — прервал его Панеций, вставая. — И теперь послушай меня внимательно: это последний раз, когда я соглашаюсь иметь с тобой какие-то дела. Обвини меня в убийстве, если хочешь. Но не приходи ко мне больше, не досаждай мне. Ты позволил себе копаться в моей жизни, как в ещё

не зажившей ране, воспользовался моей слабостью, заставил стыдиться самого себя. Тебе этого мало, и теперь пытаешься приписать мне преступление!

Патриций в недоумении смотрел на него. Эфесянин казался незлобивым человеком, но обычно именно такие люди, когда у них кончается выдержка, совершают необычные и непоправимые поступки...

— В любом случае, прежде чем выйдешь в эту дверь, — гневно, почти истерично продолжал Панецкий, — я хочу, чтобы ты знал: ты неприятен мне, Аврелий, и весьма! Твоя невыносимая наглость, твоя бесцеремонность, гордая самоуверенность и твоя манера хитро играть на слабостях других — как я ненавижу всё это!

Аврелий молча выслушал отповедь, которую посчитал незаслуженной. Он не ожидал, что Панецкий до такой степени зол на него, и в то же время, не считал, что так уж плохо держится с ним. И всё же, чем громче тот кричал, тем больше патриция охватывал холодный гнев.

— Сейчас же опомнись, вольноотпущенник Панецкий, — спокойно произнёс он. — Ты говоришь с римским сенатором!

Решительность и строгость, с какой были произнесены эти слова, немедленно подействовали на человека, которому ярость позволила пережить несколько мгновений самоуважения.

Панецкий пришёл в себя и с ужасом осознал, что оскорбил магистрата, который явился допросить его.

Гнев его словно испарился, сменившись смущением и страхом.

— Мне хотелось бы быть таким, как ты, — тихо проговорил он. — У тебя была Иренея, была бы и Лучилла...

И тут Аврелий понял причину глухой досады, какую испытывал этот человек: он опять любил безо всякой надежды.

— Не губи меня, Аврелий. На самом деле я так не думаю... — униженно попросил он.

— Зачем отрицать это, Панеций? Многое из того, что ты сказал, верно, — сухо ответил сенатор. — Так или иначе, ты предложил мне гостеприимство, и я забуду всё, что ты говорил. Если ты и в самом деле невиновен, тебе нечего бояться. В любом случае имей в виду: одного только письма недостаточно, чтобы обвинить тебя в убийстве, но я скоро найду другие доказательства, — сказал он, уходя, и несчастный вольноотпущенник опустился на стул.

XX

ЗА ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

— Не так-то просто разобраться в этих преступлениях, господин. Если кто-то убивает человека ударом кинжала, сразу же начинают искать возможного убийцу, но лечебная грязь и отравленное вино действуют совсем не так, как ожидаешь, — рассуждал Кастор, наливая себе хорошую порцию полынного ликёра. — Итак, подведём итог. У Корвиния есть алиби в связи со смертью Лучиллы, у Николая тоже алиби, касающееся обоих преступлений, значит, оба они вне дела. Кто угодно, кроме Оттавия и Корвиния, мог написать письмо с угрозой, точно так же кто угодно мог иметь доступ к кувшину. Остаются Камилла и Панеций. При этом маловероятно, что знаменитая дама-математик не соучастница кого-нибудь из них. Кстати, а куда она подевалась? Что-то давно её не видно...

— Говоря об Ирение, я вспомнил любопытную деталь, — сказал Аврелий, игнорируя замечание о ней. — Панеций говорил с Лучиллой о парадоксе Зенона утром в день её смерти.

— Ты имеешь в виду знаменитое соревнование Ахилла и черепахи — кто быстрее? Герой стартует позже черепахи, даёт ей фору, и задача состоит в том, чтобы определить, когда быстрогой Ахилл обгонит её?

— Да, но философ Зенон попытался математически доказать, что в этом соревновании победит черепаха, а не Ахилл.

— И что же тут удивительного, патрон? Конечно, Зенон прекрасно знал, как обстоят дела, но хотел привести пример парадокса... — возразил Кастор, всегда готовый защищать эллинского гения.

— Очень странно, что Лучилла, изучавшая математику и философию, отнеслась к этим словам Панеция так, словно понятия не имеет об этой истории!

— Опять думаешь, будто близнецы поменялись местами? Я начинаю сомневаться, что ты на самом деле видел этот шрам! — засмеялся секретарь.

— Мы заикнулись на смерти Арриания из-за этих писем с угрозами, — продолжал Аврелий, не обращая внимания на его слова, — как будто убийство Лучиллы имеет какое-то второстепенное значение. А если, напротив, кто-то хотел убить прежде всего её? Как же я глуп, если даже не подумал отыскать эту плакальщицу! Быстро, Кастор, зови носильщиков, я отправляюсь туда немедленно!

— А я снова спрошу Наннион... Знаешь, она ведёт себя со мной как-то удивительно покладисто. Совершенно не давит, и даже как будто избегает меня...

— Наверное, нашла нового поклонника, — заметил сенатор, торопясь к выходу.

— В этом доме? И кто бы это мог быть? — задумался грек. — Паоло и Ортензий слишком

уродливы, Фабеллий слишком стар, Постум — мальчишка, брадобрей предпочитает совсем юных, о Самсоне вообще речи нет, а Плачидо ещё не знает, что делать с женщинами...

Он назвал уже пятнадцатого по счёту раба, когда Аврелий вышел на дорогу и быстро сел в паланкин.

Патриций велел остановиться на Аппиевой дороге, недалеко от гробницы Сципионов. Здесь, за Капенскими воротами, начиналась аллея захоронений, которая уходила далеко в поля, на всём её протяжении там и тут высились колумбарии больших семей с памятными досками и морскими пиниями, прикрывавшими урны.

Контора ритуальных услуг находилось недалеко, рядом со старым храмом Марса.

— Чем могу услужить тебе, господин? — поспешил навстречу Аврелию низенький лысый человечек. Он точно отвечал описанию гробовщика, которое дала Помпония. — У нас тут есть всё, чтобы сделать незабываемым последнее путешествие дорогого усопшего. Позволь показать тебе наши лучшие катафалки...

Патриций хотел было возразить, но упрямый гробовщик продолжал:

— Может быть, предпочитаешь более строгие носилки? В таком случае окажем честь покойному, поместив его на прекрасную повозку в виде хижины или греческого храма!

— Мне нужна некая Филомена... — объяснил Аврелий.

— Наша лучшая плакальщица, непревзойдённая в конкламатии⁸² и стенаниях! Вместе с ней можешь нанять группу плакальщиц, способных растрогать даже камни! У нас есть также отличные мимы, которые могут представить родным и друзьям подвиги покойного. Но садись, пожалуйста! — пригласил человечек, указывая Аврелию на стул в окружении алебастровых урн. — Нужно только заранее доставить нам маски предков, чтобы они тоже могли участвовать в похоронной процессии. Да, напомним тебе, что мы принимаем заказы и на будущее: лучше не полагаться на наследников и заранее позаботиться о собственных похоронах!

— По правде говоря, я совсем неплохо себя чувствую, — ответил патриций, радуясь, что не суеверен.

— Никогда ведь не знаешь... Какой-нибудь неожиданный несчастный случай... — настойчиво продолжал ловкий делец, и скептический сенатор вдруг задумался только раз — один-единственный раз! — а не стоит ли всё же сделать жест от сглаза?

Через некоторое время он всё же добился, чтобы его проводили, наконец, к плакальщице, но гробовщик по-прежнему не сводил с него глаз в надежде заполучить заказ и искал на его ещё молодом лице приметы будущей скоропостижной кончины. И тогда Аврелий, слегка устыдившись, решил коснуться железного гвоздя, торчащего

⁸² Conclamatio (лат.) — похоронный плач.

из похоронных носилок⁸³. Ничего плохого, в конце концов, от этого не случится.

Филомена оказалась не такой старой, как представлялось: тёмный платок на голове, морщинистое лицо, маленькие хитрые глаза, и ко всему этому — довольно решительный характер.

— Дочь Арриания, да? Я сразу сказала, тут что-то не так. Не впервые встречаюсь с таким делом. «Скончался от изнурения», — высокомерно объясняли мне родственники как раз сегодня, показывая синюшный труп со свёрнутой шеей.

— А почему ты думаешь, что девушка умерла раньше, чем мы считали?

— Из-за красноватой припухлости на ягодицах и на спине, как если бы тело долго лежало вверх лицом. Видишь ли, когда кровь перестаёт двигаться, она всегда застаивается, скапливается внизу, от этого и появляются своего рода пролежни. Но надо немного раньше, чем это случится...

— Я вижу, ты знаешь больше врача, — похвалил её сенатор, отсыпав щедрое вознаграждение.

— Эх, молодой человек, я говорю так не ради хвастовства, а потому что всю жизнь имею дело с людскими телами. Прежде занималась живыми, а теперь, когда постарела, не остаётся ничего другого, как ухаживать за мёртвыми, — ответила польщённая похвалой Филомена, с печальной улыбкой вспоминая о своём длительном

⁸³ Суеверные римляне, желая отогнать злых духов, скрещивали указательный и средний пальцы или прикасались к железу, так делают и сегодняшние итальянцы.

опыте проститутки. — А ты, как посмотрю, щедрый человек и умный, поэтому скажу тебе кое-что. Обычно я молчу, не хочу неприятностей, но в твоём случае... Короче, не стану ходить вокруг да около: та девушка — думаю, она была твоей любовницей — умерла не только потому, что так пожелала Парка...

— Что ты хочешь сказать?

— Под слоем лечебной грязи её глаза были залиты кровью, а так бывает, когда человек задыхается...

— Значит, она умерла не от внезапной остановки сердца?

— Какое там сердце! Типичная смерть от удушья. Уж поверь мне!

Аврелий вдруг отчётливо вспомнил ванную и шерстяную подушку под белоснежной простыней...

— Большое спасибо, Филомена! — попрощался он, но плакальщица улыбалась и смотрела, словно ворон, терпеливо ожидающий другого куска сыра, который только что попробовала. Патриций протянул ей ещё пару сестерциев и дружелюбно сказал:

— Жаль, что мы не познакомились раньше!

В ответ Филомена улыбнулась беззубым ртом и весело позвенела монетами.

Уже направляясь к паланкину, Аврелий вдруг обернулся к ней с ещё одним вопросом:

— Ты не заметила, случайно, был ли у девушки шрам на бедре?

— Может, и был, но я, по правде говоря, не припомню.

— Неважно, — ответил патриций, и старуха, вздохнув, долго смотрела ему вслед, пока удалялся паланкин.

На обратном пути Аврелий остановился у тележного склада Македония. Бравый старик сидел, склонившись над деревянными досками, в окружении сыновей и нескольких оборванцев, наперебой подававших советы, как лучше сделать вывеску, которую он рисовал:

— Крупнее, крупнее, ещё крупнее! Имя должно быть хорошо видно! — едва ли не в один голос требовали они.

— Вижу, твоё предприятие набирает обороты! — поздравил его патриций.

— Первые переносные стулья уже в деле, — радостно сообщил Македоний. — А вчера мы заработали четыре сестерция! Если хочешь прокатиться, сенатор, для тебя — бесплатно!

— Спасибо, у меня есть паланкин. Носильщики отправились в таверну, но сейчас вернутся, — ответил Аврелий, который не очень-то доверял этим лёгким табуреткам, кое-как прикреплённым к двум перекладам.

— Жаль, а то мог бы встретить девушку, которую искал. Она была здесь недавно...

Сенатор нахмурился.

— Ну да, ту рыжую, служанку красивой матроны, которая приезжала к Рустикию.

— Лорида! — с волнением воскликнул Аврелий. — Куда она пошла?

— Вон туда, — Македоний указал в сторону Аппиевой дороги, терявшейся в поле. — Воз-

вращалась домой, думаю, она живёт за городской чертой и попросила одного проезжавшего на телеге подвезти её...

— Стул! Быстро! — приказал патриций, без колебаний взгромоздился на одно из этих непрочных сидений, и Аттий с Рабирием тотчас двинулись в путь.

И затем, восседая на этом новом, невероятно шатком транспортном средстве, с трудом удерживая равновесие, Аврелий всю дорогу спрашивал себя, не хотят ли носильщики заставить его пережить те же чувства, что бывают у моряков в бурном море.

При каждом их шаге зонтичные сосны вокруг буквально плясали у него перед глазами, и даже статуи у придорожных часовен, казалось, исполняли какой-то разнузданный танец. Желудок сенатора уже давно грозил вывернуться наизнанку, когда в нескольких милях от города они наконец нагнали повозку, которая медленно двигалась по обочине.

— Не видел ли рыжеволосую девушку? — спросил сенатор возничего.

— Ну как же, видел! — ответил возница. — И даже подвёз её! Надеялся, что довезу до самого дома и, может быть, даже внутрь войду... Но она вышла милей раньше...

Аврелий растерялся — милей раньше... Ну конечно, вспомнил он, там же колумбарий Аррианиев! И ненадёжный паланкин повернул обратно.

Колумбарий находился немного в стороне от дороги, в глубине кипарисовой аллеи. В своих

роскошных сенаторских сапогах с высокой шнуровкой и полулуниями из слоновой кости Аврелий двинулся по слякотной тропинке, утопая в грязи, и вскоре оказался возле небольшой, довольно примитивной квадратной башенки.

Семья Аррианиев перебралась в Рим сравнительно недавно, тут прожило только одно её поколение, поэтому в колумбарии оказалось немного урн: Кальпурнии и её сына, скончавшегося в младенчестве; прах Испуллы и ратора со свежими подношениями; останки немногих верных рабов, которые навсегда упокоились рядом с хозяевами.

Лучиллу захоронили, а не кремировали, поэтому где-то рядом должен был находиться её саркофаг. Патриций обошёл вокруг колумбария и, не найдя его, уже хотел было вслух посетовать на это, как вдруг заметил за высоким кустарником каменный ковчег. На нём среди пшеничных зёрен и полевых цветов дымился рожок с ладаном.

— Ты знал её? — спросил кто-то за его спиной, он повернулся и увидел красивую девушку, в короткой тунике, которая подчёркивала её скромное положение. Из-под капюшона старого серого плаща выбивались ярко-рыжие курчавые волосы.

— Не очень, — нерешительно ответил Аврелий. — А ты Лорида, верно?

— Да, но не говори никому, что видел меня здесь. Хозяйка дала мне вольную и немного денег на приданое при условии, что ноги моей больше не будет в Риме. Она очень рассердилась бы, если бы узнала, что я часто бываю в Городе.

— А почему принесла цветы на могилу Лучиллы? Ты же была не её рабыней, а Камиллы...

— Мы очень дружили. Конечно, у Лучиллы был непростой характер, но она чаще бывала весёлой и великодушной, чем её сестра. Она-то и убедила Камилллу отпустить меня на свободу, потому что знала, что я хочу выйти замуж за Лелия. Он римский гражданин, работает кузнецом в мастерской, но я никогда не могла бы стать его женой, не получив вольную, иначе наши дети были бы рабами, как и я. Теперь у нас с Лелием уже трое детей, они здоровы и все римские граждане. И всё это благодаря Лучилле, и я рассказала ей об этом, когда встретила недалеко отсюда.

Выходит, девушка и служанка разговаривали, что бы ни утверждала Наннион!

— О боги! — воскликнула Лорида, взглянув на заходящее солнце. — Мне нужно идти. Сейчас стемнеет, будет трудно найти ещё какую-нибудь попутную телегу, чтобы вернуться домой.

— А где ты живёшь?

— Рядом с Бовиллае⁸⁴. Это в нескольких милях отсюда.

— Не спеши, возьмём стул в аренду у Македония. Лучше присядь рядом и расскажи мне о сёстрах-близнецах, — вежливо попросил патриций, опускаясь на расколотую надгробную плиту.

Лорида слегка поколебалась. Что сказал бы муж, если бы узнал, что она находится сейчас одна в обществе незнакомца, вдали

⁸⁴ Городок в области Лацио у подножия горы Альбано.

от посторонних глаз? Ну, Лелий, конечно, человек разумный и уж точно закрыл бы один глаз, особенно, если бы она принесла домой немного денег: здоровые дети всегда голодны, и подмастерье кузнеца зарабатывает немного.

А этот странный тип, напротив, выглядит богачом...

Немного успокоившись, девушка опустилась на плиту рядом с сенатором и заговорила. Камилла, в общем-то, была доброй хозяйкой, пожалуй, слишком застенчивой, но настолько разумной, что все ставили её в пример.

Да, конечно, она была влюблена в Оттавия, прежде чем вышла замуж за этого старикашку, набитого деньгами, и, видимо, очень сильно, потому что она слышала, как та долго плакала перед свадьбой с Корвинием.

Но известно же, что деньги и роскошь быстро делают своё дело — влюблённость улетучивается, и, наверное, Камилла уже забыла свою первую любовь. Или, быть может, хотела бы оказаться на месте своей сестры...

— Знаешь, зависть была её главным и худшим недостатком. Как мы смеялись над ней, я и бедная Лучилла... Смеялись над Камиллой и над этим клоуном Панецием.

— Расскажи! — попросил сенатор, заинтересовавшись.

— Лучилла делала с ним что хотела: обещала, обещала, и он всегда попадал в эту ловушку. Она, однако, никогда не... ну, ты понимаешь?

— Ещё как понимаю, — вздохнул Аврелий, с сочувствием вспомнив бедного Панеция.

— Сестре, ясное дело, Лучилла не могла об этом рассказывать. Камилла была очень строга в том, что касалось поведения! — объяснила жена кузнеца. — Поэтому Лучилла предпочитала делиться со мной.

— А Оттавий к кому был равнодушен?

— Он мало обращал на нас внимания: Лучилла ему нравилась, но мне казалось, он немного побаивался её... Он много времени проводил с хозяином и с учительницей...

«С Иренеей! А вдруг Оттавий предпочёл обаяние математички этим двум девочкам-подросткам?» — подумал Аврелий.

Солнце садилось, последние лучи окрашивали красноватым цветом только вершины колумбариев, тогда как всё остальное вокруг уже погружалось во тьму.

Пора было проводить Лориду, чтобы она вовремя вернулась домой. Аврелий достал из складок тоги вместительную сумку и дал женщине десяток сестерциев. Она с волнением пересчитала монеты: теперь купит хорошие сапоги Лелию и обувь детишкам.

Патриций хотел было подняться, но Лорида удержала его за край одежды.

— Подожди!

Свобода — прекрасная вещь, но теперь не было хозяина, который покупал бы дрова для обогрева зимой, не было шерсти, чтобы соткать одеяла, не хватало муки. Теперь приходилось считать каждый медяк и откладывать сбережения на инструменты для Лелия, ведь он мечтал завести своё дело.

Все находили Лориду ещё очень миловидной, хотя она и родила уже троих детей... И если она понравилась этому богатому мужчине... Только нужно ведь отважиться сказать ему об этом, а она, не привыкшая к такого рода вещам, даже не представляла, как начать разговор.

Но в этом не было никакой нужды: Аврелий всё понял по её беспокойным жестам и смущённой улыбке. Понял также, что она думала не о нём, а о Лелии и детях.

— К сожалению, сейчас мне некогда, я должен вернуться в город. Так что до следующего раза. А пока держи, — сказал патриций, приласкал непослушную завитушку у неё на лбу и вложил в руку золотую монету.

Лорида не поверила своим глазам: аурес! Это же целых сто сестерциев!

— И скажи своему мужу, что он везучий человек, — улыбнулся на прощание Аврелий.

XXI

ЗА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

Аврелий сидел за столом в своём кабинете и писал на восковых дощечках, пытаясь разобраться в этом сложном запутанном клубке:

«Смерть Лучиллы: Оттавий, Панеций, Камилла...

Смерть Арриания: Оттавий, Панеций, Камилла...

Третье письмо: Николай, Панеций, Иренея».

Он перечитал все имена на восковой дощечке, но они ни в чём его не убедили. Он уже не сомневался, что у Корвиния не было никакой возможности всыпать яд в кувшин: Николай прекрасно помнил, как Аррианий принял банкира и как проводил его после разговора в атриум.

Выходит, единственным возможным убийцей оставался Панеций, если только...

Поразмышляв немного, Аврелий взял стило и добавил к третьему письму ещё одно имя — «Лучилла?».

Потом громко позвал Наннион, но служанка не появилась. Недовольный патриций решил, что пора, наконец, навести порядок в своём доме, где Кастор только и делал, что обворовывал его; Нефер вообще не желала ничего делать, кроме как шлифовать ему ногти и делать лёгкий массаж перед сном; Фабеллий так крепко спал в своей привратницкой, что любой злоумышленник мог свободно входить в дом и выходить

и никто не остановил бы его; повар Ортензий щедро снабжал друзей изысканными блюдами, предназначенными гостям; Азель, женственный сирийско-финикийский брадобрей, в кло-чья порвал ему кожу на лице, экспериментируя с какой-то депиляторной мазью собственного изобретения.

И никто из этих слуг, которые, благодаря патрицию, жили в роскоши и праздности, не относился к нему хотя бы с малейшим уважением, кроме честнейшего Париса, разумеется...

— Вот и я, хозяин! — прибежала, наконец, маленькая Наннион, за которой следовал Парис. — Прости за опоздание, но управляющий показывал мне свою коллекцию обетных статуэток.

— Обетные статуэтки, да? — проворчал недовольный сенатор, откладывая выговор на потом. Затем, набравшись терпения, которого, по правде говоря, у него почти не осталось, он постарался как можно короче и понятнее сформулировать свой вопрос: — Когда ты видела Лориду на Аппиевой дороге, твоя хозяйка была с тобой?

— Да-а-а-а! — пропела девушка.

— Ты говорила с ней?

— Не-е-ет!

Аврелий в смущении почесал затылок.

— Может, тебя что-то отвлекло в тот момент...

— Не-е-ет! — упорно настаивала на своём резвая рабыня.

— Не бойся хозяина, малышка, скажи правду, — посоветовал заботливый Парис.

— Но я уже сказала, — пролепетала служанка и ни за что не хотела отказываться от своих слов.

И тогда получалось, что Лорида имела в виду тот раз, когда Наннион приходила к Рустикию вместе с Лучиллой и когда Македоний действительно видел их вместе...

— А твоя хозяйка хотя бы сказала тебе, что встретила Лориду, когда ходила к Рустикию заказывать египетские амулеты?

С изумлением посмотрев на Аврелия, Наннион повернулась к Парису, как бы ища его поддержки.

Патриций дрожал от нетерпения: как вытащить какие-то сведения из этой глупышки в присутствии управляющего, который сторожил её, словно пастушья собака?

— Парис, — сказал он, изображая озабоченность, — боюсь, что Кастору удалось раздобыть копию ключа от ларца.

Управляющий тут же вскочил и удалился. Аврелий, довольный своей выдумкой, улыбнулся: как ни увлечён Парис служанкой, он не смог спокойно отнестись к такой новости.

— Так что же? — снова обратился патриций к Наннион.

Она с сочувствием посмотрела на него.

— Ну как ты хочешь, чтобы Лучилла кого-то встретила, если заказывать амулеты ходила её сестра? — посмеиваясь, поинтересовалась она.

Аврелий почувствовал, что у него закружилась голова, и он, должно быть, побледнел, потому

что, глядя на него, рабыня сразу пожалела, что сболтнула лишнее. С господами всегда нужно притворяться, будто ничего не знаешь, иначе не избежать беды...

Мрачное выражение лица, с каким Аврелий уставился на неё, и в самом деле было отнюдь не ободряющим. К тому же, когда ушёл управляющий, некому стало защитить её.

— А теперь, дорогая, послушай внимательно, что я скажу. Тебе нравится жить в моём доме?

— О, очень-очень, господин! Даже когда ничего не делаешь, никто этого не замечает.

— Тут у тебя красивая одежда, свободное время и несколько ухажёров. Однако если не перестанешь лгать, мне придётся расстаться с тобой, и кто знает, где ты окажешься. Эта восковая кукла... — произнёс патриций, доставая проколотую иглой фигурку, при виде которой у Наннион широко открылся рот. — Нет, никаких истерик, моя красавица, или завтра же отправишься на невольничий рынок! — сердито пригрозил он, остановив её возглас.

Молча выдохнув, Наннион так и осталась стоять с открытым ртом.

— Выходит, — продолжал сенатор, — ты знаешь, кто купил эту куклу, не так ли?

— Лучилла купила такую же у египтянина в тот раз, когда мы пошли забирать талисман. Но она была не совсем такая, у неё не было волос и иглы! — охотно ответила служанка. — Я уверена в этом, потому что, если бы увидела эту куклу с воткнутой в сердце иглой, потом не спала бы всю ночь, так боюсь колдуний!

— Твоя хозяйка объяснила тебе, что собирается с ней делать?

— Сказала, что сошьёт ей красивое платье и перед свадьбой положит на алтарь богов. Но теперь я припоминаю, что... Когда пришли её подруги, чтобы помочь выбрать игрушку, которую нужно отнести на этот алтарь, восковой куклы в корзинке с игрушками уже не было...

Значит, можно не сомневаться, что амулет купила невеста Оттавия, то есть Лучилла, а не Камилла... Но кто в таком случае совершил ритуал, который, согласно народному поверью, заставлял духов Аида забирать туда человека, чей образ был воплощён в фигурке? Лучилла ведь не могла написать на воске своё собственное имя!

— Каким цветом подкрашивала глаза твоя хозяйка? — вдруг спросил Аврелий.

— Лучилла? Она никак не подкрашивала глаза, — ответила служанка, подтверждая его подозрения.

— Но в ванной тем не менее оказался чёрный бистр⁸⁵, — возразил патриций, хорошо помня ракушку, найденную возле трупа.

Наннион покачала головой.

— Я никогда не видела у неё подкрашенных глаз.

Отпустив служанку, Аврелий достал из ларца мешок с ящичком покойной девушки. Задумчиво повертел его в руках, потом вывернул мешок и, внимательно рассмотрев, заметил на нём что-то вроде тёмной пыли, которая походила

⁸⁵ Краска (оттенок чёрного цвета) из древесной сажки, смешанной с растворимым в воде растительным клеем.

на раскрошившийся папирус. Он растёр между пальцами эту странную субстанцию и понюхал. Ему показалось, он уловил очень отдалённый лёгкий запах лавра.

Это единственное, что не увязывается, подумал он с беспокойством, тогда как всё остальное: рассказ Лориды, чёрный бистр, черепаха и Ахилл, нравственное завещание, стихи Сульпиции, третье письмо...

Он помрачнел и нахмурился: нужно снова встретиться с Камиллой, и как можно быстрее!

XXII

ЗА ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

На рассвете Аврелий стоял перед камнем в пустом храме, спрашивая себя, что заставило его прийти сюда. Его всегда раздражали жестокие ритуалы; он презирал сумасшедших священников, готовых оскопить себя, и толпы верующих, превозносивших такое членовредительство как добродетель...

Но именно здесь зародилась одержимость этой женщиной, способной до такой степени возбудить его, что он даже забыл о строгом правиле не поддаваться страстям. Стоило появиться Камилле, как он тут же, в один миг, забывал про все мудрые эпикурейские наставления!

Может быть, подумал он, небожители обиделись на него за философский скептицизм и решили унижить не трагическим и примерным наказанием, а глупым наваждением, от которого ему никак не удаётся избавиться...

Он вскоре снова увидит её, и на этот раз на кону стоит не лёгкое любовное приключение, а несколько жестоких преступлений. Даже если ему не удастся сохранить спокойствие в её присутствии, он должен хотя бы изобразить равнодушие.

Аврелий подошёл к чёрному камню, не зная, как выразить своё почтение, и, рассматривая его поверхность, отполированную руками множества верующих, вдруг замер, спрашивая себя,

не перевернулись ли у него мозги: ведь никаких богов нет и в помине, а этот камень — самый обыкновенный, самый заурядный!

Тогда он отвернулся от алтаря и решительно покинул храм: наконец-то настало время свести счёты с Камиллой!

Нубийцы бегом несли паланкин к пирамиде Цестия.

В домусе Корвиния Аврелию сказали, что хозяйка отправилась в дом отца, чтобы забрать свои личные вещи, прежде чем это старое жильё будет сдано в аренду. А Оттавий, оставшись один, перебрался в другое жилище, поменьше и не такое обременительное.

Всю дорогу Аврелий обдумывал, о чём спросит загадочную близняшку. Слишком многое в её истории вызывало сомнения, начиная с неё самой, такой немногословной и неискренней. Вот почему он отправился допросить её как свидетельницу и теперь с уверенностью и достоинством высокого магистрата решительно вошёл в перистиль дома Аррианиев.

И всё же, когда Камилла внезапно появилась перед ним, он вдруг вспомнил, как впервые увидел её: она стояла между колоннами в лучах солнечного света, шагнула ему навстречу, мягко колыхнулась красная туника, и он забыл на мгновение замечательную речь, которую заготовил.

— Ты занималась любовью с Николаем, с этой грудой мускулов! — гневно заявил он. — Отдалась безмозглому рабу!

— Ну и что? — ответила Камилла, хитро улыбаясь. — Испокон века хозяин вправе выбирать себе рабов для удовольствия, и мужчин, и женщин. Кто знает, сколько раз ты, прославленный сенатор, приказывал какой-нибудь рабыне лечь в твою постель? Отчего же удивляешься мне?

— Но ты... — хотел было возразить патриций, однако Камилла прервала его:

— Я? Думаю, я знаю, что ты хочешь сказать, благородный Аврелий: что я — женщина!

Задетый за живое, Аврелий промолчал.

— Сенатор, в этом городе, где властвуют мужчины, где то, что мы называем добродетелью, на самом деле не что иное, как необходимая отвага, состоящая из наглости и произвола, женщина может оставаться порядочной, только если уподобляется вам, мужчинам! Это хорошая школа — ваша, — и я должным образом выучила урок.

— Николай... — пробормотал Аврелий, пытаясь стереть из сознания образ Камиллы в объятиях раба.

Девушка рассмеялась и коварно улыбнулась:

— Я использовала его для своего удовольствия. Как использовала и тебя, сенатор!

Патриций почувствовал, как кровь ударила ему в голову, и крепко сжал кулаки.

— Ах, благородный Стаций, ты великолепен, когда сердись! — съязвила она, и глаза её весело блеснули. — Публий Аврелий, эпикуреец, бесстрастный философ, умеющий управлять своими чувствами... Теперь моя очередь спросить:

что собираешься делать? Ты у меня в доме, среди бела дня...

Потемнев от гнева, Аврелий с угрозой приблизился к ней. Что-то говорило ему, что Камилла по-своему права, и всё же её насмешки были невыносимы. Ему мучительно захотелось ударить её, он рванулся к ней и даже занёс руку, но она не шелохнулась, не уклонилась, не попыталась защититься.

— Ну же, сенатор! Такой важный, сильный, могущественный... Разве так уж трудно ударить женщину? — посмеялась она над ним и, презрительно улыбнувшись, обратила своё красивое лицо к его поднятой руке.

Злясь на самого себя больше, чем на Камиллу, Аврелий закрыл глаза и постарался совладать с гневом. Каким образом этой змее удаётся заставить его терять самообладание? Он нарочито медленно опустил руку.

— В таком случае прощай, сенатор Стаций! — ласково произнесла она, сделав прощальный жест.

Он смотрел, как, подобрав со стула белый плащ, она набросила его поверх своей красной туники. При этом капюшон накрыл каскад чёрных волос, и со спины она походила теперь на высокую белую статую, на которой лишь слегка колыхалось одеяние.

Аврелий вдруг представил себе сцену первого убийства: ванную комнату и дверь, приоткрытую служанкой, которая готова подать простыню. Тогда Камилла тоже была в красной тунике и тоже окутана белой тканью. В результате...

Рабыня лишь на мгновение заглянула в дверь и увидела именно то, что ожидала: окутанную белой простынёй Лучиллу, стоящую спиной к ней возле мраморной ванны, словно она только что поднялась из неё. Однако на самом деле никакой влаги на её теле не было, а плотная простыня скрывала красную тунику!

Её сестра в этот момент уже была мертва, решил Аврелий, и лежала в соседней комнате, предназначенной для приёма лечебных грязей.

А потом хитрая близняшка описала эту сцену, в которой сыграла главную роль, точно так, как её могла видеть в щёлку служанка, и даже добавила, будто слышала голос сестры и узнала его!

— Не думай, что уйдёшь отсюда, Лучилла, прежде чем выслушаешь то, что я намерен сказать тебе, — холодно произнёс Аврелий.

— Опять эта история? — усмехнулась девушка, приближаясь к нему. — Неужели я не убедила тебя, сенатор? Или тебе требуется ещё какое-то доказательство?

— Ты убила свою сестру и покрыла её тело грязью, чтобы Наннион не увидела шрам на бедре, — спокойно заявил патриций.

— Но шрам есть и у меня, Аврелий, или не помнишь? Ты же хорошо рассмотрел его.

— Да, точно такой, какой остался у неё после ранения, которое ты нанесла ей, когда вы были детьми.

— А я, значит, сама себе нанесла удар, и богиня Гигея, хранительница здоровья, сразу же затянула его, точно так же, как поспешно удалила родинку с моего уха!

— У твоей сестры никогда не было никакой родинки, она рисовала её себе каждое утро с помощью бистра. А ты удалила её и специально ранила себя, но не в то утро, а пять лет назад — перед тем, как выйти замуж за Корвиния. Вот тогда и произошла подмена, — холодно объяснил Аврелий.

Женщина молча смотрела на него, и только лёгкая дрожь подбородка выдавала её волнение. Но она быстро взяла себя в руки, обретя привычную уверенность, равнодушно пожала плечами и произнесла:

— Пять лет назад? Но Лучилла умерла в прошлом месяце!

— Вы с ней ещё тогда договорились поменяться ролями: настоящая Камилла всегда любила Оттавия, и перспектива выйти замуж за старика приводила её в ужас. Ты же, наоборот, хотела денег, власти, послушных рабов, которые стали бы прислуживать тебе за столом и в постели. Боги сыграли злую шутку, когда определили одной сестре судьбу, о которой мечтала другая. Но это можно было исправить, и вы сделали это!

Женщина пристально посмотрела ему в глаза и с презрением произнесла:

— Я полагала, ты сумеешь придумать что-нибудь получше, сенатор.

— Ваша мать умерла, и различить вас могли только служанки. Кто лучше горничной знает свою хозяйку? — спокойно продолжал патриций. — Глупенькая Наннион не представляла никакой опасности. Достаточно было только,

чтобы она никогда не прислуживала настоящей Камилле в ванной. А Лорида куда внимательнее, и ты предпочла дать ей свободу, сделав вид, будто уступаешь настойчивой просьбе сестры. Вы договорились, что она покинет Рим, но Лорида уехала недалеко, и однажды ты встретила её у въезда в город, на стоянке телег и повозок. Конечно, она узнала тебя, но ты умело притворилась, будто ты — всё ещё Лучилла. Когда же неделю спустя там появилась другая двойняшка и увидела издали Лориду, то побоялась приблизиться к ней из опасения, что та заметит какую-нибудь разницу, и приказала Наннион не обращать на неё внимания. Но игра становилась всё опаснее: твоя сестра, узнав об отношениях Оттавия с вашим отцом, раздумала выходить за него замуж и потребовала своего, полагая, что место рядом с богатым Корвинием по праву принадлежит ей.

Теперь девушка смертельно побледнела.

— Хочешь отомстить мне, не так ли? Сочинил эту сказку, чтобы погубить меня? — сказала она, с ненавистью глядя на Аврелия.

— Убив сестру, ты намазала её грязью, потом привела себя в порядок и выбросила грязную простыню... Но твой гребень выпал из твоей туники, и ты не заметила, что по ошибке подняла точно такой же гребень твоей сестры. Услышав, что служанка открывает дверь, ты быстро завернулась в простыню, чтобы скрыть свою красную тунику.

— Но Лучилла была заперта изнутри, когда мы нашли её. Ты ведь тоже присутствовал при

этом, помнишь? — проговорила девушка дрожащим голосом.

— Да, это так. Когда рабыня ушла, ты последовала за ней, заперла дверь снаружи старым ключом, тем самым, который никто не мог найти и все думали, будто он утерян. Тебе нужно было время, чтобы отыскать бумагу, в которой были записаны приметы, отличающие вас. Вы с сестрой написали эту бумагу пять лет назад, прежде чем поменяться ролями, потому что уже тогда не доверяли друг другу... Это было то нравственное завещание, о котором мне говорила Помпония. Ты нашла его и, завладев им, решила поскорее вернуться в ванную. Ты хотела отпереть дверь, уничтожить папирус и сделать так, чтобы труп обнаружила Наннион. Но этому помешал Кастор, который любезничал в коридоре с твоей служанкой, поэтому тебе пришлось оставить дверь запертой на ключ. Когда ты снова пришла к ванной, полагая, что Наннион уже нет в коридоре, то ошиблась. Мой вольноотпущенник надолго отвлёк её, служанка всё ещё была там, и тебе пришлось вмешаться самой, а вместе с тобой прошёл в ванную и я...

— Да, я хорошо помню, как смешно ты пытался произвести на меня впечатление, — посмеялась она.

— В ту минуту ты была удручённой, раздражительной, совсем не такой милой женщиной, с какой я познакомился несколькими часами раньше. И всё же я оказался очень кстати, чтобы помочь тебе в твоих планах. Теперь ты могла

поклестся, что дверь была заперта и что Лучилла умерла из-за какого-то внезапного недомогания, к тому же нашёлся и свидетель — не какой-нибудь слуга, а высокий магистрат, в чьих словах никто никогда не усомнился бы. Когда же твою сестру похоронили, секрет старого шрама тоже навсегда остался в могиле. Ты знала, что никогда — никогда! — пугливая Наннион не согласится омыть труп, не говоря уже о том, что обычно принято приглашать для этого дела плакальщиц.

— Какая прелестная фантазия, Аврелий! И неужели ты думаешь, будто кто-нибудь тебе поверит?

— Все. Когда вызову на допрос Филомену, — смело заявил сенатор, прекрасно зная, что плакальщица ничего не скажет о шраме. — А если этого окажется недостаточно, потребую эксгумации тела твоей сестры. Перед смертью твой отец дал мне разрешение на это, и я намерен воспользоваться им, — снова солгал Аврелий, решив играть до конца во всём.

— Не делай этого, — взмолилась девушка.

— Нет, именно так я и поступлю, и с большим удовольствием. Ты убила Камиллу и своего отца! — в гневе обрушился на неё патриций.

— Я никогда никого не убивала, — с трудом произнесла женщина.

— И ты думаешь, тебе поверят после стольких обманов? Ты знала почерк Элия, ты достаточно долго изучала математику и философию, чтобы понять парадокс Зенона, который был неведом твоей сестре, предпочитавшей стихи Сульпиции.

Именно рассказ Панеция помог мне угадать, как всё было на самом деле: женщина, с которой он разговаривал, не поняла его намёка на парадокс Зенона об Ахилле и черепахе, точно так же, как не ведала она и о подлинных отношениях Оттавия и её отца. А ты, напротив, хотя и знала о них, поостереглась сказать ей об этом из опасения, что она откажется выходить замуж за недостойного человека. Что она сказала тебе, когда всё узнала? Угрожала скандалом или же попросила снова поменяться — выйти замуж за жалкого учителя грамматики вместо того, чтобы оставаться женой влиятельного банкира?

— Но Лучилла любила Оттавия! — возразила девушка.

— Любила его Камилла, а не Лучилла! — ответил Аврелий. — А потом разлюбила, разочаровавшись. В то утро у твоей сестры и в самом деле впервые случилась размолвка с женихом. Может, она ещё и любила его, но уж точно не собиралась выходить за него замуж. Камилле ни к чему было поднимать такой шум. Достаточно была просто отменить замену. Тебе следовало стать женой любовника вашего отца, который заменил бы богатого Корвиния, как было решено несколько лет назад. Но ты, пожив в роскоши и богатстве, не захотела отказываться от них.

— Её убила не я, — настаивала молодая женщина глухим от волнения голосом. — Могу поклясться чем угодно!

— Может, памятью твоей любимой сестры-близняшки? Или же своей добродетелью

целомудренной матроны? — с сарказмом поинтересовался патриций.

Женщина в отчаянии опустила голову, перестав защищаться.

— Ты упрямо хочешь думать, будто виновата я, — с удручённым видом заговорила она. — И что бы ни сказала, ничто не убедит тебя в обратном. Злишься на меня за то, как я обошлась с тобой, Аврелий, и считаешь способной на жестокое преступление, лишь бы потешить свою безграничную гордость. Хочешь думать, что только такая коварная женщина могла так ловко водить тебя за нос.

— Ты всегда умела разрывать в клочья всех, кого очаровывала. Юния и Панеций до сих пор зализывают раны. Одного этого уже достаточно, чтобы узнать в тебе Лучиллу!

— Ну, что же, признаюсь, я — Лучилла, не стану отрицать. Всё верно, всё, кроме убийства! — вскричала женщина. — Но я не разговаривала с ней в то утро! Когда я вошла в ванную комнату, она уже была мертва, лежала на полу, завёрнутая в простыню. Это был самый ужасный момент в моей жизни. Я смотрела на неподвижное тело, у которого было моё лицо, и спрашивала себя, не присутствую ли я при собственной смерти!

— Представляю, как это потрясло тебя, если хватило сил перетащить её в другую комнату, обмазать грязью и отправиться на поиски папируса, — с иронией произнёс патриций.

— Аврелий, постарайся выслушать меня хотя бы раз! Камилла была мертва, ни малейших

признаков жизни, и для неё уже ничто не имело никакого значения, тогда как для меня это была бы гибель! — опять в отчаянии вскричала она, с силой хватая патриция за руку.

— Убери от меня руки, — спокойно потребовал сенатор.

Между тем в каком-то далёком уголке его мозга между злобой и возмущением прокладывало дорогу сомнение. По словам Филомены, девушка умерла ещё на восходе солнца, а не несколькими часами позже, когда сестра перевернула её...

Кто же эта женщина, что умоляет его, — преступница, опытная колдунья со своими фессалийскими проклятиями, или всего лишь маленькая развратная змея, твёрдо решившая подчинять других силой своей дерзкой воли?

Две близняшки, подумал он, одинаковой внешности, но необычайно разные по характеру. Одна благочестивая, честная, по-настоящему влюблённая, другая циничная, бесстыжая, желающая любой ценой наслаждаться жизнью. Почему его так влечёт ко второй, а первая оставляет равнодушным?

Добрая сестрица и злая. Всё белое с одной стороны, и всё чёрное с другой. Патриций неохотно признавал это. Он знал, что грань между преследователем и жертвой нередко бывает размытой, и сегодняшние преступники оказываются иной раз всего лишь вчерашними жертвами...

Вдруг он вспомнил о кукле, проткнутой иглой. Чей же это коварный и изобретательный ум, так

упорно желавший кому-то зла? Требовалось немало времени, чтобы должным образом изготовить этот амулет с настоящими волосами и листьями лавра и фенхеля.

Что могло заставить фальшивую Камиллу покуситься на жизнь сестры задолго до того, как она смогла угрожать её будущему? Но выходит...

Аврелий вспомнил запах лавра в пустой шка-тулке и сухо спросил:

— Твоя сестра давала тебе когда-нибудь прядь своих волос?

— Нет, это я подарила ей свою, сразу после того, как вышла замуж. Помню, она положила мои волосы в свиток своей любимой поэте-сы, — призналась девушка с обольстительной улыбкой, но патриций притворился, будто не заметил её.

Аврелий вновь представил восковую куклу с воткнутой в сердце иглой и написанное на ней имя жертвы — Лучилла. На самом деле, однако, это имя женщины, которая стояла перед ним в этот момент. Если бы это она взывала к духам, то разве написала бы на кукле своё настоящее имя, рискуя обратить проклятие на саму себя? Колдовской ритуал мог повредить только одной из сестёр, а лавром пахла шкатулка мёртвой...

Патриций вспомнил, что сказала Лорида о характере своей бывшей хозяйки, Камиллы: «Зависть была её главным недостатком...»

Зависть, это верно, и ещё страх. Скромная, застенчивая, скрытная девушка отчаянно влюблена и вдруг замечает, что Оттавий увлечён другой,

внешне во всём точно такой же, как она, но волнующей и дерзкой.

Как помешать сестре увести любимого мужчину, пусть даже ради недолгого каприза? И тогда скромная, благопристойная девушка шьёт из лавра юбочку, пишет на воске настоящее имя ненавистной соперницы и с силой вонзает в куклу длинную иглу, чтобы вымолить милость у мрачных богов Эреба.

Но боги равнодушны к делам смертных, у них короткая память, они забыли про обмен, который совершили девушки, и вместо того, чтобы низвергнуть во мрак Аида настоящую Лучиллу, отправили туда ложную, ту самую, которая так неосторожно призвала их на помощь...

Аврелий подумал о женщине, стоявшей рядом в ожидании ответа и сознававшей, что одного только его слова достаточно для её спасения или гибели. Врунья, интриганка, обманщица — это так, но недостаточно злобная, чтобы посвятить себя призракам царства мёртвых. Может, всё же её ласковые руки не способны были убить...

Патриций постарался не смотреть на неё. Он не мог позволить себе ошибиться, он уже столько раз делал это!

— Так ты веришь мне? — вновь спросила она тихим голосом.

— Я не говорил этого, — резко ответил он.

— В то утро я не видела её живой, клянусь тебе!

Если так, то убийство произошло перед рассветом — когда несчастная девушка говорила с Панецием, чем вызвала недовольство жениха.

С этого момента и далее никто из подозреваемых не оставался один.

И Оттавий, и эфесянин могли найти её в ванной, прежде чем она заперлась там, как обычно; быстро задушить подушкой и вернуться к ученикам. Но кто из них сделал это? Панеций, в очередной раз отвергнутый той, кого считал своей Лучиллой, или же Оттавий, опасющийся скандала?

Аврелий закрыл глаза и постарался припомнить эту картину: весёлые ребяташки возятся возле шатающейся гермы Гомера, Манлий выходит из коридора с полным ртом печенья. Ванная комната находится рядом с кухней, и если бы мальчик заметил человека, который незаметно выходил оттуда, то, конечно, спрятался бы, чтобы его не застали с украденными сладостями. Может, тогда он видел убийцу...

Нужно немедленно поговорить с ним, нельзя терять ни минуты! И Аврелий направился к двери, не обращая больше внимания на Лучиллу.

— Подожди! — она кинулась за ним и, догнав, обняла за плечи.

— Что тебе ещё надо?

— Если убедишься, что не я убила, всё равно будешь наставить на эксгумации тела? О, не делай этого, прошу тебя, тогда мне придётся развестись с Корвинием!

— Эта обезьяна так нравится тебе?

— Он хороший муж, доверяет мне, не ограничивает в расходах...

— Бедняга! — с иронией посочувствовал ему сенатор, покачав головой.

— Не выдавай меня, Аврелий, я сделаю для тебя всё что угодно! — крикнула она ему вслед и, увидев, как он молча удаляется, разрыдалась, причём в слезах её слышалась скорее злоба, чем страдание.

Уже с порога патриций, внезапно обернувшись, с усмешкой произнёс:

— Будь осторожна с опрометчивым обещанием, моя дорогая, я ведь могу потребовать, чтобы ты сдержала его!

Занятия в школе окончились, и ученики, обретя, наконец, свободу после нескольких часов вынужденной неподвижности, рассыпались во все стороны. Кто отправился домой, кто на поиски своего слуги-проводжатога, а мальчики из богатых семей садились в паланкины, с тайной завистью поглядывая на тех, кто мог пробежаться в своё удовольствие.

Аврелий остановился у храма Аполлона Целителя, внимательно разглядывая большие арки театра Марцелла, куда утекала шумная ватага детей.

Он высматривал Манлия, но никак не находил. Может, уже ушёл, а может, просто растворился в толпе. Надо бы заглянуть в школу и спросить там у кого-нибудь. Не идти же ему на поиски мальчика в Субуру, где можно столкнуться с его злющим отцом Торквато. Быстро спустившись по ступеням храма, патриций спросил о Манлии проходившего мимо учителя и услышал в ответ:

— Откуда мне знать! Я — невежда, который не знаком даже с «Энеидой»! — и Аврелий

со смущением узнал грамматика, которого поправил во время своего первого посещения школы...

Оставив за спиной театр, патриций прошёл к портику Октавии и оказался возле лавочек, переделанных под школьные классы. Тот, где учился Манлий, находился справа. Узкий вход и деревянная лестница были замусорены, и какой-то слуга старательно наводил порядок. Аврелий припомнил, что Оттавий начинал так же — подметал мусор...

С верхнего этажа доносились какие-то странные звуки — свист и щелчки, они регулярно повторялись, словно что-то рассекало воздух.

Аврелий заглянул в комнату и увидел учителя Тертуллия, который, давая выход своему звериному инстинкту, упражнялся с ферулой, — изо всей силы колотил ею по свёрнутому плащу, чтобы потом посильнее отхлестать первого же неосторожного ученика, если тот посмеет слушаться его.

— Кто там ещё? Уже закрыто! — сердито вскричал учитель, но, увидев сенатора Стация, в тоге с яркой латиклавой, в роскошных сенаторских сапогах с высокой шнуровкой и полулуниями из слоновой кости, моментально сменил тон.

— Чем могу быть полезен тебе, магистрат? — сладким голосом пропел он, пряча трость за своей необычайно гибкой спиной, которая тотчас склонилась в глубоком поклоне.

— Ищу моего племянника Манлия, — солгал Аврелий, припомнив, как тот обычно избивал

ребёнка. Теперь Тертуллий крепко подумает, прежде чем бить своего подопечного.

— А, так вот кто этот славный мальчик! Не-обыкновенный малыш, сенатор! С такими способностями... Конечно, бывает немного непослушным, но живость характера, как известно, признак большого таланта, — с лицемерной лезвостью подобострастно заявил подхалим. — Отчего же ты не сказал мне, что он твой родственник? Я бы отнёсся к нему с особым вниманием.

— Где он? — потребовал ответа патриций.

— Не знаю, благородный сенатор! Он только что разговаривал с Панецием, — ответил Тертуллий.

Аврелий вздрогнул: с Панецием, который последним видел в живых ложную Лучиллу, с Панецием, бывшим учителем Элия и знавшим его почерк... Если только эфесянин догадался, что его заметили в то утро в коридоре, Манлий пропал!

Патриций не стал терять ни минуты и, бросившись вниз по лестнице, столкнулся с Оттавием, шедшим навстречу.

— Что ты здесь делаешь, сенатор? — приветливо обратился к Аврелию молодой человек.

— Помоги мне, быстро! Панеций захватил Манлия! Конечно, ребёнок узнал его, когда тот, задушив Лучиллу, выходил из ванной комнаты. Нужно остановить его, прежде чем он расправится и с ним!

— Боги бессмертные! Надо помешать ему! Быстрее, беги к Капитолийскому холму, а я —

к Тибру. Они не могли далеко уйти, ведь Манлий хромает!

Аврелий выбежал на улицу, но возле театра Марцелла было так много народу, что пришлось локтями побивать себе дорогу. Вглядываясь в прохожих, он добежал до переулка, свернул к крепостной стене, оттуда к Тарпейской скале⁸⁶, на которую вела лестница «Сто ступеней», и бросился по ней вверх по холму, надеясь увидеть Панеция и Манлия с высоты.

В переулке, который был виден отсюда, несколько запоздавших учеников спешили домой, к горячей ванне, вкусному супу и удобной постели, но среди них не видно было маленького Манлия, чью походку нельзя было не узнать издалека.

С трудом переводя дыхание, патриций поднялся ещё выше, оказавшись почти на вершине холма, рядом со святым сердцем Города — Капитолийским храмом⁸⁷, позолоченная черепица которого поблёскивала в зелени деревьев.

Из последних сил, тяжело дыша, он поднялся на вершину холма, но отсюда не видна была дорога внизу, на которой он надеялся увидеть

⁸⁶ Тарпейская скала — в Древнем Риме отвесный утёс с западной стороны Капитолийского холма, с которого сбрасывали осуждённых на смерть государственных преступников. Согласно преданию, название произошло от имени Луция Тарпейи, сброшенного с этого утёса за оппозицию царю Ромулу.

⁸⁷ Капитолийский храм, также называемый Капитолием, был древнейшим храмом на одноимённом холме. В нём почиталась Капитолийская триада — Юпитер, Минерва и Юнона.

Манлия. Тогда Аврелий подбежал к краю скалы, к обрыву, откуда сбрасывали предателей родины ещё с тех самых пор, когда жадная Тарпейя⁸⁸ пыталась продать город врагу. Внизу расстилались колючие кусты и засохшие деревья, которые никто никогда не поливал, и целое море крыш, среди них особенно выделялись хорошо отшлифованная крыша храма Аполлона и чуть ниже — огромный полукруг театра.

Вдали виднелся Тибр.

С бьющимся сердцем, опустив голову, Аврелий опёрся на невысокое каменное ограждение у края скалы. Огорчённый, что так и не удалось найти Манлия, он осмотрелся и невольно прочитал надписи на камнях.

Тут были и любовные признания, и политические лозунги, и непристойные рисунки. И хотя все мысли патриция были заняты Манлием, он невольно узнал и тарифы проституток, и мольбы, обращённые к богам, и даже послание владельцу соседней таверны: *«Сабино продаёт воду, но пьёт чистое вино»*.

Чья-то рука, возможно, самого хозяина таверны или какого-нибудь доброжелательного посетителя, перечеркнула острым камнем некоторые слова, и фраза приобрела противоположный смысл: *«Сабино продаёт чистое вино»*.

⁸⁸ Тарпейя — дочь римского полководца, которому поручили оборону крепости на Капитолийском холме во время войны с сабинянами. Подкупленная сабинским царём, она предала своих соплеменников ради груды драгоценностей. По другой легенде название Тарпейской скалы произошло от её имени.

Взглянув на Тибр, Аврелий внезапно увидел Манлия и почувствовал, как мурашки пробежали по спине. Подавив возглас изумления, он тотчас как сумасшедший бросился вниз к реке по лестнице Казней⁸⁹.

Толпа у портиков театра Марцелла уже почти разошлась.

— Сенатор Стаций! — услышал он чей-то требовательный призыв. Не обращая на него внимания, Аврелий, запыхавшись, помчался в сторону Бычьего форума⁹⁰ и храма Геркулеса.

У Приречных ворот он почти столкнулся с процессией женщин, направлявшихся с благодарственными молитвами в храм Весты. Не обращая внимания на протесты матрон, сенатор, растолкав их, бросился к реке, на ходу снимая плащ, чтобы бежать быстрее.

Аврелий боялся, что уже не найдёт Манлия, но прежде чем сдаться, готов был перевернуть весь Город: мальчик оказался в опасности, и только из-за его глупости!

⁸⁹ Лестница Казней была расположена в непосредственной близости от Мамертинской тюрьмы. Когда осуждённого сбрасывали с неё, несчастный катился по крутым каменным ступеням. Если ему везло, то он сразу ломал шею и быстро умирал, но чаще всего падение лишь приводило к травмам, а добивали жертву мечами и кинжалами. Иногда приговорённого сначала удушали, это считалось мягким приговором.

⁹⁰ Бычий форум — древнейший форум Рима. Когда-то здесь велась торговля скотом, откуда и его название. Также возможно, своим названием форум обязан упоминаемой Овидием и Тацитом бронзовой скульптуре быка, стоявшей здесь.

На перекрёстке у моста Эмилия движения не было. В этот час все находились в термах для послеобеденного омовения, а здесь среди немногих припозднившихся пешеходов виднелись только пара телег, гружённых древесиной, да какой-то вычурный, разукрашенный паланкин.

Уставший Аврелий опёрся о парапет моста. Виной всему было его невероятное самомнение, говорил он себе, проклятая привычка вечно совать нос в чужие дела и глупая уверенность, что всегда сумеет найти выход из положения. А теперь вот расплачиваться за его ошибки будет ни в чём не повинный мальчик, которого он сам же втянул в эту историю. И тут вдруг прямо перед собой на мосту Фабриция⁹¹ он увидел мужчину и ребёнка. Расстояние до них было меньше мили.

Мальчик выглядел спокойным. Он стоял на парапете, поддерживаемый человеком, которому слепо доверял, и этот мужчина, жестикулируя, указывал ему вниз, на тёмные воды Тибра. Вдруг маленькая фигурка наклонилась и закачалась, теперь только человек удерживал его от падения. Патриций невольно вскинул руки, пытаясь предотвратить катастрофу, но между ним и убийцей протекала река...

— Нет! — изо всех сил заорал Аврелий, увидев, что ребёнок повис над водой. И в ту же

⁹¹ Мост Фабриция (сегодня — Кватро Капи) — старейший сохранившийся мост в Риме. Он практически не изменился с тех пор, как был построен в 62 году до н. э., чтобы соединить остров Тиберина, единственный остров на реке Тибр, с восточной частью разросшегося Рима.

минуту слабое тельце упало в Тибр, а человек, не оборачиваясь, побежал на остров Тиберина.

Патриций не раздумывал. Ещё мгновение — и даже такой опытный пловец, как он, ничего не смог бы поделаться. Вскочив на парапет моста Эмилия, он устремил взгляд на маленькое чёрное пятнышко — на голову Манлия, которого течение влекло в сторону.

— Этот сумасшедший сейчас прыгнет! — в испуге закричала какая-то женщина с дороги, но Аврелий уже бросился в воду.

Оказавшись недалеко от несчастного беспомощного ребёнка, которого осенняя вода крутила в водовороте, словно обезумевшая карусель, сделав несколько сильных гребков, он подплыл к нему, но удержать Манлия никак не удавалось. Сильное течение дважды вырывало мальчишку из рук патриция. Видя, что не удаётся спасти утопающего, Аврелий в отчаянии взмолился:

— О Великая Мать всех богов!..

И в ту же минуту — он не поверил самому себе! — ему удалось притянуть ребёнка к себе.

С трудом добравшись со своим драгоценным грузом до берега, он тяжело дышал — казалось, лёгкие сейчас разорвутся.

А в это время на мосту Фабриция сошлись в смертельной схватке двое мужчин. Но Аврелий не замечал их. Он склонился к обессиленному ребёнку, ища признаки жизни. Но напрасно — Манлий не дышал.

Не желая сдаваться, Аврелий перевернул его на живот и, ухватив за ноги, перетащил на песок. Когда же увидел, как изо рта с посиневшими

губами вдруг выплеснулась вода, он принялся трясти мальчика, хлопать по плечам и даже вдуть воздух прямо ему в рот. Лёгкий кашель, раз, другой, сдавленный хрип, и ещё один выплеск грязной воды...

— Держись, Манлий, держись! — призывал патриций, пока мальчик пытался вздохнуть. Постепенно это давалось ему всё лучше, наконец, дыхание сделалось ровным, но, совершенно изнурённый, он сник, потеряв сознание. Однако был жив.

И тут Аврелий расхохотался. Он смеялся так безудержно, истерично и бурно, словно сошёл с ума от радости.

С полуживым ребёнком на руках — в глазах туман, туника насквозь мокрая — он двинулся к мосту и увидел, что там яростно дерутся двое мужчин: один — неуклюжий и тучный, другой — лёгкий и ловкий.

Казалось, можно было не сомневаться в том, кто победит в этой исступлённой схватке. Однако ловкости и тренировок в борьбе недостаточно — чрезмерная уверенность, как и в жизни, может иногда подвести.

Тот из противников, у кого имелось явное преимущество, слишком порывисто набросился на своего соперника, желая решительно покончить с ним, но здоровяк внезапно увернулся от удара и упал. Не ожидавший этого нападавший не успел притормозить, по инерции пронёсся дальше и, стукнувшись об ограду моста, перелетел через неё и рухнул в воду.

Аврелий, сощурившись, смотрел, как он падал, и слышал его сдавленный крик, исполненный скорее удивления, чем испуга.

В ту же минуту человек пропал в волнах Тибра.

С трудом удерживая на руках бесчувственного мальчика, патриций поспешил дальше к мосту Фабриция, и тут к нему вдруг кинулся избитый и окровавленный мужчина с вытаращенными глазами, в которых застыл немой мучительный вопрос.

— Твой сын жив, Торквато, — сказал Аврелий, передавая ему мальчика. Потом обернулся и посмотрел на реку — туда, где исчез Оттавий.

XXIII

ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ ДО ДЕКАБРЬСКИХ КАЛЕНД

— Оттавий! О небожители, это последний человек, о ком я могла бы подумать! — в изумлении произнесла Помпония, поднимаясь с обширного триклиния.

— А почему? — удивился Аврелий. — Он ведь единственный, кто что-то выгадывал от обоих убийств. Оттавий ссорился с Лучиллой, когда она умерла. Девушка велела ему прийти в ванную и там угрожала устроить такой скандал, который мог бы погубить его, отца и, самое главное, школу. Нас ввели в заблуждение многочисленные подробности, которые не имеют никакого отношения к преступлениям: все эти письма с угрозами, магические амулеты, банковские аферы...

«И обмен близняшек...» — добавил он про себя.

— Аврелий, я одного не понимаю, ведь Оттавий сам попросил тебя провести расследование!

— Конечно! Когда понял, что я всё равно буду им заниматься. Он знал, что слуги слышали, как они с Аррианием крепко ссорились накануне вечером, поэтому сам поспешил сообщить мне об этом раньше других. Кроме того, побуждая меня обратить внимание на кувшин и пробку, он ловко направил мои подозрения на всех, кто бывал в доме в последние дни.

— Ты хочешь сказать, что в кувшине не было яда?

— Не было. Он добавил его туда утром, уже после убийства, чтобы можно было подумать, будто на жизнь Арриания покушался кто-то посторонний. Вот почему Оттавию нужна была моя поддержка: от стражников детали могли ускользнуть, а он как раз рассчитывал, что я внимательно изучу продырявленную пробку и использую этот факт, чтобы снять с него подозрение. В тот вечер ритор, очевидно, дал понять ему, что знает правду, и тот решил убить его на месте, плеснув ему порцию яда прямо в чашу. На самом деле мы только с его слов знали, будто учитель взял чашу наугад из ряда других. На другой день Оттавий превосходно разыграл перед слугами комедию, будто его тоже отравили... Этим хитрым ходом он хотел показать, будто не знает, где яд, а если добавить сюда наше убеждение, что он не мог написать третье письмо...

— Это от меня ускользает, дорогой мой. Ты всё время утверждал, что автор третьего послания и есть убийца, но мы же точно знаем, что Оттавию был незнаком почерк Элия...

— Прочитай внимательно это письмо Помпония. «Теперь, когда Аррианый мёртв...» Тут нет ни одного слова, которое не встречалось бы в двух предыдущих!

— Ты хочешь сказать, что Оттавий всего-навсего скопировал первые два письма, написанные Николаем, те самые, что ритор ему показывал?

— Ну да! Я неожиданно догадался об этом, когда прочитал надпись на стене про хозяина

таверны. В ней достаточно было зачеркнуть несколько слов, чтобы полностью изменить смысл. Оттавий сделал то же самое, копируя только те фразы из предыдущих писем, какие нужны были, чтобы составить последнее послание. Между прочим, он заготовил его задолго до того вечера, и это, несомненно, говорит о том, что он заранее спланировал убийство своего покровителя, если тот станет угрожать ему.

— А о чём же, в таком случае, Панецкий разговаривал с Манлием в школе? Это мне тоже непонятно...

— Он поздравлял его с успехами в учёбе. Подумать только, я сам сообщил убийце, что мальчик мог видеть, как он выходил из ванной комнаты! Оттавий знал, куда пошёл Манлий, и направил меня в противоположную сторону, надеясь настигнуть его раньше меня. Малыш доверял ему и подтвердил, что является опасным свидетелем, которого необходимо немедленно устранить. Моя медлительность могла стоить ему жизни!

— К счастью, ты успел исправить ошибку и помирился с этим гордым старьевщиком.

— Нелегко было прийти к согласию с ним. Судя по всему, он был убеждён, что я испортил репутацию его покойной жены, и преследовал меня, желая отомстить. Но теперь он доверяет мне настолько, что согласился взять деньги в долг, чтобы вместе с парой честных людей создать предприятие.

— Ну, понятно, не станет же он сомневаться в человеке, который рисковал жизнью, спасая

его сына. Но в любом случае довольно скверно, когда такие римские граждане, как Торквато или Македоний, вынуждены голодать или даже продаваться в рабство. Кстати... вместо того чтобы делать пожертвования какому-нибудь храму, я решила создать в память о Лучилле фонд для воспитания девочек из бедных семей.

— Молодец, Помпония! — одобрил патриций.

— Я устрою его для девочек, делающих успехи в математике, как моя бедная Лучилла.

Аврелий не стал поправлять её. Он решил оставить при себе историю подмены сестёр-близняшек — какой смысл теперь открывать правду?

— Как только подумаю, что этот изверг убил её ни за что! Состояние Арриания и так уже перекочевало в карманы Корвиния! — с возмущением заметила Помпония.

— Оттавия не интересовали деньги, — уточнил патриций. — Ему хотелось лишь одного — руководить школой, чья бы она ни была. Если бы всё получилось как он задумал, он стал бы превосходным преподавателем и, возможно, даже хорошим мужем для твоей приёмной дочери. Тем не менее он был слабым человеком, к тому же вспыльчивым. В то утро, когда Лучилла сказала ему, что устроит скандал и отменит свадьбу, он окончательно потерял разум...

Помпония покачала головой, упрямо не соглашаясь с тем, что преступник может быть хорошим мужем!

— Ритор с самого начала подозревал его, но вместо того, чтобы принять горькую правду,

предпочитал закрывать на всё глаза, — продолжал Аврелий. — Он спросил, не могу ли я снять обвинение с Оттавия прежде всего в его глазах. Аррианий переживал ужасные мучения. Каково ему было сознавать, что юноша, которого он любил больше всего на свете, убил его дочь! А потом, когда подозрение превратилось почти в уверенность, он прямо сказал это своему воспитаннику.

— И Оттавий убил его, чтобы тот не донёс на него!

— Нет. Думаю, что Аррианий был настолько привязан к нему, что готов был, несмотря ни на что, помочь ему бежать. Оттавий, однако, не пожелал отправиться в изгнание или вернуться в родные горы, в Бруццио. Ему виделась его мечта — престижная карьера, современная школа, сотни юношей восхищаются им и преклоняются перед его авторитетом... Он был порывистым и расчётливым одновременно, но под конец у него сдали нервы, и он набросился даже на беззащитного ребёнка!

— И всё же остаётся непонятным, зачем он покрыл тело Лучиллы грязью, — заявила славная матрона.

— Это останется загадкой для всех, Помпония. Важно, что убийца понёс заслуженное наказание, — возразил Аврелий, не желая вдаваться в подробности.

— Да, ты прав. Теперь, так или иначе, я тоже могу сообщить тебе кое-что интересное. Помнишь, после того как ты поручил мне доставить

письмо Камилле, посоветовал прекратить наблюдение за ней.

Забеспокоившись, Аврелий насторожился.

— Ну, так я тебя не послушалась и продолжала следить за ней!

Аврелий решил, что всё пропало. Если только Помпония прознала, что Камилла приходила к нему домой, она оповестит об этом весь Рим!

— У неё есть любовник, это точно! — заявила подруга.

— Да что ты говоришь! — Аврелий изобразил неподдельное удивление.

— Она встречалась с ним ночью в день ид и, должно быть, пробыла там довольно долго, потому что рабыни мне доложили, что она весь день только и делала, что прихорашивалась для него.

— Невероятно!

— Я предупредила всех моих осведомителей, что не успокоюсь, пока не узнаю, кто этот человек, — пообещала она.

— Но это же могла быть и какая-то ошибка, Помпония, — Аврелий стал уводить разговор в сторону в ужасе от мысли, что болтливая матрона всё же доберётся до него. — Расскажи мне лучше последние новости о Мессалине, — хитро поинтересовался он, надеясь отвлечь её внимание от этой опасной темы. Потом, хорошо понимая, что хроника императорских рогов потребует немало времени, велел принести кувшин с пивом и вольготно расположился в кресле, которым заменил стул, изготовленный мастерами с острова Родос. В сущности, если разобраться,

то Наннион оказала ему неоценимую услугу, сказав этот неудобнейший предмет мебели...

— ...Жаль, что приходится расставаться с тобой на самом интересном, — извинилась Помпония час спустя, — но Домичилла ждёт меня в термах. И последнее: не знаешь ли случайно, что означает «К. М. Т. — всего два асса»? Сегодня утром почти все стены в городе были исписаны этим...

Аврелий покачал головой, а матрона поспешно попрощалась.

Оставшись один, патриций принял ванну и велел побрить себя. Потом, полностью переодевшись, решил отбросить воспоминания, о которых так бестактно напомнила Помпония. Мужчина, рассуждал он, после сорока лет начинает чувствовать, что ему нужна зрелая женщина, которая уже оставила в прошлом все свои безумства... Иренея любила путешествия, книги, философию... Пора бы уже ему подумать и окончательно определиться...

Аврелий вышел в вестибюль и тут же огорчился, вспомнив, что на целый день отпустил своих нубийцев. Вкус Патрициус, куда он собрался, была слишком далеко, чтобы он смог нанять там общественный паланкин. Как же теперь добратся до Квиринала? Выйдя из дома, он постоял некоторое время в нерешительности, как вдруг услышал за спиной знакомый голос:

— Не угодно ли стульчик, господин?

Обернувшись, Аврелий оказался лицом к лицу с ещё помятым после драки Торквато, который

предлагал ему переносной стул. На нём красивыми заглавными буквами выделалась надпись «К. М. Т. — Кастор, Македоний, Торквато — городские перевозки».

Аврелий, не колеблясь, уселся на сиденье и велел трогаться.

Иренея, предупреждённая слугой, уже ожидала его. Она пребывала в отличном настроении, и Аврелий решил, что выбрал подходящий момент, чтобы сделать предложение.

— Знаешь новость? — оживлённая, сияющая женщина предвосхитила его слова. — Мы забираем школу!

Это «мы» слишком неприятно прозвучало для опытного слуха патриция.

— Мы — это кто? — осторожно поинтересовался он.

— Мы с Панецием, разумеется. Мы давно уже встречаемся, а теперь...

Аврелий спокойно улыбнулся, заставив себя заглушить разочарование.

— Мы долго обсуждали это и решили продвигать идеи Оттавия. Хоть он и убийца, но как преподаватель прекрасно знал своё дело. А стоймость будет доступна всем, в этом я убедила даже такого упрянца, как...

— Упрянца? — Аврелий всё понял. Он, конечно, дал маху. Представить себе Иренею...

— Знаешь, я очень счастлива! Никогда не подумала бы, что можно строить matrimониальные планы в моём возрасте...

Патриций замер.

— Ты говорила, что для тебя уже прошло время бурных страстей... — глухо заметил он.

— Это всё случилось так быстро, — призналась она, пожав плечами.

— Понимаю, — ответил Аврелий, который предпочёл бы ничего не понимать.

— В самом деле? Такой свободолюбивый человек, как ты, не терпящий никаких прочных привязанностей и обязательств... Неужели правда понимаешь? Ты ведь не можешь остановиться, это сразу видно. Тебе непременно надо куда-то ездить, нужны новые книги, новые женщины...

Патриций поостерёлся опровергать это заключение.

— Ах, Аврелий, — сказала Юния, погладив его по щеке с небрежной нежностью учительницы, утешающей провалившегося на экзамене ученика. — Хочу, чтобы ты знал, как прекрасно было познакомиться с тобой и заниматься с тобой любовью. Ты такой очаровательный!

— Но не настолько, чтобы женщине захотелось провести со мной всю жизнь, — заключил патриций, задетый за живое.

Юния рассмеялась:

— Ты мужчина, о каком можно только мечтать, мечтой и остаёшься! А женщине нужно ещё кое-что: любовь, уверенность, возможность дожить до старости с человеком, который в ней нуждается... Ты же, однако, настолько самодостаточен, что несколько ни в ком не нуждаешься.

— Да, — невольно согласился Аврелий, ещё раз полюбовавшись изящной манерой, с какой

Иренея сбрасывала его со счетов. — В таком случае, что я могу сказать тебе, подруга? Вале, и будь счастлива! — и, стараясь скрыть огорчение, поспешил удалиться.

Но едва он закрыл за собой дверь, как увидел его — сухопарый, но уже не такой сутулый, всё та же смиренная манера держаться, но уже с новым блеском в глазах.

— Привет, Панеций! — сказал Аврелий, ожидая его на пороге. Эфесянин посмотрел на него неуверенно и с опаской. Появление здесь, у дверей Иренеи, этого аристократа, которому благоприятствовала сама фортуна, могло быть предвестием только каких-то несчастливых событий: разве может соревноваться уволенный вольноотпущенник Панеций с сенатором Публием Аврелием Стацием, с этим богатым, образованным, властным красавцем?

— Мои поздравления! — сказал ему Аврелий. — Ты получил нечто такое, что я никогда не смогу иметь. Теперь мой черёд завидовать тебе!

Помрачневшее лицо грамматика изменилось — он почувствовал гордость, и, не говоря больше ни слова, мужчины пожали друг другу руки.

Тут патриций задался вопросом: произнёс ли он эту великодушную фразу только для того, чтобы ободрить эфесянина, или на самом деле завидует не высокопоставленному чиновнику, не всемогущему Цезарю на Палатинском холме, властвующему над миром, а простому вольноотпущеннику, с которым Иренея решила разделить жизнь?

Сомнение длилось лишь мгновение, и уже в следующую минуту, с величавой осанкой и обычным насмешливым выражением лица, поблагодарив судьбу за то, что она помешала ему совершить большую глупость, Аврелий решительно направился к дому Корвиния.

— О великий Гермес, ты одурачил меня, Аврелий! — вскричал банкир, глядя на длинный перечень имён и цифр, который патриций представил ему.

— Хватит издеваться над бедняками, Корвиний. Отныне и впредь, если захочешь ссужать деньги в долг, будешь давать их под гораздо более низкий процент — не более одного процента в месяц, как предписывает закон. Само собой, если не хочешь неприятностей, то придётся списать долги Македонию и другим несчастным, у которых ты пил кровь.

Старый банкир вздохнул:

— Да будет так. В сущности, тайное ростовщичество — весьма рискованное занятие. К счастью, вот уже несколько лет, как я инвестирую в честные дела...

— А вот что касается школы, думаю, ты согласишься со мной, — её надо бы отдать Панецию и Иренее. Я готов сам финансировать школу, если нужно.

— Не помешало бы, я не очень полагаюсь на этих двоих. Оттавий, конечно, лучше вёл бы дела.

— Они решили использовать его методы. Стоить будет недорого, и обучение станет доступно

самым способным. А кроме того, Юния и Панаций не стремятся разбогатеть.

— Ну, если так, ладно...

— И забудь про этот вексель на пять тысяч сестерциев, — добавил патриций, с усмешкой передавая ему свиток, полученный от Помпонии.

— Боги небесные! — воскликнул огорошенный банкир. — Он теперь у тебя!

— У меня есть и другой, по которому ты должен мне пять тысяч сестерциев немедленно, и ещё столько же в конце месяца!

Старик развернул свиток и принялся внимательно изучать его. Потом поморщился и спокойно возразил:

— Не думаю, что получишь что-нибудь, Стаций, более того, можешь вообще выбросить этот папирус, поскольку он ничего не стоит.

— Как ничего? — удивился патриций. — Разве тут не твоя печать стоит?

— А я скажу, что она фальшивая.

— Не получится так выпутаться! В Риме существуют законы, и у меня есть два свидетеля, которые видели, как ты подписывал его!

— Всё это так, коллега Стаций. В Риме действительно бесчисленное множество законов, и некоторые заботятся, чтобы их соблюдали. Но мы также хорошо знаем, что многие законы несправедливы, и многим тяжбам никогда не дадут ход, если только они не попадут в лапы особо усердных магистратов — из тех моралистов, что все ещё вздыхают о старых добрых временах и всеми силами стараются остановить прогресс. Возьмём любой закон наугад: закон

об адюльтере, например. Этот лицемер Август установил его, желая положить конец процветающей безнравственности сенаторского класса, только не предусмотрел, что первой же его жертвой окажется собственная дочь. Сегодня уже никто не считается с этим законом, но я знаю одного пожилого магистрата, который с тех пор, как его жена убежала с управляющим, применяет его с предельной строгостью. Мы с тобой светские люди, Аврелий, с гибким и открытым складом ума. Так вот, как бы ты отнёсся к закону, по которому тебе грозит изгнание за то, что ты вступил в незаконную связь с женой одного видного римского гражданина, а также твоего коллеги или друга?

Сенатор побледнел. Если бы в этот момент в таблинуме Корвиния разверзлась пропасть, он без колебаний бросился бы в неё, лишь бы только не встретиться взглядом со старым банкиром.

— У меня тоже есть два свидетеля, Аврелий, — римские граждане, и имей в виду, их слова не вызовут сомнений. Они проследили за женщиной, которая вошла в твой дом, и видели, как она вышла от тебя через несколько часов в весьма живописном беспорядке. Если не помнишь, могу освежить твою память — это было в ночь ид...

Сенатор прочистил горло.

— О Гермес! Да ты же надул меня! — признался он со смущением.

— Не беспокойся, я не мстителен. Насладившись моей собственностью, ты вернул мне её без

ущерба. Поэтому я посчитал бы себя жадным, если бы попросил тебя возместить его. И вполне удовольствуюсь лишь оплатой аренды, — он помахал векселем перед носом патриция и затем поднёс его к горящему фитилю.

— Но... это же пять тысяч сестерциев! — возмутился Аврелий.

— Признайся, оно того стоит... — самодовольно улыбнулся банкир, старательно сжигая папирус. Аврелий, смирившись, кивнул в ответ, в свою очередь стараясь сдерживать улыбку. — Кстати, коллега, — продолжал Корвиний, по-дружески беря его под руку, — боюсь, что у тебя возникнут трудности с тем обменным курсом в Нумидии. У тебя там не хватает контор, чтобы самому вести дела. Что скажешь, если возьмусь помочь тебе? У меня достаточно людей, чтобы расширить сеть.

— Я был бы рад возместить твой ущерб в Испании. И даже готов открыть две или три новых конторы, чтобы помочь тебе. Лишь бы только ставка была законной, разумеется.

— По рукам, Публий Аврелий, — заключил Корвиний, широко улыбаясь и подписывая соглашение. — Ах, Стаций, одно удовольствие иметь с тобой дело, надеюсь, мы и дальше будем сотрудничать. К сожалению, в ближайшие недели я снова уеду в Таранто с Николаем. Знаешь, я не слишком ему доверяю и думаю продать его там, хотя и обнаружил, что он умеет делать неплохой трюк с ауресами... Не скрою, однако, что немного тревожусь за Камиллу: она ведь будет скучать тут одна, в Риме, почему бы тебе

не навещать её иногда? А о втором векселе поговорим после моего возвращения...

«Проклятый сводник!» — подумал Аврелий и словно услышал слова Помпонии: «Она только и делала, что весь день прихорашивалась для него...» и возглас девушки: «Я сделаю для тебя всё что угодно!»

Поспешно забыв все свои благие намерения, патриций почувствовал искушение: он не настолько простодушный, чтобы позволять этой маленькой колдунье долго водить его за нос. Она рано или поздно получит своё.

Разве не удалось хитрому Одиссею избавиться от чар Цирцеи и восторжествовать, почувствовав, что она побеждена, беспомощна и молит его вернуться к ней в постель. Олимпийские боги ликовали в тот день, видя, как герой восстановил свои мужские права.

Но верно ли, что знаток тысячи уловок и умелый разрушитель крепостей вышел победителем из противостояния с могущественной колдуньей? Аврелий внезапно засомневался, вспомнив, что двадцать лет спустя Телегон⁹², сын Одиссея, зачатый той же ночью униженной волшебницей, нечаянно убил своего отца, неукротимого Одиссея, которого не могли усмирить ни боги, ни люди.

⁹² Телегон — сын Одиссея и волшебницы Цирцеи; возмужав, по совету матери отправился на поиски отца. Высадившись со своими спутниками на берег острова Итака, он принялся разорять его. Одиссей и его старший сын Телемах вышли навстречу пиратам с оружием в руках. Телегон не узнал отца и в схватке ранил его насмерть шипом ската, который заменял наконечник на его копье.

И всё же Публий Аврелий, как и властелин Итаки, тоже любил рисковать...

— Ах, зачем ожидать твоего возвращения, Корвиний? Давай сразу же посмотрим на документ и убедимся, что в нём нет никакой ошибки, — предложил он, доставая из складок туники второй вексель. — «Десять тысяч сестерциев за женщину — это безумие! — подумал он про себя. — Кастор назовёт меня дураком». — Чёрт возьми, ты прав, коллега. Это не твоя печать. Просто не понимаю, как я мог ошибиться! — с улыбкой воскликнул Аврелий, решительно поднёс к огню новый лист папируса и долго смотрел, как он сгорает.

ЖЕМЧУЖИНА ПУБЛИЯ АВРЕЛИЯ СТАЦИЯ

(45 ГОД НОВОЙ ЭРЫ)

Большая вилла на полуострове погрузилась в сон. Рабы и служанки уже давно разошлись по своим комнатам, и ни один светильник не горел в домах виноградарей на склонах холма.

Даже летом в Питекузе⁹³, при всей её необычайной красоте, проживало немного народу, мало находилось квиритов, соглашавшихся жить на острове, который часто сотрясали землетрясения. А зимой, когда не было отдыхающих, которые приезжали сюда на лечение термальными водами, это место становилось идеальным для любителей тишины и спокойствия.

С целым сундуком новейших книг, намереваясь оставаться в Питекузе до январских календ, Публий Аврелий отправился сюда морем

⁹³ Буквально «остров обезьян» — сегодня остров Искья, римляне называли его также Аэнария.

в тот же день, когда банкир Элий Корвиний, муж очаровательной Камиллы, вернулся в Рим...

В ту ночь патриций настолько углубился в чтение, что не заметил, как пробежало время, и только когда оторвал глаза от книги и взглянул на свечу, обнаружил, что из неё выпали на поднос уже четыре из двенадцати гвоздей⁹⁴.

Тогда он свернул драгоценный том Аристархия Самосского⁹⁵, поднялся из-за стола и вышел на террасу.

Ночь была холодной, но ясной. На востоке за причудливым, похожим на гриб силуэтом утёса можно было рассмотреть маяк Гераклиума и за ним дальнюю оконечность острова Прохита⁹⁶. На севере, напротив, открывалась бескрайняя водная ширь, а серп луны, висевшей над ней, казался луком в руках Артемиды, разъезжавшей по небу на посеребрённой колеснице.

Сенатор Стаций, разумеется, не верил ни в какие сказки про богов, более того, задумался над вопросом, а насколько прав был Аристархий, утверждавший несколькими веками ранее, что

⁹⁴ Такие свечи с гвоздями служили своего рода будильниками. Сгорая, свеча плавила воск, и гвоздь со звоном падал на металлическую поверхность подноса.

⁹⁵ Аристарх Самосский (310—230 гг. до н. э.) — древнегреческий астроном, математик и философ, предположивший гелиоцентрическую солнечную систему на 1800 лет раньше Коперника и разработавший научный метод определения расстояний до Солнца и Луны и их размеров.

⁹⁶ Островок у побережья Кампании, близ мыса Мизенум, сегодня Прочида.

именно солнце, а не земля, центр, вокруг которого движутся все планеты.

Впрочем, не астрономические диспуты волновали его в эту минуту. Он приехал в Питекузу в поисках тишины и спокойствия, но желанный покой длился всего лишь одно утро.

Жители маленького порта Гераклиум заволновались, узнав о появлении такого важного гостя, и стали каждый день собираться у ворот его виллы, так что теперь сундук Аврелия был заполнен прошениями, как и в его римском доме на Виминальском холме.

Известность умножила и попытки воровства: не только попрошайки и бездомные постоянно кружили возле ограды виллы, но несколькими днями раньше у подножия мыса нашли тела двух разбившихся на скалах мальчишек с расширенными зрачками и переломанными конечностями. Эти воришки приплыли на лодке к самому жилищу патриция и свалились с высокого утёса, когда попытались проникнуть в дом.

С тех пор каждую ночь трое вооружённых охранников, заперев ворота, дежурили на единственной дороге, ведущей к хозяйской вилле, предвосхищая возможные проникновения.

И всё же сенатор не чувствовал себя в безопасности: магистрата его ранга яд и кинжал могли подстеречь где угодно, и в любой момент следовало быть начеку.

И действительно, уже собираясь покинуть террасу, Аврелий вдруг услышал какой-то подозрительный шорох. Он отошёл в тень, чтобы осмотреть скалу, и не ошибся: кто-то, обхитрив

охранников, ловко и бесшумно, словно кошка, поднимался снизу.

Патриций и не подумал бить тревогу. Из любви к тайнам и приключениям он решил сам проследить за тёмным силуэтом, который при свете луны уже скользнул по западному крылу здания и легко спрыгнул на веранду.

Аврелий прижался к стене и подождал, пока непрошенный гость крадучись войдёт в спящий дом.

Он прошёл за ним в портик, затем в эзедру⁹⁷ и таблинум, потом последовал по всем коридорам, намереваясь схватить его на месте преступления, если тот вздумает что-то украсть. Однако неизвестный, напротив, прошёл по всем комнатам, не обращая внимания на ценные безделушки, которых повсюду имелось немало, вышел на западный балкон и поднялся на парапет, словно задумал броситься с него вниз.

Вот тогда Аврелий выскочил и, схватив вора за ноги, прежде чем тот успел спрыгнуть, перекинул его через себя и вывернул ему руку. Услышав лёгкий вскрик, сильнее сжал её и подтолкнул своего пленника к большому бронзовому канделябру.

Когда засветился фитиль масляной лампы, в дрожащем свете он разглядел человека,

⁹⁷ *Esedra (лат.)* — полукруглая глубокая ниша, обычно завершаемая полукуполом, может быть открытой или украшенной колоннами, обязательная часть античных терм и дворцов, иногда павильон, служащий местом для отдыха или бесед.

согнувшегося пополам и неспособного сопротивляться из-за заломленной руки.

Из необъятной мокрой туники выглядывали тонкие ноги, они отчаянно брыкались и старались ударить патриция по голениям. Потеряв терпение, Аврелий откинул капюшон с головы пленника и, грубо схватив его за волосы, повернул лицом к свету.

— Боги небесные! Женщина! — воскликнул он и ослабил хватку. Непрошенная гостья отскочила в сторону и рванулась было к парапету.

— Эй, не вздумай шутить! — предупредил патриций, преградив ей дорогу. — Стоит мне дать знак, и десятки рабов вмиг окажутся тут! — сказал он и повлёк её в библиотеку. Там, заперев дверь на ключ, отпустил женщину и зажёл другой светильник, чтобы получше рассмотреть, кого он поймал.

Это оказалась молодая девушка лет двадцати, и не скажешь, что миловидная: на лбу налипли мокрые волосы, под ними чёрные брови, и такие густые, что соединялись на переносице. И хотя вся её поза выражала смирение, глаза смотрели на Аврелия с глухой злобой, а враждебный оскал обнажил белоснежные ровные зубы. На крепком теле выделялась грудь, обтянутая прилипшей туникой, пожалуй, слишком пышная для её небольшого роста. Девушку била дрожь.

— И что ты здесь делаешь ночью? — спросил Аврелий, стараясь испугать её суровым видом. — Ты, наверное, жалкая воровка, умеющая неплохо плавать, которая живёт тем, что обчищает пустые виллы!

— Я ничего не украла у тебя! — с обидой возразила она.

— Тогда что тебе нужно в моём доме? — настаивал сенатор, быстро соображая: а может, девушка говорит правду, в сущности, она даже не взглянула ни на одну дорогую вещь, которую могла бы перепродать старьёвщикам на побережье или скупщикам...

Но поскольку пленница упрямо молчала, патриций решил положить конец допросу.

— У меня нет времени, объяснишь всё охране, — и взялся за колокольчик, собираясь вызвать рабов. — А пока вытрись, солёная вода лётся с тебя на мой нумидийский мрамор.

— Я не сделала ничего плохого! — с обидой заявила девушка.

— По-твоему, это нормально — забираться ночью в резиденцию высокопоставленного магистрата и бродить крадучись по дому? Думаю, судья будет другого мнения, — сердито ответил сенатор.

— Не отправляй меня в суд, бога ради! — взмолилась она.

Аврелий посмотрел на неё внимательнее и улыбнулся про себя — эта молодая женщина отнюдь не робкого десятка.

— Предпочитаешь решить нашу маленькую проблему по-простому, как это делают крестьяне, когда ловят вора у себя в огороде? — усмехнулся он.

А они веками призывали для защиты бога Приапа, коротышку, который во всех нишах на перекрёстках выставлял свой огромный член, как

предостережение злоумышленникам. По традиции хозяин земли и в самом деле имел право что угодно делать с любым непрошеным гостем, которого обнаруживал в своих владениях, будь то мужчина, женщина или ребёнок.

— Ты ведь шутишь, не так ли? Ты такой... — девушка отпрянула, покраснев.

— А что ты знаешь обо мне? — с недовольством спросил патриций.

— Ты ведь сенатор, верно? Тебя все тут знают. Когда устраиваешь званый ужин, приглашаешь танцовщиц и музыкантов с цитрами, и селяне собираются на пляже послушать музыку, которую доносит туда ветер. К тебе приходят выразить своё почтение все самые важные лица на острове, не говоря уже о нарядных матронах, прибывающих в паланкинах... Тебе уж точно не нужна толстая и волосатая девушка!

— Толстая? Я сказал бы, что очень даже приятной полноты, — заметил Аврелий, стараясь не рассмеяться и сохранить строгое выражение лица.

— Но я воняю рыбой! — попыталась увильнуть девушка.

— Сначала вымоешься в ванне, — спокойно возразил Аврелий.

— Я — римская гражданка и *вирго интакта*!⁹⁸ — заявила в конце концов девушка, ссылаясь на закон, который защищал её от насилия.

⁹⁸ *Virgo intacta* (лат.) — неприкосновенная девственница.

— В местных тюрьмах ты недолго побудешь девственницей, тюремщики получают своё удовольствие с каждой новой заключённой, — сообщил ей сенатор. Она закусила губу, оглядываясь, словно зверь в клетке. — Может, у тебя есть хотя бы имя? — спросил Аврелий, немного подобрев.

— Меня зовут Мелисса, я — ныряльщица за губками.

— Собираешь их в бассейнах частных вилл? Хочешь выпутаться, придумай лучше какое-нибудь более подходящее объяснение, моя девочка.

— Я вошла сюда только потому, что мне нужно было пройти через твой дом на другую сторону утёса. К сожалению, туда нет другого пути с тех пор, как ты построил виллу, — объяснила Мелисса, вытираясь покрывалом и напрасно надеясь, что патриций отвернётся.

«Что же такого интересного может быть на той стороне? — удивился про себя Аврелий. — Возможно, те двое ребятишек, что разбились у подножия утёса, тоже туда направлялись...»

— А что ты собиралась там делать? — спросил он.

— Забрать одну ценную вещь, спрятанную там.

— Не придумывай! Эта земля уже много лет принадлежит мне, во время строительства тут за всем очень хорошо следили, и никто не мог побывать здесь.

— Это случилось намного раньше. Нам с Левчо было тогда по тринадцать лет, а Чирно ещё и десяти не исполнилось.

— Должно быть, это те двое ребяташек, что упали со скалы. Ну, так что же всё-таки вы там ищете?

— Если скажу, выдам секрет.

— Я всё равно его узнаю, даже если для этого придётся перерыть весь холм, — припугнул сенатор.

— Это вещь, которую мы нашли, когда собирали мидии на утёсе, мы хотели продать их Фоке, владельцу таверны в Гераклиуме. Нас было шестеро: я, Дзена, Левчо, Пилад, Аттилий и маленький Чирно. Как-то раз мы заметили на скале скопление устриц и решили собрать их. Фока заплатил бы нам за них много больше, чем за мидии. Однажды мы забрались туда, а поскольку устрицы нам тоже нравились, то решили съесть несколько штук. И когда открыли одну из них, то прямо обомлели — в ней оказалась жемчужина, крупная как виноградинка! Мы стали открывать другие ракушки, но все оказались пустые, и мы тут же съели всех устриц. Когда же наелись так, что едва животы не полопались, вспомнили про жемчужину. Хотя мы были детьми, всё же понимали, что, если покажем кому-нибудь, у нас её просто отберут. Поэтому решили спрятать находку и вернуться за ней потом. Пилад, самый ловкий из нас, поднялся на утёс и схоронил жемчужину в расщелине скалы, куда никто никогда и не полез бы любопытствовать. Потом появился ты и постарался как следует оградить эту землю...

— И помешал вам забрать ваше сокровище, — завершил её рассказ сенатор.

— И тогда мы решили подождать, пока строители закончат возводить здание. Жемчужина оставалась в надёжном месте, а мы за несколько лет повзрослели и решили, наконец, разделить находку. Однако Пилад тем временем уехал в Байи вслед за одним богатым провинциалом, которому понравился. По правде говоря, никто не жалел о его отъезде, потому что доля каждого увеличивалась. Нас осталось пятеро, и все были твёрдо намерены забрать жемчужину.

— Но почему именно сейчас?

— В твоё отсутствие охрана очень строгая, в то же время мы заметили, что когда ты бываешь тут, любишь, чтоб вокруг было поменьше народу. Увидев тебя здесь зимой, мы решили воспользоваться случаем. Судьбе было угодно решить, чтобы Левчо и Чирно попробовали пробраться туда первыми, и ты уже знаешь, чем это кончилось. А ведь это были умелые ребята, с раннего детства привыкшие лазать по скалам...

Аврелий вдруг вспомнил расширенные зрачки одного из трупов и нахмурился из-за возникшего подозрения.

— Теперь я решила пробраться сюда одна и вплавь обойти охрану, которую ты выставил у причала.

— И не побоялась холодной воды?

— Я привыкла.

— А следующим должен был пойти Аттилий?

— Нет, Дзена. Аттилий вывихнул ступню во время несчастного случая с лодкой в прошлом году. Он поправился, но лазать больше не может.

Аврелий кивнул, решив, что поручит своему верному секретарю Кастору всё проверить.

— Так что, если позволишь мне подняться туда, мы больше тебя не побеспокоим, — продолжала Мелисса. — Видишь ли, совершенно необходимо, чтобы именно я забрала жемчужину. Дзена не должна подниматься туда...

— Почему же? — пожелал узнать Аврелий.

— Дзена — дочь Макария, управляющего молами. У него нет сына, — объяснила Мелисса, — и он думает передать своё дело будущему зятю, если, конечно, у того что-нибудь будет за душой. Мы с Аттилием всегда были друзьями и в прошлом году решили пожениться. Но я думаю, что если сейчас он завладеет жемчужиной, то не сдержит слово. А Дзена красива, у неё светлые волосы, она уже давно не загорает, как в детстве. Теперь держится как девушка на выданье — к пище прикасается только кончиками пальцев, не пьёт вина и мало говорит. У неё светлая кожа и нежные руки, носит длинные одежды, а причёсывает её служанка... Короче, боюсь, что она нравится Аттилию намного больше, чем я!

— И если жемчужина окажется в твоих руках, то, возможно, ты снова станешь весьма привлекательной для этого юноши, — понимающе заключил Аврелий.

Мелисса опустила глаза, не отрицая.

— В таком случае нам нужно во что бы то ни стало найти её! — улыбаясь, заявил сенатор.

В шестом часу Публий Аврелий пешком спустился в селение, надев простой плащ и пару

тёплых, но не самых красивых сапог. Кольца и драгоценные пряжки отставил дома. В таком виде сенатор походил на писаря, мелкого торговца или вольноотпущенника из состоятельной семьи.

Насвистывая, он смешался с толпой в порту. Подойдя к причалу, увидел, что навстречу ему направляется взмокший от пота невысокий человек в великолепном греческом плаще, точно таком же, какой он заказывал для себя у знаменитого портного на острове Родос. Извинившись, спросил, как его зовут, и узнал, что это Лисиппий, владелец и управляющий публичным домом в Гераклиуме.

— Послушай! А откуда у тебя этот плащ? — заговорил он с ним, преградив дорогу.

— Красивый, верно? — с гордостью, ответил сутенёр. — Это подарок моего друга Кастора, секретаря сенатора Стация. У него не нашлось мелочи в тот день, когда пришёл в бордель...

Аврелий подавил гнев и решил, что непременно сведёт счёты со своим прохвостом слугой.

— Думаю, что среди твоих клиентов немало молодёжи. Аттилий, например... — осторожно поинтересовался он, подкрепив свой вопрос монетой.

— Этот? Ну, если не считать, что у него нет и полсестерция, зачем ему мои девушки при том, что женщины сами бегают за ним!

— А богатый Макарий?

— Богатый? — удивился Лисиппий. — Уже не богатый, увы. Он в долгах, как в шелках. И если в ближайшее время не раздобудет денег,

очень плохо ему придётся... Но зачем разговаривать тут, посреди дороги? Пойдём лучше ко мне в публичный дом. Не хочу хвастаться, но это перwokлассное место!

— Как-нибудь в другой раз, — отказался патриций, направляясь на причал, возле которого стояла лодка Аттилия.

По правде говоря, Аврелий не очень представлял, о чём станет говорить с моряком, потому что история с жемчужиной становилась намного сложнее, чем казалась на первый взгляд.

И действительно, тем же утром под восхищённые взгляды слуг Мелисса легко забралась на вершину утёса и вскоре радостная спустилась оттуда с тайным сокровищем в складках своей одежды.

И с волнением показала его Аврелию, доверчиво ожидая ответа. Патриций, однако, промолчал. Одного лишь взгляда на жемчужину ему было достаточно, чтобы понять — это, вне всякого сомнения, жалкая фальшивка.

— Не может быть! — не поверила Мелисса и принялась царапать шарик. Вскоре от него отлетел кусочек белого лака, и под ним обнаружилось стекло: не редкостная драгоценность безмерной стоимости, а грубая подделка, которую можно купить в любой лавке...

— Это не наша жемчужина! — решительно заявила девушка. — Кто-то украл её!

«Да, но кто мог это сделать?» — думал сейчас патриций, подходя к домам рыбаков. Может быть, рабочие, которые строили виллу? Нет, они не стали бы подменять её... И даже не Левчо

и Чирно, которые погибли, когда полезли за ней. Оставались только Аттилий и Дзена, если не считать Пилада, красавчика, который затерялся в Байях.

Была ещё одна неприятная версия: что, если намного раньше жемчужиной завладела сама Мелисса, чтобы потом разыграть комедию перед своими сообщниками, задумав ограбить их...

Размышляя обо всём этом, Аврелий прошёл в конец причала. Здесь перед лодками прогуливалась с надменным видом светловолосая девушка, держа раскрытым вышитый зонт от солнца, совершенно неуместный в этот пасмурный день. Моряки, как зачарованные, наблюдали за каждым её движением. Однако всё внимание красавицы было обращено только на одного из них — на юношу, который в этот момент отдавал швартовые и время от времени отпускал ей смелые комплименты, сопровождаемые участливыми смешками и кривыми ухмылками товарищей.

Если это Дзена, то у Мелиссы мало шансов, решил Аврелий. Молодой человек кружил возле красавицы, словно голубь вокруг голубки.

— Тебя зовут Аттилий? — спросил патриций моряка, когда девушка удалилась.

— Чем могу служить? Нужна лодка для рыбной ловли? Макарий сдаёт вместе с экипажем.

— Нет, я здесь для того, чтобы сообщить тебе плохую новость. Вчера ночью Мелисса, ныряльщица за губками, упала с утёса.

Загорелое лицо Аттилия на мгновение побледнело, потом сквозь печаль, подобающую в такой

момент, засветилась невольная радость: гибель старой подруги хоть и досадна, зато исключала ещё одного человека при разделе находки...

— Говорят, она была твоей невестой, — заметил сенатор.

— Ну, невестой... только так сказать, — сразу же уточнил Аттилий. — Я знал её, не отрицаю. И мы даже немного развлекались, но чтобы жениться на ней... У меня совсем другие планы, я вскоре попрошу в жены вот эту красавицу, которую ты только что видел здесь!

— Не Дзена ли это, дочь Макария? Как может такой бедняк, как ты, рассчитывать на его согласие? Он ведь контролирует все причалы и не скрывает, что ему нужен богатый зять, — сенатор притворился, будто удивлён, надеясь, что его собеседник не знает о неудачах своего будущего свёкра.

— А ты считаешь меня нищим, да? Не ошибись! Внешность иногда обманчива. Ты, например, разве готов поклясться в невинности женщины только потому, что у неё на голове повязка весталки?

— Кстати, Мелисса умерла как раз вовремя, словно для того, чтобы ты выбрался из затруднения. Было бы неловко бросить её после того, как вы... — продолжал Аврелий, не сомневаясь, что понял всё правильно.

— Да ладно. Она же не забеременела от меня, — ответил моряк. — Но ты не совсем прав, женщины иногда приходят в отчаяние из-за пустяка. Она была девственницей до того, как пришла ко мне, и если бы захотела, могла бы

доставить мне немало неприятностей, обвинив в изнасиловании. Но она была не из тех, кто решается так поступать. Однако в любом случае она сама повела меня однажды ночью туда, в скалы, чтобы заниматься любовью. Я там бывал, конечно, и не только в тот раз...

— Значит, ты должен признать, что, упав со скалы, Мелисса сделала для тебя благое дело. Думаю, Макарий вряд ли порадует, если накануне свадьбы дочери узнает про соблазнённую и брошенную тобой девушку.

— Хочешь, можешь считать и так.

— Интересно, зачем она полезла ночью на скалу, — продолжал патриций.

— Тот тип, что живёт там, бесконечно богат, и эта дурочка, наверное, надеялась что-нибудь стащить. Должно быть, он спустил на неё собак, вот она и потеряла равновесие.

— Ну, если ты так думаешь, то, конечно, не пойдёшь на праздник к этому типу, — сказал Аврелий.

— А что за праздник? — заинтересовался Атилиий.

— Не знаешь? Сенатор Стаций устраивает званый ужин по случаю ларенталии⁹⁹. Ночью в день зимнего солнцестояния в Риме принято отмечать погребение Акки Ларенции, кормилицы Ромула и Рима, которая умирает зимой,

⁹⁹ Ларенталии — праздник, отмечавшийся в древнем Риме 23 декабря и установленный первоначально для чествования Ларунды, сабинской богини, которую позднее отождествили с матерью ларов — домашних богов римлян.

чтобы возродиться только следующей весной... Сенатор пригласил не только самых важных на острове людей, но и всех свободных римских граждан, независимо от их социального положения.

— Конечно, приду! Если еда там задаром. Не каждый день бывает такое! — очень обрадовался моряк. — Прямо сейчас побегу и скажу об этом Дзене и Макарию, — добавил он и поспешил по причалу.

— Вижу, твоя ступня уже совсем не болит, — заметил Аврелий.

— Почти поправилась, благодаря богам... Эй, а ты откуда знаешь это? — удивился Аттилий, но патриций уже удалился.

— Хочешь собрать на званый ужин всякий сброд, толпу нищих? — возмутился Кастор, секретарь патриция, мастер на все руки. — Ты сошёл с ума. Они же разгромят дом!

— Нет, такое не случится, если кто-нибудь последит за ними, — возразил Аврелий. — А поскольку Парис остался в Риме, этим займёшься ты.

— Можно, конечно, по-всякому бросать деньги на ветер, — ответил вольноотпущенник. — Но ты мог бы, например, прибавить жалованья своим работникам. Так или иначе, не рассчитывай на меня в этой затее, — решительно заявил он и хотел было уйти.

— Ах, Кастор, скажи-ка мне лучше, — остановил его Аврелий, — почему в моём гардеробе

недостаёт плаща, который я заказывал на острове Родос?

— Он был очень потрепанный, хозяин, и я подарил его одному нищему. От твоего имени, разумеется, — невозмутимо промолвил слуга.

— А разве сутенёр Лисиппий и в самом деле такой нищий? Думаю, он гребёт деньги лопатой в своём борделе, — возразил хозяин. — Ладно уж, на этот раз не стану сердиться, Кастор. Если на празднике всё пройдёт благополучно, закрою глаза на твою выходку. В противном случае знай, что плащ этот стоит триста сестерциев, которые будут удержаны из твоего заработка.

— Но послушай, неужели ты станешь крохоборствовать со мной, чтобы потом накормить половину Питекузы, — проворчал Кастор сквозь зубы!

— Всё, хватит обижаться и пиши список гостей: все власти Гераклиума с супругами, все римские отдыхающие, если конечно, в такую погоду тут найдётся ещё кто-нибудь, самые видные матроны с мужьями, любовниками, ухажёрами и так далее, лишь бы все были римскими гражданами. Разместишь их в большой эздре в западном крыле. Пятнадцати трёхместных триклиниев должно хватить. Для народа попроще, напротив, накроем большие столы в коридорах и в парке. Отправь общественного глашатая сообщить всем о приглашении. В этот раз никому не придётся собираться на пляже, чтобы послушать музыку!

— И никаких гладиаторов, надо думать? — спросил Кастор, хорошо зная нелюбовь Аврелия к соревнованиям на арене. — Это всё?

— Нет. Когда закончишь, отправишься в Байи, найдёшь там молодого человека по имени Пилад и узнаешь, кто тот богатый покровитель, который содержит его. А также раздобудешь сведения об Аттилии, Дзене и Мелиссе. Мне нужно знать, уезжали ли они с острова после окончания строительства виллы и когда.

— Ты, наверное, боишься, хозяин, что я ослабею умом от безделья? Здесь работы человек на тридцать! — возмутился вольноотпущенник.

— Это совсем немного за плащ с острова Родос, Кастор. И вместо того, чтобы тратить время на возражения, созови всех служанок без исключения вместе с брадобреем Азелем. И пришли мне тотчас Мелиссу.

Вскоре все рабыни почтительно склонились перед ним.

— Нефер, займись этой девушкой! — приказал Аврелий своей удивительной египетской массажистке, которую приобрёл за сумасшедшие деньги на рынке в Александрии.

— В каком смысле, господин? — не поняла служанка.

— Преврати её в женщину, которая способна вскружить голову даже мёртвому.

Египтянка с ужасом посмотрела на ныряльщицу за губками — задача, которую поставил перед ней хозяин, была действительно очень трудная.

— Твоя рабыня не смогла бы совершить такое чудо, даже если бы принесла в жертву своей

Изиде белоснежную тёлку, — с горечью заметила Мелисса.

— В самом деле, господин, дело весьма непростое, — вмешался Азель, женоподобный сирийско-финикийский брадобрей. — Нет основы.

— Вы оба сильно ошибаетесь, — рассердился Аврелий. — И я постараюсь объяснить вам это. Прежде всего, ноги Мелиссы. Они короткие, но пары сандалий с платформой в пять дюймов будет достаточно, чтобы они стали стройнее, так мы подчеркнём и линию бёдер. Во-вторых, грудь. Подберите такую нагрудную повязку, которая подчёркивала бы её. Само собой разумеется, что ты, Азель, удалишь полностью все волосы с помощью изобретённого тобою средства.

— Будет сделано, хозяин, — поклонился брадобрей.

— И, наконец, лицо. Черты правильные, кроме носа, он слишком длинный, и всё же, если умело оттенить его, он мог бы выглядеть благородно, — заявил патриций, поднимая подбородок Мелиссы. — Поработайте как следует щипчиками. Брови нужно разделить, сделать тоньше и осветлить с помощью краски «Магонца». Подольше подержите на лице термальную глину, чтобы кожа стала розовой, потому что сейчас она слишком смуглая и тусклая. А ты, Нефер, сразу же начни применять твои травяные компрессы и смягчи её шею и руки грязью из фумарол. Для кистей рук используй молоко, пемзу и ароматную мазь. Когда всё будет готово, решим, как причесать её и какой сделать макияж: нужно увеличить губы, а глаза

можно, пожалуй, подчеркнуть с помощью ма-
лахитовой пудры.

— Послушайте, может, хватит, наконец! —
взмолилась вдруг Мелисса, едва не плача. —
Я знала, что я не красавица, но послушать вас,
так я просто уродина!

— Ошибаешься! На самом деле, чтобы стать
красивой, тебе не хватает лишь нескольких
штрихов, о которых мы и позаботимся, — успо-
коил её патриций. — Кастор, подбери ей тунику
из легчайшего индийского шёлка и паллу из мяг-
кой верблюжьей шерсти. А теперь за работу!

Рабы тотчас исчезли: кто отправился готовить
отбеливающие компрессы, кто точить щипчики,
кто подбирать сандалии на высокой платформе.
Только Мелисса не двинулась с места.

— Ты решил, наверное, что имеешь дело
с бревном, которое не видит и не слышит, если
можешь так обращаться со мной перед своим
слугами? Лучше бы отправил меня к охранникам!

— Я всегда успею это сделать, женщина.
Не забывай, что мы с тобой ещё не рассчита-
лись, — напомнил ей Аврелий.

— Ты такой же эгоист, как Аттилий, — слег-
ка успокоившись, проворчала девушка. — Вам
обоим нет никакого дела до других, используете
на всю катушку, а потом бросаете, когда отпадает
надобность!

— Выходит, наш распрекрасный моряк от-
нюдь не образец добродетели. Этот мошенник,
случайно, не пытался ли овладеть тобой? —
спросил патриций, сделав вид, будто ему неловко
задавать такой вопрос.

— Нет-нет... — поспешила ответить девушка.

— И потому, несмотря ни на что, всё ещё защищаешь его. А мне, однако, он рассказал совсем другое, и тебе стоило бы знать, что именно, — сделавшись серьёзным, Аврелий передал ей слово в слово безжалостное суждение молодого человека о ней.

Девушка слушала, сильно бледнея, а потом долго молча плакала.

Сенатор подождал, пока она справится со своим горьким разочарованием, и только потом заговорил снова.

— Аттилий знал, что ты собираешься подняться на утёс? — спросил он.

— Я прекрасно поняла, что он предпочёл, чтобы эта опасность выпала мне, а не на долю его драгоценной Дзены, — призналась Мелисса.

— Это он привёз на лодке к утёсу Левчо и Чирно? — захотел узнать Аврелий.

— Да, и чтобы ободрить их, уступил им свою последнюю чашу с вином... Но почему ты об этом спрашиваешь?

Сенатор помолчал. Ограбление и два недавних трупа вызывали некоторые сомнения, недостаточные, однако, чтобы убедить всё ещё влюблённую женщину...

— А тебе он ничего не давал выпить вчера вечером? — поинтересовался он, помня, что девушка легко, без особого труда поднялась на утёс.

— Ну как же, мы вместе выпили!

Патриций в растерянности замолчал. Учитывая расширенные зрачки трупов, он был уверен, что Левчо и Чирно утратили равновесие из-за того,

что выпили с вином какое-то средство, которое могло вызвать головокружение и галлюцинации. Однако такое предположение не оправдывалось: если бы Аттилий хотел разделить добычу только с Дзеной, то он подпоил бы зельем и Мелиссу, чтобы потом жемчужину достала его будущая жена...

— Я знаю, о чём ты думаешь. Но ты ошибаешься, если считаешь, что Аттилий пытался убить меня! — с гордостью заявила вдруг девушка. — Он всегда любил меня... А потом, жемчужина оказалась фальшивой!

— А с чего ты взяла, что он знал об этом? Но ты всё равно права. Иначе и быть не могло, потому что ты выпила его вино и до сих пор жива, — заключил Аврелий.

Девушка содрогнулась и задрожала.

— Или что-то не так? — шёпотом спросил сенатор.

— Он сильно переменялся по отношению ко мне, — пролепетала Мелисса. — Он хотел бросить меня, после того... после того, как...

— Как переспал с тобой, — закончил её фразу Аврелий, и девушка безутешно кивнула в ответ.

— Я знала, что он увлёкся Дзеной, и тогда я спустилась вниз, в порт, к старой Дельфине. Она умеет предсказывать будущее и делает разные чудотворные отвары, способные даже камни сдвинуть с места.

Обычный любовный напиток, понял Аврелий, с немалым скепсисом относившийся к подобным средствам.

— Я насыпала волшебный порошок в свою чашу и, улучив момент, поменяла с его чашей.

— Выходит, если в чаше было что-то другое, кроме твоего любовного напитка, он выпил и это! — воскликнул патриций. — С такой смесью в желудке, он, наверное, не очень хорошо чувствовал себя вчера ночью! Однако сегодня утром он ни на минуту не усомнился в том, что ты мертва...

Тут в комнату влетела Нефер.

— Идём со мной, девушка, у нас столько работы и совсем мало времени! — заявила она и увела Мелиссу прежде, чем та успела что-то ответить.

— Боги, какая роскошь! — прокудахтала Дзена, войдя в парк. Десятки смоляных ароматизированных факелов окрашивали всё вокруг красноватым светом, отражавшимся на мраморных скамьях, тончайших занавесях и на изумлённых лицах гостей званого ужина.

Макарий подал руку дочери, и Аттилий встал рядом с нею.

— Смотри-ка, из фонтанчиков на столе бьёт вино. Если это сделано для простых горожан, что же в таком случае может быть в зале для самых важных гостей? — в восторге воскликнул юноша.

Между тем рыбаки, виноградари и вязальщицы сетей рассаживались по скамьям, собираясь в полной мере насладиться этой неожиданной удачей, а более важные гости располагались на почётных триклиниях, стоящих вокруг триклиния

хозяина дома. В определённый момент, когда прозвучала аулос¹⁰⁰, в зале появились слуги с серебряными блюдами с закусками — оливки, устрицы, мидии, яйца под соусом, крабовые фрикадельки, петушинные гребешки, самые разные салаты, поперчённые булочки и душистый пиченский хлеб.

Аттилий, Макарий и Дзена хотели было уже наброситься на всю эту благодать, как вдруг, к их большому удивлению, подошедший к ним раб попросил их подняться из-за стола и провёл в большой зал. Моряк со смущением оглядел свою скромную тунику — достаточно ли она чистая, а Дзена, сияя, прошла к почётному триклинию, стараясь скрыть удовлетворение.

Мелисса, находившаяся в этот момент в одной из комнат виллы, буквально леденела от страха.

— Я не смогу, просто не смогу! Всё же станут смеяться надо мной, — чуть не плакала она.

— Никто не вздумает смеяться над женщиной, которую сопровождает сенатор Стаций! — строго предупредила её Нефер, поправляя плащ. — И прошу тебя, ради божественной Изиды, постарайся хоть сейчас не хныкать, а то испортишь весь макияж, который стоил мне двух часов изнурительной работы!

Азель тем временем наносил последние штрихи на заплетённые волосы Мелиссы, а рабыни надевали ей на шею дивной красоты изумрудное ожерелье.

¹⁰⁰ Греческая парная флейта.

— А теперь самая главная деталь, — вмешался Кастор и ловко прикрепил к её тунике красивую брошь в виде крохотной золотой клеточки.

— Ну вот, теперь можешь посмотреть, — разрешили служанки, подводя её к большому овальному зеркалу.

Мелисса взглянула в него и в изумлении сразу же обернулась, ища женщину, которую видела в нём, не понимая, куда же та подевалась — ведь только что стояла у неё за спиной!

— Это я? — не веря своим глазам, пролепетала она, глядя на эту прелестную, женственную красавицу с нежной кожей, тонкими дугами бровей и яркими, сияющими глазами, цвет которых прекрасно подчёркивал зелёный малахит.

Ошарашенная, девушка робко улыбнулась, желая посмотреть в зеркале, как будут выглядеть при этом её искусно подкрашенные губы. Она всё ещё рассматривала себя, когда появился Аврелий.

— Отличная работа, девочки, — одобрил патриций, включив в своё обращение и брадобрея Азея, которому это весьма польстило.

Оглядывая новую, очаровательную Мелиссу, сенатор задался вопросом, а зачем она солгала ему? Он поговорил в порту с Дельфиной, и та утверждала, будто знать ничего не знает ни о каком любовном напитке. Аврелий отложил на потом этот скучный вопрос, который мог испортить ему аппетит.

— Ты был прав. Красивая женщина, — подтвердил секретарь. — Похожа на ту статую,

которой боги подарили жизнь, желая порадовать Пигмалиона.

— Надо было всего лишь немного отмыть её, как поступают с теми скульптурами, которые извлекают иногда из земли на месте погребённых под пеплом городов, — с удовлетворением ответил Аврелий. — А теперь, Кастор, нам остаётся только выбрать жемчужину в моей шкатулке, настоящую и очень крупную. Мы используем её как приманку. Кстати, ты позаботился разместить всех подозреваемых на триклиниях возле меня?

— Да, Аттилия, Дзену и Макария я посадил слева от тебя, а Пилада рядом с неким господином, питающим слабость к красивым юношам, — усмехнулся вольноотпущенник.

Мелисса молчала, в восхищении глядя на Аврелия. До сих пор она видела его только в короткой тунике и сандалиях, в обычной мужской одежде. Теперь же перед нею стоял высокий магистрат, всемогущий сенатор во всём своём аристократическом блеске.

Рыбачка, ныряльщица за губками, смотрела на белоснежную тогу, окаймлённую латиклавом, на роскошные сенаторские сапоги с высокой шнуровкой и полулуниями из слоновой кости и золотые пряжки, державшие плащ, но когда встретила взглядом с Аврелием, то едва не потеряла сознание, испугавшись его надменного патрицианского высокомерия.

Мелисса ничего не понимала в политике и понятия не имела, что теперь курия превратилась уже в чисто совещательное собрание, цель которого одобрять все пожелания очередного Цезаря.

Для неё, родившейся и выросшей на острове, Аврелий являл собой Сенат, Сенат — Рим, а Рим — весь мир. И теперь бедная ныряльщица за губками должна была выйти под руку, как равная, с этим могущественным человеком...

— Не могу, — вдруг замерла она на пороге эзедры.

— Можешь! — улыбаясь, произнёс патриций.

Мелисса увидела, как его правая рука, украшенная перстнем с рубиновой печаткой, взяла её руку и высоко подняла вверх. От страха она закрыла глаза, и бурные аплодисменты гостей встретили вышедшего в банкетный зал хозяина дома.

Атилиий без конца тёр глаза: он несколько не сомневался, что сенатор — тот самый человек, с которым он разговаривал в порту, а знатная дама, которая возлегла рядом с ним на триклиний, чем-то похожа на его Мелиссу. Естественно, это ему лишь кажется, убеждал он себя. Это какая-то матрона, и очень красивая к тому же, тогда как бедная Мелисса разбилась в скалах... И всё же...

— Как ты можешь думать, что это она? Не видишь разве, что это знатная дама? И потом, Мелисса умерла, ты же сам сказал мне! — уличила его во лжи задетая за живое Дзена.

— Да, но... — произнёс он, невероятно растерявшись и щурясь, чтобы лучше рассмотреть.

Моряк так разволновался, что даже мурена под соусом показалась ему безвкусной. Когда же он увидел юношу на триклинии напротив, что

любезничал со своим соседом, мурашки побежали у него по спине: это же его старый друг Пилад, давно пропавший в Байях из-за какого-то похотливого богача.

В этот момент по знаку Аврелия в зале установилась тишина.

— Сегодня вечером, — заговорил хозяин дома, — мы отметим удивительное событие. Знатной даме, которую видите рядом со мной, благоволившие ей боги послали пророческий сон: Амфитрита, царица морей, указала ей место, где спрятана вот эта ценнейшая жемчужина, — продолжал он, показывая драгоценность, выбранную Кастором. — И хотя эта редкость нашлась на моей земле, было бы справедливо, чтобы она принадлежала той, кому богиня оказала свою милость. Поэтому я хочу сейчас в вашем присутствии вручить ей то, что предназначили ей боги в своём счастливом предвестии!

Сказав так, он наклонился и вложил небольшой, сияющий всеми цветами радуги шарик в клеточку на броши, прикреплённой к тунике Мелиссы.

Аттилий почувствовал, как кровь ударила ему в голову: жемчужина, его жемчужина, сокровище, о котором он мечтал столько лет... Он внезапно вскочил, хотя Дзена и попыталась удержать его.

— Какое там ещё чудо, какая Амфитрита! — вне себя от досады закричал он. — Благородный сенатор, тебя обманывают! Эта женщина, которая выдаёт себя за изысканную матрону, это же Мелисса, рыбачка, ныряльщица за губками,

и не было никакого вещего сна! Она прекрасно знала, где искать жемчужину, потому что была с нами, когда мы нашли её и спрятали. Сокровище принадлежит нам, и я могу доказать это!

В зале раздались смешки, однако гости вскоре притихли, слышался только удивлённый шёпот.

— Что-что? — спросил Аврелий с мрачным видом. — Выходит, эта женщина посмеялась надо мной?

— Да, благородный сенатор, — подтвердил моряк. — Не представляю, как она превратилась из зачуханной рыбачки в такую красивую госпожу, но я точно знаю, что она лгунья. Двое моих друзей погибли, но остались Дзена и Пилад, которые подтвердят мои слова! — И он указал на курчавого юношу, который не выразил никакой радости от того, что к нему обращаются.

— Объясни! — потребовал патриций, и Атилиий рассказал всё, начиная с удачной находки устриц, кончая трагической смертью Левчо и Чирно.

— Ты подтверждаешь эту историю, Дзена? — спросил сенатор.

— Да, мы нашли жемчужину, но эта женщина слишком красива, чтобы быть Мелиссой! — возразила девушка.

— А ты, Пилад?

Юноша отвлёкся на мгновение от своего богатого поклонника, любезничавшего с ним, и неохотно согласился.

— Тогда дело обстоит очень плохо, потому что я точно знаю, что Левчо и Чирно были убиты. Врач, проводивший расследование, предложил

содержимое их желудков голодным собакам. Отведав его, они взбесились, — бесстыдно солгал патриций, и никто не усомнился в его словах. — Следовательно, кому-то понадобилось избавиться от двух неудобных компаньонов, и он отправил их на утёс, уверенный, что, выпив галлюциногенное питьё, они потеряют там равновесие и упадут. Расширенные зрачки трупов говорят о том, что убийца использовал страшную траву «атропо», она растёт только высоко в горах, где заканчивается лес. На Питекузе таких лесов нет...

— Но такой лес есть на горе Прочита, — напомнил Макарий, с тревогой глядя на будущего зятя.

— Куда моряки отправляются каждую нундину¹⁰¹ на рыбный рынок, — заключил Аврелий, и все взгляды обратились на Аттилия.

— Эй, сенатор, не думаешь ли ты свалить всё на меня? — возмутился юноша, сообразив, что дело принимает плохой оборот.

— Скажи-ка мне, хорошо ли ты спал сегодня ночью, когда Мелисса отправилась на утёс? — неожиданно спросил его Аврелий.

— Как всегда. И со спокойной совестью, если хочешь знать, — без колебаний ответил Аттилий.

— В таком случае... — произнёс сенатор, нахмурившись, и Аттилий понял, что если станет и дальше хитрить, это может обойтись ему слишком дорого.

— Нет, подожди, — снова заговорил моряк, не очень, правда, охотно. — На самом деле

¹⁰¹ Nundinae (лат.) — девять дней.

я солгал. Этой ночью я не мог уснуть, нервничал, мне было очень жарко, во рту всё пересохло...

— И вдобавок испытывал сильное сексуальное возбуждение, — закончил вместо него Аврелий.

Аттилий сглотнул, растерявшись от злобных усмешек сотрапезников.

— Ну, так признайся, — предложил патриций. — На кону двое убитых.

— Это верно, но при чём здесь я, их мог убить кто угодно, может быть, даже эта змея Мелисса, которая сумела так хорошо обмануть тебя.

— Да, твоя любовница, которая слепо доверяла тебе, и которой ты кое-что подсыпал в вино, не зная, что она поменяла чаши.

— Тебе ни за что не удастся обвинить меня ни в чём, — возразил Аттилий, — ведь я никак не мог забрать жемчужину, потому что из-за больной ступни не могу больше лазать по скалам.

— И в самом деле, потом подняться на скалу должна была Дзена. Деньги, которые вы могли выручить от продажи жемчужины, разве не должны были убедить Макария в том, что вам нужно пожениться? — спросил Аврелий, обращаясь к Дзене, которая изо всех сил пыталась изобразить спокойствие, но нервно теребила зонт.

— Девушка из хорошей семьи не скачет по скалам, словно коза, — высокомерно ответила она.

— И всё же, говорят, в детстве ты делала это очень даже ловко. Знаешь, я узнал, что прошлым

летом, в Ирпинии, ты несколько раз отправлялась на прогулку в горы.

— Мы ездили туда на телеге, родители и слуги.

— Телега, слуги... скоро тебе придётся расстаться со всей этой роскошью, Дзена. Ты не можешь, конечно, не знать, что твой отец почти разорён, — сказал патриций, указывая на Макария. Аттилий, ничего не знавший об этом обстоятельстве, вытаращил глаза от удивления. — А окажись у тебя жемчужина, всё осталось бы по-прежнему. Однако одной доли от её стоимости недостаточно, чтобы решить твои проблемы, ты захотела получить всё. И готова была посадить себе на шею Аттилия как мужа. Или, может быть, и ему собиралась дать отравленную воду? Потому что именно ты, готов поспорить, подготовила отравленное вино для скалолазов.

Дзена закусил губу и уронила зонт.

— Неужели ты в самом деле думаешь, будто это я убила Левчо и Чиро? — рассмеялась она.

— Я не думаю, я убеждён в этом! — категорически заявил патриций.

— Как ты можешь так говорить, сенатор! Дзена — впечатлительная, воспитанная девушка, она ещё дитя... — попытался защитить её Аттилий.

— И трезвенница: отличный повод никогда не пить с вами. Так или иначе, плохое самочувствие в том виде, как ты описал его, это результат приёма травы «атропо» в достаточно лёгкой дозе, она не убьёт, но вызовет головокружение,

из-за которого теряют равновесие. Так что никому и в голову не пришло бы заподозрить тебя, Аттилий, который должен был выполнить роль невольного соучастника. На твоё счастье, ты признался, что плохо чувствовал себя этой ночью, и, конечно, не стал бы этого делать, если бы сам отравил вино, выпитое по ошибке.

— И всё же отрава... — возразил моряк, но уже совсем неуверенно.

— Ни в Питекузе, ни в Прочите нет и следов растения «атропо». Оно растёт только в горах Ирпинии, именно там, куда Дзена отправлялась прошлым летом. Многие годы ты не ездил на материк. И Мелисса тоже там никогда не бывала, поэтому исключено, чтобы вы оба могли добыть такой редкий яд, которого нет даже у колдуньи Дельфины.

— Это всё неправда! — с презрением возразила девушка.

— Дзена права. Почему виноватой должна быть она, а не Пилад, который имел все возможности купить отраву у какого-нибудь мошенника в Байях? — сжал кулаки Аттилий, всё ещё не убеждённый.

— Потому что Пилад — единственный, кому не надо было никого убивать, чтобы завладеть жемчужиной. Он прекрасно знал, что она фальшивая.

— Фальшивая? — проговорила Дзена, бледнея.

— Возможно, Пилад завладел ею на другой же день, поднявшись на утёс и заменив

её стеклянной безделушкой, а потом пустил слух о щедром любовнике, который придумал специально для того, чтобы не вызвать у вас подозрений, откуда у него взялись деньги. Я усомнился в нём, как только у меня в руках оказалась фальшивая жемчужина. Совпадение по времени между находкой драгоценности и внезапным благополучием нищего юноши заставило задуматься. И я провёл некоторое расследование в Байях. Там никто не слышал ни о каком богатом покровителе, но все хорошо знали Пилада, особенно владельцы подпольных игорных домов.

— Отдай мою жемчужину, она моя! — вскричала Дзена.

— Не получится, она давно продана, и от полученных за неё денег не осталось и следа. После нескольких лет красивой жизни ваш друг оказался на бобах и, чтобы выжить, стал тем, кем притворился поначалу, когда украл жемчужину, то есть нашёл богатого покровителя.

— Проклятый Пилад! — вскричала Дзена, обращаясь к нему. — Из-за тебя...

— Да, ты убила их напрасно, — согласился Аврелий в то время, как Аттилий смотрел на девушку так, словно видел её впервые в жизни.

— Это ты отправила на смерть Левчо и Чирно, моих лучших друзей! — закричал моряк, грозно приближаясь к Дзене. — Ты хотела убить и Мелиссу, ты заставила меня бросить её!

— Тебе не было до неё никакого дела, ты сам не раз говорил мне... — простонала девушка и,

поднявшись с триклиния, стала пятиться к балюстраде на террасе, нависавшей над скалой.

Макарий тем временем сник, сидел, обхватив голову руками: его дочь — отравительница! Он не мог в это поверить, всё повторял себе, что этого не может быть, и даже не решался взглянуть на неё.

Но когда все же посмотрел, то едва не задохнулся от ужаса: Дзена поднялась на парапет террасы, стремясь отойти от разгневанного Атилия, и стояла на самом краю, глядя на юношу, который решительно приближался к ней.

Девушка в страхе закричала:

— Остановись или я брошусь вниз!

— Постой, не делай глупостей, не сходи с ума! — взмолился моряк, теперь скорее испуганный, чем злой. Он протянул к ней руки, думая удержать, он не собирался делать ничего плохого, он никогда никому не желал смерти...

Дзена отступила на шаг и рухнула вниз.

Её крик затих в глубине обрыва.

Служанки бережно свернули тогу Аврелия и, взяв её, с подобающим поклоном покинули комнату.

— Ты была изумительна, моя дорогая! — поздравил Мелиссу Кастор, снимая с неё изумрудное ожерелье и клеточку с жемчужиной.

— Дай-ка мне всё сюда! — остановил его хозяин, протянув ему открытую ладонь.

— Как, ты не доверяешь мне, хозяин? — обиделся грек и отдал ему драгоценности,

прежде чем удалиться с подчеркнуто вежливым поклоном.

Аврелий положил ожерелье и жемчужину в шкатулку, достал из неё мягкий замшевый мешочек и протянул Мелиссе.

— Вот жемчужина, которую нашла ты, Мелисса, покажи её ювелиру в Гераклиуме. Думаю, он предложит тебе за неё что-нибудь.

Рыбачка молча кивнула.

— Вернёшься к Аттилию, я думаю. Он так смотрел на тебя, что видно было — ждёт не дождётся, чтобы жениться на тебе.

— Не думаю, что теперь готова выйти за него замуж, — ответила девушка.

— Ну, по крайней мере, знаешь теперь, что можешь найти кого-то лучше этого грубого моряка. Однако ты очень любила его, если готова была лгать, хотя и догадывалась, что он убийца.

— О чём ты говоришь? — удивилась Мелисса, вытаращив глаза.

— Колдунья Дельфина не давала тебе никакого волшебного напитка. Ты подозревала, и справедливо, что в напитке был какой-то наркотик, но думала, что это сделал Аттилий. В этом истинная причина, почему ты подменила чашу. Предполагаю, что ты задумала шантажировать своего любовника двумя убийствами, чтобы он не оставлял тебя.

Молчание женщины оказалось красноречивым.

— Ты так сильно любила его! Наверное, у этого несчастного был какой-то секрет, который

мне совершенно непонятен, — взорвался Аврелий, качая головой. — Но в конце-то концов, притом что две женщины так яростно оспаривали его друг у друга, он остался один и теперь может только зализывать раны. А ты не огорчилась из-за жемчужины?

— Нет, нисколько, сенатор. Сегодня вечером я получила нечто большее: я почувствовала себя привлекательной, всеми желанной... Я была сегодня другой женщиной — прекрасной и недоступной.

— Превосходно! Покорять недоступных женщин — моё любимое занятие! И в связи с этим напомним тебе, что мы с тобой ещё не рассчитались: помнишь, что я рассказывал про бога Приапа?

Мелисса посмотрела на него, не понимая.

— Не думаешь ли ты, что я устроил всё это только для того, чтобы усладить взор моих гостей? — поинтересовался Аврелий, уводя её в свою комнату.

— Не могу, — произнесла она на пороге.

— Можешь! — улыбаясь, произнёс патриций.

Проснувшись одна в кровати, инкрустированной слоновой костью, Мелисса ощутила тепло пылающей жаровни и не сразу сообразила, где находится. Потом вдруг всё вспомнила.

Возле бронзового канделябра лежал мягкий замшевый мешочек с фальшивой жемчужиной, а неподалёку, на кресле, на виду — сказочной

красоты одеяние из индийского шёлка. Девушка погладила нежную ткань и поискала взглядом свою поношенную одежду.

Теперь, когда она проснулась, и званый ужин, и только что проведённая ночь с Аврелием показались ей нереальными, какими-то сказочными, фантастическими событиями, которым никогда больше не суждено повториться. И тем не менее Мелисса почувствовала себя сильной: она не представляла, что скажет Аттилию, когда он разыщет её — а что он сделает это, она не сомневалась, — но у неё достаточно времени, чтобы подумать обо всём. Теперь он станет бегать за ней.

Солнце стояло уже высоко, надо было идти.

Она быстро оделась, взяла мешочек с жемчужиной, вышла из комнаты и огляделась — никого. Было бы очень неловко встретить сенатора. Накануне вечером, когда она была такой же нарядной, как он, такой же восхитительной, как он, и такой же, как он, прекрасной, всё казалось ей необыкновенно простым и естественным.

Теперь же она снова превратилась в простую рыбачку, ныряльщицу за губками.

А простой рыбачке нечего делать с великими мира сего — с римлянами.

Она вошла в гостиную и, проходя мимо ещё накрытого стола, оторвала из украшавшего его венка сосновую веточку, думая вколоть её себе в волосы и сохранить на память.

У ворот стражи поклонились ей, хотя на ней были едва ли не лохмотья. Этот почтительный

жест дал ей понять, что начать всё заново, вернувшись к безвестности и нищете, будет куда труднее, чем ожидалось.

Тогда она бегом бросилась вниз по тропинке и остановилась только у самого обрыва, желая взглянуть снизу — с места, которое ей полагалось — наверх, на огромную виллу, красовавшуюся высоко в небе.

Ей хотелось плакать. Не нужна ей больше эта фальшивая жемчужина. Слишком много разочарований, слишком много миражей разбилось об этот маленький кусочек стекла. Она выбросит её в море, чтобы расстаться с горечью, которую доставили ей смерть друзей, разрыв с Аттилием, воспоминание о ночи, слишком короткой, чтобы такой человек, как сенатор, мог запомнить её.

Она открыла мешочек и достала жемчужину, намереваясь бросить её туда, где нашли смерть Левчо и Чирно, соблазнённые её фальшивым блеском. Мелисса в последний раз посмотрела на неё. В неровном свете восходящего солнца она показалась ей великолепной, почти настоящей.

И вдруг у неё зародилось лёгкое сомнение. С замиранием сердца она поцарапала жемчужину ногтём, ожидая увидеть стекло, но... как ни старалась, драгоценность оставалась нетронутой, сияющей, изумительной!

Мелисса задрожала, у неё закружилась голова.

Если божественное провидение смогло превратить простую рыбачку в очаровательную

красавицу, то разве не в силах оно сделать фальшивую жемчужину настоящей?

Для этого, оказалось, не нужны никакие боги.

Это чудо смог совершить земной человек из плоти и крови.

Мелисса вспомнила, как Аврелий что-то перебирал в своей шкатулке, а потом, достав из неё мягкий замшевый мешочек, посоветовал показать жемчужину хорошему ювелиру...

Она взглянула вверх, на виллу, и увидела на террасе сенатора.

Он приветливо помахал ей.

Содержание

ШРАМ НА БЕДРЕ (Роман).....	5
ЖЕМЧУЖИНА ПУБЛИЯ АВРЕЛИЯ СТАЦИЯ (Рассказ).....	310

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 16 лет

**Данила Комастри Монтанари
ШРАМ НА БЕДРЕ**

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Пётр Щёголев*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 23.12.2020.
Формат издания 84×108 1/32. Печ. л. 11,0. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 28.01.2021. Заказ № 2013700.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labirint.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labirint.ru

16+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

